

ISSN 0132 - 1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

СОДЕРЖАНИЕ

1981

XXVI съезд КПСС	3
<i>Марков Д. Ф.</i> Итоги и ближайшие перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР	9
<i>Гибанский Л. Я.</i> Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии на- кануне Крымской конференции	14
<i>Поп И. И.</i> Проблема Словацкого национального восста- ния в чехословацко-советских отношениях	29
<i>Болдов А. В.</i> Подготовка «санации» к созданию своей политической организации (май 1935 — февраль 1937 гг.)	38
<i>Воронков И. А.</i> Польско-русские революционные тра- диции в восстании 1830—1831 гг. в Королевстве Польском	48
<i>Бегунов Ю. К.</i> К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака	57
<i>Акимова О. А.</i> Особенности использования античных ис- точников в «Истории архиепископов Салоны и Сплита»	65
<i>Можаява И. Е.</i> Cyrillo-Methodiana на современном этапе	74
<i>Дуличенко А. Д.</i> Славянские литературные микро- языки	86

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Носкова А. R. Nazarewicz. Drogi do wyzwolenia. Kon- serpcje walki z okupantem w Polsce i ich treści po- lityczne. 1939—1945 . . . . .</i>	99
<i>Маковецкая Т.</i> Александър Стамболийски. Избрани произведения	102
<i>Струкова К. Н. И. Хитрова.</i> Черногория в наци- онально-освободительном движении на Балканах	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Пергажко В. Б. К. Godłowski. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V — VII w. p. e. . . . .</i>	106
<i>Жук В. А. В. П. Ведіна. Ежи Путрамент . . . . .</i>	108
<i>Варварина Е. Ничев Б. Съвременният български роман (към история и теория на епичното в съвременната българска художествена проза) . . . . .</i>	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Вьшомирская-Кузьминьская О. (ПНР). Научная конференция Комиссии историков ПНР и СССР . . . . .</i>	113
<i>Валева Е. Всесоюзная научная конференция «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» . . . . .</i>	115
<i>Достян И. С. Конференция советских и югославских историков в Белграде</i>	118
<i>И. В. Советско-польский коллоквиум «Фашизм и социальная структура стран Европы. 1918—1945» . . . . .</i>	119
<i>Титова Л. В. Научном совете по проблемам славяноведения и балканистики</i>	122
<i>Завиднев В. И. <u>Николай Иванович Кравцов</u> . . . . .</i>	125

XXVI съезд КПСС

XXVI съезд КПСС, состоявшийся 23 февраля — 3 марта 1981 г. в Москве, является выдающимся событием в жизни советского народа, в мировом коммунистическом и рабочем движении, во всем мире. На съезде были подведены итоги развития Советской страны в 70-е годы и в десятой пятилетке, определены задачи партии и народа на новом этапе коммунистического строительства — в одиннадцатой пятилетке и до конца 80-х годов, дана оценка современного положения в мире, выдвинуты новые важные предложения, направленные на ослабление международной напряженности и упрочение мира и безопасности народов. Его выводы и решения, знаменующие собой большой вклад в теорию и практику марксизма-ленинизма, имеют поистине всемирно-историческое значение.

Съезд заслушал и обсудил Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. С докладом по этому вопросу на съезде выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В Отчетном докладе ЦК КПСС, воплотившем мудрость ленинской партии, величие и неодолимую силу ее идей, обобщается опыт строительства социализма и коммунизма, раскрываются вдохновляющие горизонты поступательного развития Советской страны, миролюбивый характер ее внешней политики, содержатся новые мирные инициативы, отвечающие жизненным интересам народов всего мира. В этом документе, являющемся образцом творческого марксизма-ленинизма, получили дальнейшее развитие и обоснование важные проблемы теории и практики строительства социализма и коммунизма на современном этапе и в предстоящие годы. Отчет ЦК КПСС пронизан пафосом созидания, глубоким гуманизмом, верой в человека, в его светлое будущее, заботой о нем.

В Отчетном докладе ярко показывается интернационалистская политика КПСС и ее значение для упрочения социалистического содружества и мировой социалистической системы, раскрываются основные направления братского взаимовыгодного сотрудничества социалистических стран и перспективы его дальнейшего развития. Советский Союз и другие страны содружества — Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Куба, Лаос, Монголия, Польша, Румыния и Чехословакия — вместе создают новый, социалистический мир, отношения в котором между государствами основываются на принципах справедливости, равенства и братства. Общность целей и тесное взаимодействие коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества в духе взаимопонимания, доверия и согласия обеспечивают принципиальное единство их взглядов на важные проблемы социально-экономического развития и международной жизни. Важную роль в деле укрепления сотрудничества между братскими партиями играют дружеские встречи руководителей партий, совещания секретарей ЦК по вопросам международных отношений, идеологической и организационной работы, обмен делега-

циями и связи между партийными организациями на среднем и низшем уровнях. Успешно развивается сотрудничество между государственными органами, общественными организациями и производственными коллективами, все большие масштабы приобретает духовное общение, укрепляются связи в области идеологии и культуры. Отношения между государствами в мире социализма стали подлинно международными, в них непосредственно участвуют миллионы людей.

Социалистические страны, руководствуясь в отношениях между собой принципами дружбы, сотрудничества и взаимопомощи, всемерно укрепляют организацию Варшавского договора, которая играет благотворную роль в европейских и мировых делах. Их усилия направляются на то, чтобы отстоять разрядку, ослабить международную напряженность. Вместе с тем они принимают меры, необходимые для обеспечения безопасности каждой из стран и всего социалистического содружества.

В процессе строительства социализма страны содружества накопили разнообразный положительный опыт, который используется ими при организации производства, управления и решения других народнохозяйственных задач. Успешно осуществлялась социалистическая интеграция на основе долгосрочных целевых программ. Было заключено около 120 многосторонних и свыше тысячи двусторонних соглашений по специализации производства. Завершается координация народнохозяйственных планов стран СЭВ на 1981—1985 гг. Темпы экономического роста стран СЭВ за последнее десятилетие были вдвое больше, чем развитых капиталистических стран.

Планами социально-экономического развития на 80-е годы предусматривается дальнейшая интенсификация производственной и научно-технической кооперации стран социализма. В процессе сближения социалистических государств проявляется богатство путей и методов утверждения социалистического образа жизни, обуславливаемых национальной спецификой и историческими особенностями этих стран. Успешно развивается советско-югославское сотрудничество, Советская страна солидаризируется с борьбой КНДР за мирное демократическое объединение корейского народа.

Страны социалистического содружества выступают за развитие торгово-экономических связей с Западом, видя в этом важный фактор стабилизации международных отношений. Однако империалистические силы, стремясь подорвать единство социалистического мира, применяют дискриминационные меры, ведут клеветническую кампанию против социалистических стран, с которой смыкается внешняя политика Пекина.

В отчете ЦК КПСС дается характеристика положения освободившихся стран и отношений Советского Союза с ними. Некоторые из них избрали путь социалистического развития, что способствует упрочению их связей с СССР. Советский Союз оказывает этим странам большую помощь в развитии экономики и культуры, подготовке кадров, в укреплении их обороноспособности, в защите их революционных преобразований. Советский Союз заинтересован в налаживании сотрудничества с другими освободившимися странами, рассматривает движение неприсоединения, направленное против империализма, колониализма, войны и агрессии как важный фактор международных отношений и считает необходимым повышение его роли в мировой политике, выступает за упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения.

Большое внимание в Отчетном докладе уделяется мировому коммунистическому движению и связям КПСС с братскими партиями. Коммунистическое движение, ведя активную борьбу за права трудящихся, за мир и безопасность народов, расширило свои ряды и укрепило влияние в мас-

сах. Компартии развертывают свою деятельность в 94 странах мира, в последние десять лет только в Западной Европе число коммунистов увеличилось почти на 800 тысяч. КПСС поддерживала тесные связи с братскими партиями, информировала их о своей внутренней и внешней политике; представители зарубежных партий знакомились с работой КПСС, общение с зарубежными коммунистами позволяло партии лучше ориентироваться в положении отдельных стран. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, братские партии правильно определяют сущность и перспективы происходящих процессов и исходя из этого отстаивают интересы трудящихся масс, борются за демократию, мир и социализм. КПСС считает важным делом сотрудничество с социал-демократами, профсоюзами, с религиозными кругами, со всеми демократическими и миролюбивыми силами по вопросам упрочения мира.

В Отчетном докладе содержится анализ современного этапа общего кризиса капитализма и раскрывается политика империалистических сил, стремящихся задержать поступательное развитие человеческого общества. Являясь поборником мира и сотрудничества между народами, Советский Союз предлагает устранить военную опасность в районе Персидского залива, что позволило бы в дальнейшем ограничить военное присутствие в различных районах Мирового океана, считает необходимым сохранение сложившегося военно-стратегического равновесия между странами Варшавского договора и НАТО, выступает за ослабление угрозы войны и обуздание гонки вооружений. Советский Союз предлагает осуществить новые мероприятия, направленные на углубление разрядки и упрочение мира во всем мире: расширить зоны в Европе, относящиеся к укреплению доверия в военной области, создать такую же зону на Дальнем Востоке, обсудить вопросы, связанные с Афганистаном в связи с проблемой безопасности Персидского залива, продолжить переговоры с США на основе равенства и одинаковой безопасности, провести переговоры об ограничении развертывания новых подводных лодок, о запрещении модернизации и создания новых баллистических ракет и размещении их на подводных лодках, установить мораторий на размещение в Европе новых ядерных ракет средней дальности, создать авторитетный международный комитет для разъяснения жизненной необходимости предотвращения ядерной войны, созвать специальное заседание Совета безопасности в целях поиска средств для оздоровления международной обстановки и недопущения войны. Эти мирные инициативы Советского Союза имеют важное значение, поскольку, как отмечается в Отчете ЦК КПСС, в настоящее время в международном плане нет более важной задачи для КПСС, советского народа и всех народов мира, как отстаивать мир.

В Отчетном докладе ЦК КПСС подводятся основные итоги экономического, социального и культурного развития Советской страны в 70-е годы и в десятой пятилетке и определяются актуальные проблемы ее прогресса в одиннадцатой пятилетке и до конца 80-х годов. Осуществляя решения XXIV и XXV съездов КПСС, программное требование партии — все во имя человека, все для блага человека, используя преимущественно интенсивные факторы экономического роста, советский народ в 70-е годы добился замечательных успехов в развитии экономики и культуры своей страны. Советский Союз значительно продвинулся вперед на всех направлениях создания материально-технической базы коммунизма, на более высокий уровень поднялись его производительные силы, дальнейшее развитие получила научно-техническая революция, созданы надежные условия для быстрого продвижения страны по пути к коммунизму. Ярким свидетельством этого являются показатели экономического и социального развития страны в 70-е годы. В этот период валовый общественный продукт

в денежном выражении увеличился на 67%, национальный доход, использованный на потребление и накопление — на 55, продукция промышленности — на 78, сельского хозяйства (среднегодовая) — на 23, общественные фонды потребления — на 82%, производительность труда возросла в полтора раза, были повышены минимальная зарплата, ставки и оклады среднеоплачиваемых рабочих и служащих, оплата труда колхозников, выплаты и льготы из общественных фондов потребления, пенсии рабочим, служащим и колхозникам, установлены пособия для детей из малообеспеченных семей, увеличены стипендии студентам. При этом особенно значительными были сдвиги в экономике страны в десятой пятилетке (1976—1980). По сравнению с девятой пятилеткой валовый общественный продукт в денежном выражении возрос на 29%, национальный доход, использованный на потребление и накопление — на 24, промышленная продукция увеличилась — на 33, сельскохозяйственная — на 9, общественные фонды потребления повысились на 34%. Вместе с тем, как отмечается в отчете ЦК КПСС, в экономике имелись некоторые трудности и недостатки, не все ведомства и предприятия выполнили планы, обнаружилось узкие места и диспропорции. Интересы народного хозяйства требуют устранения этих недостатков, повышения эффективности хозяйствования.

Исходя из конкретных условий страны в 80-е годы определяется главная задача одиннадцатой пятилетки. Она *«состоит в обеспечении дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорение научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы»*. Пятилетний план предусматривает увеличение национального дохода на 18—20%, продукции промышленности — на 26—28, сельского хозяйства — на 12—14%. Большое внимание будет уделено развитию базовых отраслей промышленности: топливно-энергетической, металлургической и строительной, а также транспорта.

Программа подъема благосостояния народа предусматривает улучшение всех сторон жизни советских людей — потребления и жилья, культуры и отдыха, условий труда и быта. Планируется повышение удельного веса фонда потребления в национальном доходе в 1985 г. до 77,3%, увеличение общественных фондов потребления, заработной платы и других выплат и льгот населению, минимальных пенсий по возрасту и инвалидности, помощи семьям, имеющим детей. Будет расширено производство и улучшено качество товаров народного потребления, дальнейшее развитие получит сфера услуг. Реализация всех этих планов тесно связывается с совершенствованием методов руководства экономикой.

В Отчетном докладе содержится всесторонняя и глубокая характеристика социально-политического и духовного развития советского общества и определяются дальнейшие задачи партии в этой области. В 70-е годы значительно продвинулся вперед процесс сближения всех классов и социальных групп советского общества. Ведущую роль в обществе играет рабочий класс, что определяется не только его численностью (рабочие составляют $\frac{2}{3}$ занятого населения), но и его идейно-политической зрелостью, образованностью и профессиональной квалификацией. Труд колхозного крестьянства все более сближается с трудом рабочих, увеличивается удельный вес интеллигенции, все теснее переплетается физический труд с умственным. В результате этого становление безклассовой структуры общества может в основном произойти в исторических рамках развитого социализма. Партия придает важное значение выравниванию социальных различий в территориальном плане, проведению эффективной

демографической политики, повышению заботы о семье, молодежи и прежде всего о женщине. В эти годы неуклонно укреплялась братская дружба всех народов и национальностей Советской страны. С интенсивным экономическим и социальным развитием всех республик происходило их всестороннее сближение, взаимообогащение национальных культур, формирование культуры единого советского народа — новой социальной и исторической общности.

Советский народ под руководством партии добился больших успехов в создании материальных и духовных основ социалистического образа жизни, формирования нового человека. На новом этапе коммунистического строительства внимание партии и народа сосредотачивается на устранении имеющихся еще препятствий на пути превращения труда в первую жизненную потребность человека, на развитие творческого отношения к труду, на совершенствовании сферы распределения, на более эффективном использовании растущих общественных фондов потребления, на улучшении жизненных условий, дальнейшем развитии народного образования, здравоохранения, культуры и спорта, литературы и искусства, обеспечивающих условия для совершенствования социалистического образа жизни и формирования нового человека.

Дальнейшее развитие получила политическая система советского общества. С принятием Конституции СССР и конституций союзных и автономных республик активизировалась деятельность органов власти и управления, повысился уровень их работы. Осуществляется всеобщий контроль за работой органов управления и должностных лиц, важную роль в обеспечении законности и правопорядка играют органы юстиции, суда, прокуратуры и милиции, на высоком профессиональном уровне ведется работа органов государственной безопасности, укрепляется оборонное могущество страны, активизируется деятельность профсоюзов и комсомола. Одной из важных задач партии является дальнейшее совершенствование советской политической системы.

С развитием советского общества развивалась и укреплялась ленинская партия — авангард советского народа, ум, честь и совесть нашей эпохи. В настоящее время партия насчитывает 17 480 тыс. членов, из них 43,4% — рабочие, 12,8% — колхозники, 43,8% — представители интеллигенции, аппарата управления и военнослужащие. Большая и плодотворная работа была проведена ЦК КПСС, его Политбюро и Секретариатом, немало ценного и поучительного имелось в деятельности каждой партийной организации. В отчетный период большое внимание уделялось работе первичных парторганизаций, улучшению состава и расстановки кадров, повышению их квалификации, проверке исполнения принятых решений, совершенствованию внутрипартийной жизни, соблюдению принципов демократического централизма, расширению внутрипартийной информации, развертыванию критики и самокритики в партии, улучшению идеологической и политико-воспитательной работы, творческому развитию марксистско-ленинской теории. В Отчете ЦК КПСС определяются дальнейшие задачи по совершенствованию всей работы партии и указывается на необходимости внесения изменений и дополнений в действующую Программу партии в соответствии с опытом развития страны, мировой системы социализма и перемен, происшедших в мире.

Съезд высоко оценил деятельность ЦК КПСС, его Политбюро и Генерального секретаря Л. И. Брежнева по претворению в жизнь решений XXV съезда. Он целиком и полностью одобрил ленинский курс и практическую деятельность ЦК партии, Отчетный доклад ЦК КПСС и предложил всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами в области внутренней и внешней политики, выдвинуты-

ми в докладе Л. И. Брежнева. Съезд поручил ЦК КПСС подготовить новую редакцию Программы КПСС к очередному съезду партии.

На XXVI съезде КПСС были рассмотрены и утверждены «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». В докладе Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова об основных направлениях развития страны в эти годы отмечались большие свершения партии и народа в десятой пятилетке и раскрывались перспективы дальнейшего продвижения страны по пути к коммунизму. В одиннадцатой пятилетке, как указывается в докладе, намечается осуществление широкой системы мер «по последовательному повышению народного благосостояния, созданию все более благоприятных условий для всестороннего развития личности, высоко производительного труда, укрепления здоровья и улучшения отдыха советских людей, развития образования, науки и культуры, всего того, что составляет наш социалистический образ жизни». Реальные доходы на душу населения возрастут на 16—18%. Важное значение для обеспечения запросов населения будет иметь осуществление продовольственной программы и программы развития производства товаров народного потребления, мер по улучшению жизни женщин-матерей и подрастающего поколения и других предначертаний по повышению жизненного и культурного уровня советских людей. «Основные направления...» предусматривают всемерное повышение эффективности общественного производства, дальнейшее развитие тяжелой и легкой промышленности, сельского хозяйства, внешнеэкономических связей, совершенствования управления и хозяйствования. Считая осуществление этой широкой программы экономического и социального развития страны важнейшей хозяйственно-политической задачей всех партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций, съезд выразил уверенность, что трудящиеся города и деревни под руководством партии еще шире развернут социалистическое соревнование, приложат свои творческие силы, знания и опыт для успешного решения задач коммунистического строительства. Генеральным секретарем ЦК КПСС единодушно вновь был избран Л. И. Брежнев.

XXVI съезд КПСС — яркое свидетельство монолитной сплоченности партии, ее неразрывной связи с народом. Его решения горячо одобряются всеми советскими людьми, вдохновляет их на новые усилия и подвиги во славу своей отчизны. Съезд КПСС вызвал большой интерес и за рубежом. На нем присутствовали 123 делегации коммунистических, рабочих и национально-демократических партий и организаций из 109 стран мира. В своих выступлениях на съезде зарубежные гости высоко оценили плодотворную деятельность КПСС, ее усилия, направленные на построение коммунизма в СССР, укрепление социалистического содружества и единства революционных сил, на обеспечение мира и безопасности народов.

МАРКОВ Д. Ф.

ИТОГИ И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Институт славяноведения и балканистики АН СССР вступил в первый год одиннадцатой пятилетки, год XXVI съезда КПСС. В связи с этим хотелось бы коснуться результатов работы Института за минувшее десятилетие и сказать о планах на ближайшее будущее.

Вот уже десять лет Институт держит курс на сравнительно-исторические и междисциплинарные исследования. Не останавливаясь сейчас на вопросах теории и методологии таких исследований (мне приходилось выступать на эту тему в различных периодических изданиях, это делали и ведущие сотрудники Института), следует подчеркнуть, что сравнительно-исторические и комплексные исследования дают возможность идти к широкому раскрытию общих закономерностей исторического и культурного процесса.

В течение 1976—1980 гг., т. е. в десятой пятилетке, вышли в свет 88 трудов Института, общим объемом около 2 тыс. авторских листов. Институту есть чем гордиться: созданы работы, которые представляют собой значительный вклад в науку. Одни из этих работ вплотную подходят к сравнительно-историческим исследованиям. Такими являются, например, книги «Из истории народно-демократических и социалистических революций», «Рабочий класс и строительство социализма», «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость», «Театр в национальной культуре», «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в.», «Новые явления в литературе европейских социалистических стран». В этих работах, освещающих определенные проблемы на основе страноведческого материала, есть свое преимущество, которое состоит в том, что в них не утрачивается, а, наоборот, широко анализируется конкретный материал отдельных стран.

Но вся логика развития сравнительно-исторических исследований требует перехода к работам проблемно-сравнительного характера. В Институте велись работы и такого типа. В значительной степени это относится к книгам: «VII Конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Империалистическая политика „Дранг нах Остен“ и народы Центральной и Юго-Восточной Европы», «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Национально-освободительные движения народов Австрийской империи». Большинство из них представляют собой в сущности коллективные монографии. Они охватывают раз-

ные периоды, в центре их — разные проблемы. Сравнительно-типологический анализ фактов и явлений дал возможность авторам раскрыть единство общего и специфического, выявить ряд важных закономерностей исторического процесса.

Важное место в работе Института заняли междисциплинарные исследования, они охватывают проблемы этногенеза, национального Возрождения и строительства социализма.

По проблеме этногенеза проведен ряд симпозиумов, конференций, изданы отдельные сборники и статьи, в том числе по античной балканистике, диалектам Карпатского ареала и Общекарпатскому диалектологическому атласу. Но, пожалуй, комплексное исследование проблемы стало осуществляться лишь в последние годы. Подготовлен и сдан в издательство труд о формировании и развитии этнического самосознания славянских народов в эпоху становления раннефеодальных государств. Это совместный труд историков и лингвистов, объединенных задачами исследования формирования языка, общественно-политического устройства и других процессов, образующих народность.

Хорошие результаты имеются и по комплексному исследованию периода национального Возрождения. Это — подготовленные или уже вышедшие из печати работы: «Формирование наций», «Формирование национальных культур», «Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков», «Просвещение и романтизм в эпоху национального Возрождения». К ним следует прибавить недавно вышедший 6-й выпуск «Балканских исследований» — «Культура народов Балкан в новое время», содержащий исследования по национальному Возрождению.

Отрадно отметить, что в Институте завершены и сданы в издательство большие коллективные труды, подготовленные к XXVI съезду КПСС: «Национальные фронты в антифашистской борьбе и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Культура в общественной системе социализма (теоретические и методологические проблемы)», «Теоретические и методологические проблемы развития литератур европейских социалистических стран (1945—1980)». В этих трудах рассматриваются важные вопросы методологического и теоретического характера.

Значительны результаты и в других направлениях работы Института. По истории славяноведения вышли в свет книги: «Методологические проблемы истории славистики», «Библиографический словарь славистов дореволюционной России». Готовится словарь советских славистов.

Институт утверждает свое научное понимание славистики внутри нашей страны и за рубежом. Это имеет принципиальное значение: ведь до сих пор идут споры о предмете славяноведения. Высказываются мнения, согласно которым понятие славистики включает только филологию. На наш взгляд, обоснованные выводы о том, что славистика представляет собой комплекс научных дисциплин, призваны сыграть свою роль и в советской, и в мировой науке.

Как важное направление определилась также балканистика. Следует подчеркнуть значение серийного издания «Балканские исследования». Балканистика, подобно славистике, утверждается как комплекс научных дисциплин. В «Балканских исследованиях» участвуют историки, культурологи, лингвисты, т. е. ученые разных специальностей.

Хотелось бы отметить далее как важный участок работы Института публикацию документов и материалов об общественных и культурных связях нашей страны с другими странами. Это прежде всего многотомные сборники документов по советско-польским, советско-чехословацким, советско-болгарским отношениям. Недавно вышла книга «Первое Сербское

восстание 1804—1813 гг. и Россия». Ведется работа над сборниками документов о советско-югославских отношениях, «Россия и национально-освободительное движение в Болгарии» и другими.

Это очень полезные издания. Коллектив, подготавливающий публикации документов о советско-чехословацких отношениях, получил премию двух академий: АН СССР и ЧСАН. Упомянутые издания представляют собой область делового эффективного научного сотрудничества, которое проходит в обстановке товарищеского обмена мнениями, что способствует выработке единой точки зрения. Разумеется, что правильная оценка взаимоотношений Советского Союза и других социалистических стран имеет не только собственно научное, но и большое политическое значение.

Важным направлением было и остается изучение связей — исторических, культурных, языковых. Оно осуществляется не только посредством документальных публикаций, ведется и ряд исследований по актуальным вопросам этой проблемы.

Институт придавал и придает большое значение сотрудничеству с научными учреждениями социалистических стран как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

В прошедшей пятилетке в работе Института было немало успехов. Но были и упущения, недостатки: имели место переносы сроков выполнения отдельных трудов, нечеткая организация работы некоторых коллективов. Концепция коллективного труда должна быть продумана с самого начала, и в процессе работы над ним должно вестись ее обсуждение. Но это не всегда делается и поэтому в отдельных случаях возникают трудности, тормозящие выполнение работы в срок.

План научно-исследовательской работы Института на новую пятилетку разработан и широко обсужден. Он предусматривает продолжение разработки проблем, которые изучались в десятой пятилетке, и вместе с тем, выход на новые рубежи. Планируется дальнейшее расширение и углубление сравнительно-исторических и комплексных исследований. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», принятых XXVI съездом КПСС, подчеркнута необходимость дальнейшего развития фундаментальных, теоретических исследований, и если речь идет об исследованиях комплексного характера, то это как раз та область, которая связана именно с фундаментальными исследованиями.

В разделе по общественным наукам в упомянутом документе указывается, что необходимо сосредоточить усилия на обобщении опыта революционно-преобразующей деятельности КПСС, международного коммунистического и рабочего движения; на расширении исследований по теоретическим вопросам развитого социализма; на исследовании проблем социальной структуры и политической системы зрелого социализма, коммунистического воспитания, всестороннего и гармоничного развития человека, социалистического образа жизни; на исследовании закономерностей развития мировой социалистической системы.

Все эти вопросы имеют прямое отношение к Институту, и они нашли отражение в его пятилетнем плане. Приведем перечень основных научных направлений Института на 1981—1985 гг. с указанием аспектов исследований и некоторых больших коллективных трудов, которые предстоит написать:

Общие закономерности и этапы развития мировой социалистической системы. Изучение возникновения и упрочения социалистического сотрудничества; исследование внутренних и внешних предпосылок и закономерностей возникновения и развития мировой социалистической системы

(подготовка коллективного труда по истории социалистического содружества совместно с учеными социалистических стран Европы).

История социалистического строительства в европейских странах социализма. Подготовка коллективных трудов и монографий по истории строительства основ социализма и развитого социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развития социалистической культуры в европейских странах социализма.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период империализма. Распространение идей марксизма в рабочем движении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, создание партий рабочего класса, укрепление интернациональной солидарности пролетариата, революционное сотрудничество народов России с народами стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период общего кризиса капитализма. Разработка проблем социально-экономического и политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы (подготовка коллективного труда).

Анализ истории развития отношений между СССР и государствами Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период.

История национально-освободительных движений народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XVIII — начале XIX в. Изучение национально-освободительных движений народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, русско-славянских связей; роль России в создании независимых государств в этом регионе (подготовка коллективного труда о формировании национальных государств на Балканах).

Генезис капитализма и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Изучение основных проблем и закономерностей исторического развития народов региона в период перехода от феодализма к капитализму (подготовка обобщающего коллективного труда); анализ идейных концепций, социальной структуры общества и общественно-политических движений.

История международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Изучение истории международных и межгосударственных отношений на Балканах, межбалканских связей и роли России (в новое и новейшее время), подготовка коллективных трудов и монографий по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX—XX вв.

Этногенез и этническая история зарубежных народов. Разработка проблем происхождения, расселения и этнического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы на основе комплексных исследований историков, лингвистов, этнографов и специалистов других дисциплин; изучение теоретических и источниковедческих проблем этногенеза и этнической истории (подготовка свода памятников о древнейшей эпохе истории славян); продолжение исследований этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы (создание коллективного труда по письменным источникам развитого феодализма).

История феодализма в Европе. Выявление общих закономерностей и специфических особенностей становления раннефеодальной государственности в Юго-Восточной Европе (подготовка коллективного труда), анализ основных черт эволюции балканского феодализма в эпоху османского завоевания; подготовка коллективного труда о взаимоотношениях Османской империи и стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в XVII — начале XVIII в.). Изучение отношений России с народами Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма.

Проблемы теории и истории исторической науки. Создание коллективного труда по истории отечественной славистики (изучение истории, языков и культуры славян в дореволюционной России и в СССР). Изучение основных проблем развития исторической науки в европейских социалистических странах. Критика реакционных теорий и концепций буржуазных славистов и балканистов.

Историко-этнографическое изучение славянских народов. Сравнительное изучение традиционной духовной культуры славянских народов; создание «Словаря славянских народных древностей». Реконструкция в серии исследований общеславянской эпической системы, структуры и форм календарной обрядности.

История культуры и общественной мысли народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Сравнительно-историческое освещение историко-культурного процесса зарубежных славянских народов в эпоху формирования наций, подготовка коллективного труда «Очерки истории культуры западных и южных славян (XVIII—XIX вв.)». Формирование и развитие социалистической культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Общее и особенное в литературах европейских социалистических стран. Изучение и систематизация художественного опыта социалистических литератур, процессов формирования и развития новой идейно-художественной общности; создание коллективного труда «История литератур европейских социалистических стран (после 1945 г.)».

История и теория литературных и историко-культурных взаимоотношений славянских народов. Сравнительно-историческое и комплексное исследование роли связей и взаимодействий в развитии национальных литератур, создание коллективного труда «Литературные связи и литературный процесс».

Закономерности исторического развития славянских языков. Структура и функционирование современных славянских языков и диалектов. Теоретико-методологическое изучение закономерностей функционирования славянских литературных языков в социалистическом обществе. Сопоставительное изучение грамматических категорий, фонологии, лексического состава и словообразовательной структуры славянских языков.

Балто-славянские и балканские исследования. Этно-лингвистическое и структурно-типологическое изучение балто-славянского и балканского языкового союзов.

Взаимодействие языков и диалектов Карпатского ареала. Завершение работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом», создание коллективного труда по материалам Атласа.

План предусматривает создание трудов междисциплинарного характера по этногенезу народов Центральной и Юго-Восточной Европы, по периоду национального Возрождения, по эпохе социализма. Известно, что это — дело сложное. Поэтому остро выдвигается задача организации таких исследований. Для разработки проблемы этногенеза предполагается создать межсекторскую проблемную группу из историков и лингвистов и редколлекцию коллективного труда, которая руководила бы исследованием. Сходным образом необходимо организовать работу и по проблеме национального Возрождения, где предстоит создание синтетического труда, требующего объединения историков, лингвистов и культурологов. То же самое нужно предпринять и в области изучения строительства основ социализма. Здесь предусматривается объединение усилий историков и культурологов.

Будем стремиться к обеспечению ритмичности работы Института с самого начала новой пятилетки.

ГИБИАНСКИЙ Л. Я

ПОЗИЦИИ СССР, АНГЛИИ И США В ОТНОШЕНИИ БОЛГАРИИ, РУМЫНИИ И ВЕНГРИИ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Подготовка Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, а затем сама их встреча в Ялте, состоявшаяся 4—11 февраля 1945 г., обозначили собой период, когда, наряду с общими военно-политическими усилиями союзных держав в деле завершения второй мировой войны, на первое место в антигитлеровской коалиции, в отношениях между тремя ее ведущими участниками выдвинулись задачи перехода к послевоенному миру. Между тем, поскольку антигитлеровская коалиция объединяла государства с различным, даже противоположным общественно-политическим строем, для них были характерны, помимо союзнической договоренности и взаимного сотрудничества, принципиально различные стремления относительно мирового послевоенного порядка. В первую очередь это касалось позиции каждой из трех союзных держав в отношении восточноевропейских стран, где освобождение от фашистского господства сопровождалось радикальными политическими и социальными переменами, установлением народно-демократической власти.

Западные державы, несмотря на имевшиеся различия, а подчас и противоречия между Лондоном и Вашингтоном, стремились воспрепятствовать повороту стран Центральной и Юго-Восточной Европы¹ на путь социализма, установлению совершенно новых отношений между Советским Союзом и этими странами, пытались поддержать в них контрреволюционные силы и утвердить, насколько возможно, свое влияние. СССР, напротив, противодействовал таким попыткам, являлся первостепенным внешнеполитическим фактором, способствовавшим осуществлению революционных общественно-политических преобразований в указанном регионе, всемерно поддерживал возникновение и утверждение народно-демократических государств.

В результате восточноевропейские проблемы приобрели особое значение в отношениях между СССР, США, Англией. Это обнаружилось накануне и во время Крымской конференции особенно ясно в связи с обсуждением польского и югославского вопросов, по которым в Ялте были приняты специальные решения. Наряду с указанными вопросами, в общем комплексе межсоюзнических отношений, связанных с восточноевропей-

¹ Понятия «восточноевропейские страны» и «страны Центральной и Юго-Восточной Европы» употребляются в данной статье как синонимы в соответствии с терминологией, получившей широкое распространение, в частности, в современной исторической литературе [1, с. 3—4; 2, с. 3].

скими делами, особую роль играли и проблемы, касавшиеся Болгарии, Румынии и Венгрии. Хотя накануне и во время переговоров в Ялте эти проблемы не получили такого развития, как польский и югославский вопросы, тем не менее уже в этот период они приобрели столь серьезное значение, что вслед за Крымской конференцией вышли на передний план и достигли к моменту окончания войны в Европе существенной остроты, превратившись затем в один из центральных пунктов следующей, потсдамской встречи «большой тройки».

Однако в отличие от польского и югославского вопросов, отношение антигитлеровской коалиции к Болгарии, Румынии и Венгрии накануне и во время Крымской конференции, равно как вообще на заключительном этапе второй мировой войны, все еще не получило необходимого освещения в советской исторической литературе: данная проблематика почти не затрагивалась, за исключением ряда ее аспектов, частично рассмотренных нами в рамках исследования межсоюзнических отношений указанного периода по вопросам Юго-Восточной Европы в целом [3; 4; 5]. Изучение же этой темы в зарубежных европейских социалистических странах, включая Болгарию, Румынию и Венгрию, только начинается. Среди первых работ, посвященных отдельным ее аспектам или затрагивающих ее в более общем контексте, отметим исследования С. Пингева [6], П. Варконьи [7], П. Шипоша и И. Види [8], А. Косеского [9], В. Ковальского [10], Ш. Лаке и Г. Цуцуя [11], И. Энеску [12].

Между тем указанной теме большое внимание уделяется в буржуазной западной, прежде всего американской и английской историографии, главным образом в связи с рассмотрением межсоюзнических отношений и политических итогов войны, с обсуждением причин «холодной войны» и ответственности за ее возникновение². В работах представителей так называемого официозного направления — от вышедших в 50-е годы книг У. Макнейла [14] и Г. Фейса [15] по истории антигитлеровской коалиции до изданных в последнее десятилетие монографий Дж. Уилера-Беннета и А. Никольса о переходе от межсоюзнических отношений к «холодной войне» [16], Л. Дэвис о роли восточноевропейских проблем в возникновении «холодной войны» [17] — отношения между СССР, США и Англией в связи с болгарской, румынской и венгерской проблемами на завершающем этапе войны вообще и в связи с Крымской конференцией, в частности, интерпретируются под углом зрения тезиса о якобы «одностороннем нарушении» Советским Союзом договоренностей с основными партнерами по коалиции, о «несовместимости» целей СССР с принципами Атлантической хартии и т. п. В литературе так называемого ревизионистского направления — начиная от работ Ч. Уилмота [18] или Х. Болдуина [19] в начале 50-х годов до продолживших в большей либо меньшей степени их линию в 60—70-е годы книг Б. Гарднера [20] или Б. Коврига [21] — все сводится к «ошибкам» и «неоправданным уступкам» Советскому Союзу, допущенным, по утверждению этих авторов, со стороны руководителей западных держав, прежде всего президента США Ф. Рузвельта. Наконец, для так называемого неоревизионистского направления, получившего значительное развитие в последние два десятилетия, характерна острая критика целей и практической политики США и Англии в восточноевропейских делах в период войны и сразу после ее окончания, в частности по отношению к Болгарии, Румынии и Венгрии, как продиктованных империалистическими стремлениями. Однако большинство авторов этого направления пытается одновременно идентифицировать позицию СССР

² Следует, однако, оговориться, что и ряд западных авторов, в том числе специально занимавшихся Крымской конференцией, почти совсем обходит данную тему, примером чего может служить монография Д. Клеменс о встрече в Ялте [13].

с позицией западных союзников, что наиболее ярко выразилось в работах Г. Колко, в частности в его книге о международных отношениях и политике США на заключительном этапе войны [22]³.

Еще накануне, а затем в момент, когда в результате вступления советских войск и краха прогитлеровских режимов произошло отпадение Румынии, Болгарии и Венгрии от фашистского блока и их переход на сторону антигитлеровской коалиции, и на повестку дня встало заключение соглашений о перемирии с ними, западные союзники рассчитывали воспользоваться для реализации своих целей в указанных странах тем весьма существенным обстоятельством, что, наряду с Советским Союзом, Англия и США также выступали в отношении этих стран в качестве держав-победительниц. Однако западным державам не удалось добиться такого участия в осуществлении союзнического контроля, которое бы Лондон и Вашингтон могли эффективно использовать в своих интересах. Наоборот, в обстановке, когда падение фашистского господства в Румынии, Болгарии и Венгрии произошло при вступлении туда советских войск, и СССР вследствие того играл ведущую роль в заключении соглашений о перемирии, США и Англии пришлось подписать соглашения, предусматривавшие доминирующую позицию советской стороны в союзных контрольных комиссиях (СКК), на которые были возложены функции контроля за выполнением условий перемирия на весь срок их действия, т. е. до заключения мирных договоров с каждым из бывших вражеских государств.

По соглашению о перемирии с Румынией (12 сентября 1944 г.) учрежденная там СКК работала «под общим руководством и по указаниям Союзного (Советского) Главнокомандования, действующего от имени Союзных держав», в течение всего времени до заключения мирного договора [24, с. 210]. Соглашениями о перемирии с Болгарией (28 октября 1944 г.) и Венгрией (20 января 1945 г.) устанавливалось, что до окончания военных действий против Германии СКК в каждой из этих стран «будет находиться под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования». Положение в последующий период до заключения мирных договоров с Болгарией и Венгрией не оговаривалось, но на весь срок перемирия предусматривалось председательство советского представителя [24, с. 291; 25, с. 81]. В самих соглашениях о перемирии прерогативы представителей США и Англии в СКК никак не уточнялись (в случае с Румынией о западных представителях в СКК вообще не упоминалось, в случаях с Болгарией и Венгрией фиксировался лишь принцип их участия без какой-либо конкретизации). Однако выработка и подписание соглашений сопровождалась соответствующей межсоюзнической договоренностью. Во всех трех случаях она предусматривала формирование руководства СКК (председатель, его заместитель, политический советник, помощники и начальник штаба) целиком из советских представителей, а рабочих органов (центральный аппарат и уполномоченные на местах) — из советского персонала.

СССР с самого начала твердо настаивал на этом принципе, указывая на прецедент, созданный раньше в Италии: руководство и аппарат СКК в этой стране полностью комплектовались западными союзниками, которые осуществляли высадку союзных войск в Италии и играли ведущую роль при ее капитуляции, советскому же представителю в СКК отводи-

³ У некоторых неоревизионистов это выражено слабее либо почти отсутствует, как, например, у Д. Флеминга [23]. Но даже близкая к неоревизионистам Д. Клеменс, критикующая почти исключительно позицию западных союзников в отношении восточноевропейских стран, постулирует тезис, что в Болгарии, Румынии и Венгрии Советское правительство «копировало» политику западных держав [13, р. 30].

лась лишь роль наблюдателя и офицера связи между СКК и правительством СССР (подробнее см. [26; 27])⁴. Соответственно, при заключении первого же из соглашений о перемирии с восточноевропейскими бывшими вражескими государствами — соглашения о перемирии с Румынией — Советский Союз подчеркнул, что организация СКК в этой стране должна быть аналогична итальянскому прецеденту, с той разницей, что роли между западными союзниками и советской стороной на сей раз распределяются в обратном порядке. Партнерам СССР пришлось с этим согласиться [30, р. 223, 230, 246—247]. Так же обстояло дело в отношении Болгарии и Венгрии. Правда, в данном случае Англия и США сопровождали свое согласие оговоркой, что такая роль западных представителей относится к периоду до завершения военных действий с Германией, а по поводу последующего периода до подписания мирных договоров резервируется право позднее вновь поднять вопрос о введении равного участия всех трех держав — СССР, США и Англии в вынесении решений и практической деятельности СКК [29, р. 463, 469—470, 473, 475—476, 983; 31, р. 153, 800—801]. Но СССР отверг такую постановку вопроса⁵. Практически состав и деятельность СКК с момента их образования были во всех трех странах построены по принципу, который отстаивался советской стороной; связи между представителями союзных держав в СКК и правительствами Румынии, Болгарии и Венгрии должны были осуществляться только через советское руководство контрольных комиссий [32, док. № 31, с. 69—70; 30, р. 223, 245, 248, 250; 31, р. 803]. Тем самым соответствующие американские и английские представители были лишены возможности оказывать какое-либо воздействие на местные правительственные органы.

В период, последовавший за подписанием соглашений о перемирии, западные державы во все большей степени и со все возрастающим недовольством убеждались в том, что происшедшее распределение позиций в осуществлении союзнического контроля в Болгарии, Румынии и Венгрии способствовало развитию начавшегося с освобождением этих стран процесса революционных общественно-политических перемен и, напротив, лишало Лондон и Вашингтон возможности противостоять такому развитию. Озабоченность Англии и США нарастала на протяжении конца 1944—начала 1945 г. неодинаково в отношении каждого из трех государств: наибольшей она была в связи с ситуацией в Болгарии, положение в Румынии и Венгрии вызывало в тот момент меньшее беспокойство. Причина заключалась в том, что развертывание революционных перемен в каждой из этих стран было весьма различным по темпам и степени интенсивности.

---

⁴ В результате советских настояний на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. было решено учредить Консультативный совет по вопросам Италии, куда вместе с Англией и США вошел Советский Союз, равно как Франция, а также Греция и Югославия, однако Совет был наделен лишь рекомендательными функциями в отношении СКК, прерогатива же решений целиком принадлежала союзному (т. е. англо-американскому) главнокомандующему, который руководил всей деятельностью СКК. Такое положение должно было сохраняться до окончания военных действий или до момента, когда по мнению главнокомандующего будет возможно прекратить непосредственный военный контроль. Только после этого главнокомандующий оставил бы пост председателя СКК и руководство ее работой на период до подписания мирного договора переходило к Консультативному совету [28, док. № 45, с. 136—137, 142—143; док. № 61, с. 278—280; док. № 62, с. 282—283; док. № 64, с. 287—288; док. № 95, прилож. № 3, с. 349—351].

⁵ Советский Союз был согласен лишь на то, чтобы в течение второго периода перемирия прерогативы советской стороны в СКК были в какой-то степени ограничены в пользу представителей западных союзников [29, р. 463, 482—483, 969, 973—974].

В Румынии после свержения диктатуры Антонеску (23 августа 1944 г.) у власти находились коалиционные правительства (до 2 декабря 1944 г. два сменивших друг друга кабинета во главе с генералом К. Санатеску, с 6 декабря 1944 г. до 28 февраля 1945 г. — правительство во главе с генералом Н. Радеску), в которых преобладали правые силы. И хотя в течение всего этого периода происходило неуклонное нарастание революционного процесса, а по мере смены друг другом трех названных кабинетов левые во главе с коммунистами расширяли свое представительство и приобретали все более значительные позиции, тем не менее руководство государством преимущественно все еще находилось в руках военно-монархических кругов и верхушки буржуазно-помещичьих, так называемых «исторических партий» национал-царанистов и национал-либералов. Перед революционным лагерем, объединенным в октябре 1944 г. в Национально-демократический фронт (НДФ) под руководством Коммунистической партии Румынии (КПР), только еще стояла задача устранения правительств «реакционного большинства» и установления народно-демократической власти [33, с. 60—79, 88—111; 34]. Правда, в начале декабря 1944 г., когда в условиях обострения политической обстановки в стране, активизации выступлений НДФ за решительные перемены и создание народно-демократического правительства и противоположных этому попыток правого лагеря обуздать революционные силы, разразился кризис и последовала отставка Санатеску, в Лондоне стали проявлять беспокойство, опасаясь возможной перспективы установления «коммунистического господства» в Румынии и интерпретируя такую перспективу как следствие «советского плана» [35, р. 242]. Однако такая постановка вопроса свидетельствовала о том, что Англия отнюдь не считала существовавший румынский режим революционным. Более того, образование после напряженной борьбы правительства Радеску, в котором позиции правых и левых остались, по сравнению с предыдущим кабинетом, без изменений, британский представитель в СКК вице-маршал авиации Д. Стивенсон и политический представитель Англии в Бухаресте Дж. Ле Руджетел⁶ оценили как «триумф консервативных сил страны» и считали, что «угроза коммунизирования Румынии» прошла [30, р. 282]. Хотя американский политический представитель в Румынии Б. Берри был склонен к более сдержанной реакции, он также информировал 7 декабря государственного секретаря США: «...в местных кругах считают, что кабинет Радеску вместе с согласованной программой представляет собой победу, по крайней мере временно, над Национально-демократическим фронтом, составленным левыми партиями» [30, р. 278]⁷.

⁶ Еще во время заключения соглашения о перемирии с Румынией Лондон, а затем и Вашингтон, ввиду принятия ими требования СССР о том, что западные представители в СКК не будут иметь права непосредственной связи с румынскими властями, сочли более целесообразным ограничить свое представительство в СКК военными, с тем, чтобы их политические представители не были причастны к контрольному механизму, и на этом основании получили возможность прямых сношений с правительством Румынии. Советский Союз дал на это согласие [30, р. 245, 250—252]. То же самое было затем в Болгарии и Венгрии. Политические представители США и Англии и возглавляемые ими миссии в Бухаресте, Софии и Будапеште не обладали дипломатическими полномочиями, а рассматривались западными державами как специфический канал связи с правительствами Румынии, Болгарии и Венгрии и инструмент осуществления своих интересов [29, р. 483—484]. Разумеется, у них был тесный контакт с СКК.

⁷ Как в румынской, так и в советской исторической литературе итоги политического кризиса конца ноября — начала декабря 1944 г. оцениваются по-иному. В своих работах и румынские, и советские авторы подчеркивают, что при формировании кабинета Радеску дворянскими кругами и лидерам «исторических партий» не удалось осуществить планы вытеснения представителей НДФ из правительства и раскола НДФ. Последний сохранил свои позиции в правительстве Радеску [33, с. 102—103; 36, с. 60—61; 34, с. 257—258; 37, с. 578—579]. В коллективном труде румынских историков

В Венгрии только в конце 1944 г. на освобожденной к тому времени части ее территории возникли органы фактически новой, народно-демократической государственности, и в Дебрецене было сформировано Временное национальное правительство, власть которого постепенно распространялась на всю страну по мере ее освобождения (с ним и было заключено 20 января 1945 г. соглашение о перемирии). Само возникновение новой государственности было началом процесса революционного преобразования общества. Его инициатором выступали руководимые Венгерской коммунистической партией (ВКП) левые силы, занявшие важные позиции в формировавшейся системе народно-демократического государства, во временном правительстве и составлявшем правительственную основу в Венгерском национальном фронте независимости (ВНФН). Однако поскольку революционный процесс в тот момент находился еще на самой начальной стадии, в создававшихся государственных органах, правительстве, ВНФН весьма значительное место принадлежало реформистским и правым группировкам, включая консервативные силы вплоть до части хортистов, которая в данной ситуации сочла необходимым выразить согласие с антифашистско-демократической платформой ВНФН и представитель которой, генерал Б. Миклош, возглавил временное правительство⁸ [38, с. 172—195; 39, с. 465—472, 481—486; 40, с. 33—45, 57—83; 41, с. 249—252]. Посол США в Москве А. Гарриман в донесении государственному секретарю 10 января 1945 г. оценивал это правительство как сформированное «под советским покровительством, но, по-видимому, с широким и представительным некомунистическим участием» [43, р. 453]. По свидетельству английской исследовательницы Э. Баркер, у Лондона также не было причин сетовать на состав венгерского правительства, которое являлось, «несомненно, некомунистическим» [35, р. 265].

Между тем в Болгарии революционный процесс отличался особой интенсивностью, и уже в момент освобождения страны от фашизма к власти пришло 9 сентября 1944 г. народно-демократическое правительство Отечественного фронта (ОФ), в котором ключевую роль играли коммунисты. Сплачивая объединенные в ОФ массы на антифашистско-демократической платформе, Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к) — эффективно осуществляла эту платформу, придавая ей столь глубокую социально-революционную нацеленность, при которой общественно-политические перемены, начатые 9 сентября 1944 г., приобрели характер отпадения Болгарии от капиталистической системы и поворота на путь, ведущий в направлении социализма [44].

Это противоречило стремлениям западных держав. Прибывший в Софию во второй половине ноября 1944 г. американский политический пред-

о народно-демократической революции в Румынии высказано мнение, что «преодоление правительственного кризиса в декабре 1944 г. означало установление временного равновесия сил: с одной стороны, в условиях революционного подъема буржуазные партии были не в состоянии вернуть утраченные позиции, с другой — удерживая инициативу и постоянно находясь в наступлении, демократические силы, хотя и противостояли маневрам реакции, еще были не в состоянии завоевать решающие позиции в правительстве, которые оставались за представителями эксплуататорских классов» [33, с. 103—104].

⁸ Вместе с тем, как подчеркивается в венгерской, а также советской историографии, новая государственность, возникшая в ходе освобождения Венгрии, носила народно-демократический характер, развивалась как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Исключение составляет лишь мнение А. Я. Манусевича, который, вопреки этой точке зрения, выдвинул без каких-либо аргументов утверждение, будто вплоть до августа 1947 г. в Венгрии не было народно-демократической власти, а имел место «промежуточный период», аналогичный положению в Румынии от 23 августа 1944 г. до начала марта 1945 г. [42, с. 54].

ставитель в Болгарии М. Барнс в своих донесениях государственному секретарю США крайне негативно оценивал положение в стране, обращая внимание прежде всего именно на ведущие позиции БРП(к) в правительстве и других органах власти, в Отечественном фронте, на укрепление народно-демократического государства, комитетов ОФ, чистку офицерского корпуса в армии и назначение коммунистов на ряд командных постов, введение института помощников командиров, игравших роль политических комиссаров, и т. п. В донесениях с явным недовольством подчеркивалась неспособность буржуазных противников такого развития сдержать или остановить его, причем особо указывалось на все большую потерю ими возможностей использовать в своих целях военную силу, в частности на провал попыток контрреволюции в ноябре—декабре 1944 г. укрепить свое положение в армии и создать угрозу народно-демократическому режиму, руководящей роли БРП(к) с помощью так называемого постановления № 4 [29, р. 495—500, 503, 505; 31, р. 139, 140—141, 146—147 etc.]. Принятое Советом Министров Болгарии 23 ноября 1944 г. по инициативе правого крыла ОФ в отсутствие министров-коммунистов постановление позволяло генералам и офицерам, обвиненным в военных преступлениях фашистского режима, искупить вину участием в войне против Германии в рядах болгарской армии. Это давало возможность спасти их от суда, освободить из-под ареста и путем возвращения в войска усилить там позиции контрреволюции. БРП(к) осудила принятие постановления, и в обстановке организованных ею массовых выступлений протеста оно было отменено 6 декабря 1944 г. (подробнее см. [45]). В этой связи Барнс выражал тревогу по поводу того, что вследствие установленного порядка организации и деятельности СКК западные представители в комиссии ничем практически не в состоянии помочь контрреволюционным силам, лишены рычагов вмешательства.

Одновременно крайнее недовольство Барнса вызывало то, что деятельность советского руководства и аппарата СКК являлась эффективным фактором, всемерно способствовавшим осуществлению преобразований, проводившихся революционными силами ОФ во главе с БРП(к), упрочению народно-демократического государства, и, напротив, препятствовала действиям, направленным на его ослабление и подрыв. Это особенно подчеркивалось Барнсом как раз в связи с постановлением № 4 и его отменой [29, р. 498—499, 505; 31, р. 140—141]. Представитель США имел в виду отрицательное отношение руководства СКК к принятию постановления и вызванной этим обстановке активизации контрреволюции. Во время состоявшейся встречи с заместителем председателя СКК генерал-полковником С. С. Бирюзовым премьер-министр правительства ОФ К. Георгиев заверил, что оно будет отменено [46, с. 501—502; 47, с. 110]. В этой связи Барнс многозначительно замечал, что позиция руководства СКК не была предварительно проконсультирована с западными представителями в комиссии, хотя и не мог указать, нарушает ли это соглашение о перемирии. Он бил тревогу по поводу того, что сложившееся положение подрывает у противников народно-демократической власти уверенность в возможности рассчитывать на результативную поддержку со стороны США и Англии, оказывая, таким образом, деморализующее воздействие, а для массы населения страны делает очевидным, что благодаря определяющей роли СССР в СКК западные державы не обладают какими-либо реальными позициями, позволяющими воспрепятствовать общественно-политическим переменам, происходящим в стране [29, р. 499, 512; 31, р. 146—147]. Аналогичным образом характеризовал положение и британский политический представитель в Софии У. Хоустоун-Босуэлл, определявший его в своих донесениях в Лондон как «безнадежную ситуацию»

[6, с. 201]. А представитель Англии в СКК генерал-майор У. Оксли уже в начале декабря 1944 г. высказывал мнение о необходимости своего отъезда в Лондон для личного доклада о «неудовлетворительном положении» [29, р. 502].

В контексте этой оценки находилась и негативная реакция партнеров СССР по коалиции на некоторые меры руководства СКК, которые были призваны ограничить определенными рамками активность западных представителей, в первую очередь англичан, тесно связанных с правыми элементами в ОФ и вне его, особенно с вернувшимся после 9 сентября 1944 г. из эмиграции, где он был под английским покровительством, Г. М. Дмитриевым (Гемето), возглавившим крупнейшую из партий ОФ — Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) и занявшим позицию лидера противостоящих БРП(к) сил. Характеризуя причины активизации правых в ОФ, прежде всего их выступления в период принятия постановления № 4, руководство БРП(к) прямо указывало на Гемето как на инициатора и связывало происшедшее с английским влиянием после учреждения СКК в Болгарии [48, с. 116—119; 49, с. 131]. Что касалось отношения к этому советского руководства СКК, то, как писал впоследствии С. С. Бирюзов, «следовало выбить из рук наших „партнеров“ палку, которую они все время старались вставить в колесо истории» [46, с. 486]. Был поднят вопрос о сокращении чрезмерной, по мнению советской стороны, численности персонала западных представителей в СКК, принимая во внимание их прямые функции, равно как об уменьшении расходов на их содержание со стороны болгарского правительства. Вводились также известные ограничения на передвижение западных представителей: они касались определенных объектов, а выезд за пределы Софии разрешался лишь после согласования с соответствующими органами СКК и в сопровождении советских офицеров. Это было мотивировано необходимостью, связанной с условиями продолжающейся войны. По свидетельству С. С. Бирюзова и помощника председателя СКК генерал-лейтенанта А. И. Черепанова, эта мера была предпринята также из-за подозрений относительно целей, преследовавшихся западными представителями, в частности англичанами, во время поездок по стране, включая и сбор сведений о советских войсках, находившихся в Болгарии [46, с. 493—494; 47, с. 108; 6, с. 201; 29, р. 502, 510, 513].

Такое развитие событий в Болгарии не только вызывало негативную оценку представителей Англии и США в Софии, но и было отрицательно встречено в столицах западных держав. Однако непосредственная реакция Лондона и Вашингтона первоначально не совпала.

Правительство Англии, проявлявшее особую заинтересованность в Юго-Восточной Европе, включая Болгарию, склонялось к тому, чтобы добиться от Советского правительства существенных изменений сложившейся системы союзнического контроля, которые бы позволили западным державам приобрести более действенные позиции. Так, еще 16 ноября 1944 г., лишь неполных три недели спустя после заключения соглашения о перемирии с Болгарией, англичане обратились к США с идеей создания, по итальянскому образцу, Консультативной комиссии для Болгарии, которая бы включила политических представителей СССР, США, Великобритании, Греции и, как было сформулировано, «возможно, Югославии» [29, р. 491]. Непосредственным поводом для этого предложения были вопросы, связанные с греческими претензиями к Болгарии, в частности в отношении болгарских поставок продовольствия Греции, предусмотренных соглашением о перемирии в счет возмещения за потери и ущерб, нанесенные в результате войны [24, с. 291—292]. Уже в момент подписания соглашения о перемирии и сразу вслед за ним греческое правитель-

ство, всемерно поддерживаемое Лондоном, стало требовать немедленного осуществления поставок и добиваться особого греческого представительства при СКК в Болгарии. План создания Консультативной комиссии с участием Греции выдвигался в качестве наиболее эффективного решения относительно греческого представительства в механизме союзнического контроля в Болгарии [29, р. 484—489, 491—492]. Британская активность в вопросе болгарских продовольственных обязательств была на деле обусловлена политическими причинами: она касалась лишь Греции, где с помощью прямого военного вмешательства англичан был установлен буржуазно-монархический режим; в то же время Лондон отнюдь не проявлял аналогичной заинтересованности в осуществлении также предусмотренных соглашением о перемирии поставок болгарского продовольствия в Югославию, где возникло и утверждалось в ходе освобождения народно-демократическое государство, руководимое компартией. Наоборот, заявление болгарского министра Д. Терпешева о предстоящих поставках продовольствия в Югославию вызвало британский демарш в Москве 26 ноября 1944 г. с выражением озабоченности, почему такой шаг предпринимается в отношении Югославии, но не Греции [29, р. 494—495]. Однако план учреждения Консультативной комиссии имел и гораздо более широкое политическое значение, выходявшее далеко за рамки греческих претензий к Болгарии. По существу речь шла о том, чтобы в контрольном механизме создать орган, который, в отличие от СКК, был бы построен, согласно итальянскому прецеденту, на принципе равного участия и, таким образом, ставил бы западных союзников в положение большинства, тем более, что им был обеспечен и голос греческого представителя (не случайно, как было отмечено выше, вопрос о членстве Югославии в такой комиссии отнюдь не ставился столь безоговорочно, как в отношении Греции). И хотя Консультативная комиссия обладала бы лишь рекомендательными функциями (вынесение решений и их осуществление оставались бы за СКК, где определяющую роль играла советская сторона), тем не менее возникала возможность попыток со стороны западных союзников, опираясь на фактор большинства в Консультативной комиссии, использовать последнюю для воздействия на деятельность СКК.

Однако в тот момент, во второй половине ноября 1944 г., США не проявили заинтересованности в создании Консультативной комиссии. В ответе британскому посольству в Вашингтоне 25 ноября государственный департамент выразил сомнения в целесообразности такого шага. Сводя все дело к греческим претензиям, с которыми формально и связывалось британское предложение, и выражая готовность поддержать эти претензии, госдепартамент аргументировал свою позицию тем, что учреждение Консультативной комиссии все равно не дало бы Греции прямого доступа в СКК, которая и обладает прерогативой принятия решения, но, наоборот, исключило бы возможность непосредственного представления греческих требований в СКК, сделав их объектом длительной и сложной по процедуре дискуссии в Консультативной комиссии [29, р. 491—492]. Не исключено, что причины американской позиции были не только, а, возможно, и не столько в этом. Помимо того, что первые донесения М. Барнса стали поступать в госдепартамент лишь в начале декабря, следует иметь в виду общее стремление администрации Ф. Рузвельта избежать возможного обострения отношений с СССР, особенно в случаях, где американская заинтересованность была относительно меньшей, а именно к таковым относились тогда Балканы вообще и Болгария, в частности. Между тем было очевидно, что всякие настояния перед Советским правительством со стороны западных союзников о внесении существенных изменений в контрольный механизм в Болгарии, тем более почти сразу после подписания соглашения

о перемирии, способны внести осложнения в отношения с СССР. Как бы там ни было, отрицательная позиция США лишала англичан возможности добиваться создания Консультативной комиссии.

Правительство Англии продолжало тем не менее добиваться желательных ему изменений в Болгарии. К концу первой декады декабря 1944 г. было решено предъявить Советскому правительству претензии по поводу «неудовлетворительного положения» западных представителей в СКК. 10 декабря было послано соответствующее письмо британского министра иностранных дел А. Идена народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову. Лондон добивался отмены каких-либо ограничений для западных, прежде всего английских, представителей в Болгарии, стремясь одновременно к достижению такого положения, при котором любые распоряжения СКК направлялись бы болгарским властям лишь после предварительной консультации с представителями Англии и США [50, док. № 17, прилож. 8, с. 206; прим. 61, с. 312; 29, р. 508—509].

Англичане обратились к США с просьбой выступить с аналогичным демаршем в Москве [6, с. 201; 29, р. 502]. В принципе в Вашингтоне разделяли британскую позицию и были готовы предпринять соответствующие шаги, но сомневались в целесообразности выступать на правительственном уровне, предпочитая улаживать возникающие проблемы на месте, через СКК. Это объяснялось как уже упомянутой выше общей линией администрации Ф. Рузвельта по поводу отношений с СССР в связи с Болгарией, так и тем, что к моменту британской акции государственный департамент США, по его собственной оценке, не располагал достаточными данными для правительственного демарша. В Вашингтоне были склонны в большей мере учитывать реальное положение, сложившееся в связи с заключением соглашения о перемирии: госдепартамент не упускал из вида прецедент, созданный порядком работы СКК в Италии, и то, что советское руководство СКК в Болгарии не связано обязанностью принимать рекомендации западных представителей по поводу решений, выносимых от имени комиссии [29, р. 508—509; 31, р. 150—151; 43, р. 241; 6, с. 201—202]. Практически действия американцев ограничились несколькими представлениями заместителю председателя СКК генерал-полковнику С. С. Бирюзову и помощнику председателя комиссии генерал-лейтенанту А. И. Черепанову, сделанными представителем США в СКК генерал-майором Дж. Крайном, а также М. Барнсом. Причем в ответ советские представители неизменно подчеркивали стремление к нормальным, дружественным отношениям с американской стороной и взаимному сотрудничеству на базе тех принципов, которые были положены в основу деятельности СКК [29, р. 507—508, 509, 510, 513—514].

В итоге британский демарш в Москве, как и замысел создания Консультативной комиссии, остался без американской поддержки, а в полученном англичанами 3 января 1945 г. советском ответе выражалось несогласие с выдвинутыми Лондоном претензиями (за исключением некоторого их удовлетворения в вопросе расходов болгарского правительства на содержание персонала английского представителя в СКК) [6, с. 202]⁹.

Тем не менее в Лондоне по-прежнему не хотели отступать от намерения изменить в более выгодном для себя направлении положение западных представителей в СКК в Болгарии, равно как вообще в союзных контрольных комиссиях в других восточноевропейских бывших государствах-сателлитах. При этом с конца декабря 1944 — начала января 1945 г. Анг-

⁹ Таким образом, совершенно неверен тезис Г. Колко, будто Англия проявляла в этот момент «безразличие» в отношении Болгарии, а США должны были принимать во внимание указанный фактор при определении своей политики [22, р. 160]. Как видим, все было как раз наоборот.

лия стала все больше получать столь желательную ей поддержку со стороны американской дипломатии.

К тому времени госдепартамент США стал склоняться к линии поведения, подобной британской. Очевидное нарастание процесса радикальных общественно-политических перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе, приход к власти в ряде стран народно-демократических правительств, в которых ведущую роль играли компартии, — все это было противоположно социальной направленности американских устремлений и вызывало в Вашингтоне усиливавшееся недовольство. К тому же в правящих кругах США, равно как и Англии, развертывание революционного переустройства общества в Центральной и Юго-Восточной Европе идентифицировалось с «распространением советского влияния». Соответственно, американская дипломатия стала проявлять большую активность в отношении указанного региона. Это ясно сказалось накануне Крымской конференции. В ходе обмена предложениями относительно ее подготовки с британским Форин оффис госдепартамент особо обращал внимание на установление в восточноевропейских странах «режимов по типу советских» и пытался наметить меры, которые, по оценке английского внешнеполитического ведомства, давали бы западным державам возможность, в случае их эффективного осуществления на каждой стадии, «предотвратить развитие такого рода» [51, р. 268].

Меры, намечавшиеся американской дипломатией, носили различный характер. Раньше всего, уже к концу декабря 1944 г., усилия Вашингтона в этом направлении стали сосредоточиваться на том, чего еще прежде добивались англичане: изменить порядок деятельности СКК и статус в них западных представителей в сторону усиления позиций США и Англии. Прежде всего было решено использовать выработку условий перемирия с Венгрией, непосредственно начавшуюся на рубеже 1944—1945 гг.

26 декабря 1944 г. Советским правительством, которому двумя днями раньше венгерское временное правительство заявило через советских представителей в Венгрии о своем намерении немедленно объявить войну Германии и запросило об условиях перемирия с СССР и другими союзными державами, были направлены памятные записки правительствам Англии и США, информировавшие их о венгерском заявлении [52, док. № 5, с. 26; док. № 6, с. 27]¹⁰. Советская сторона, ставя своих союзников в известность, что она намерена дать положительный ответ на обращение Временного национального правительства Венгрии и желала бы знать их мнение по этому вопросу, вместе с тем высказалась за необходимость сразу приступить в Москве к переговорам между представителями союзных правительств об условиях перемирия с Венгрией [52, док. № 6, с. 27]. А уже 29 декабря государственный секретарь Э. Стеттиниус инструктировал посла США в Москве А. Гарримана, предписывая ему на открывающихся советско-американо-английских переговорах по выработке условий перемирия с Венгрией добиваться, чтобы соглашение о перемирии включало в себя специальную регламентацию деятельности СКК в этой стране, в том числе фиксировало положение и функции американских представителей. При этом регламентация должна была быть составлена таким образом, чтобы США, равно как и Англия, по формулировке Стеттиниуса, могли «избежать трудностей», подобных тем, которые имели место в Румынии и Болгарии [29, р. 943]. Это была попытка не допустить, насколько возможно, организации и деятельности СКК в Венгрии на тех же основах, на каких функционировали СКК в Румынии и Болгарии.

¹⁰ 28 декабря 1944 г. Временное национальное правительство Венгрии объявило войну Германии, о чем сообщило правительству СССР с просьбой информировать также об этом правительства Великобритании и США [52, док. № 7, с. 27—29].

Непосредственные усилия, предпринятые с этой целью американской стороной на межсоюзнических переговорах в Москве, шли по двум основным направлениям. Во-первых, добиться того, чтобы соглашение о перемирии с Венгрией ограничивало доминирующую роль СССР в СКК лишь первым периодом перемирия — до окончания войны в Европе, а для последующего периода — до заключения мирного договора с Венгрией — устанавливалось бы «равное представительство и участие» трех держав в СКК. Во-вторых, определенным образом расширить права и прерогативы западных представителей в СКК и применительно к первому периоду. В числе прочего США настаивали, чтобы руководство СКК не могло направлять венгерским властям никаких директив политического характера до консультации с американским и британским представителями, каждый из которых в случае несогласия имел бы право представлять данную проблематику на рассмотрение своего правительства, запрашивая соответствующие инструкции. Наряду с этим американский и британский представители в контрольной комиссии должны были иметь право на получение информации от советских офицеров СКК и выдвижение своих предложений на рассмотрение комиссии. Ряд американских требований касался свободы передвижения западных представителей по Венгрии, их въезда и выезда из страны и прямой кодированной связи с Вашингтоном и Лондоном, права определения ими размеров своих делегаций и средств, которые обязано было отпустить на их содержание венгерское правительство, и т. д. Все это по замыслу госдепартамента должно было фиксироваться особым трехсторонним протоколом к соглашению о перемирии, который бы специально определял организацию и деятельность СКК и действовал бы в качестве ее основного статута. Американская сторона упорно настаивала на своих требованиях на всем протяжении трехсторонних переговоров в Москве между народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, послом США А. Гарриманом и британским поверенным в делах Дж. Бальфуrom. Аналогичной, если не еще более жесткой позиции придерживалась и английская сторона, взаимодействовавшая с американцами [29, р. 943—944, 947, 951, 954, 963, 965—966, 968—971, 973—975, 979] (см. также [8, 82—85 old.]).

При этом преследовалась двоякая цель. С одной стороны, США и Англия стремились добиться желательных им решений относительно порядка работы СКК и роли в ней западных представителей в самой Венгрии. С другой стороны, в Вашингтоне и Лондоне рассчитывали использовать затем эти решения как важный прецедент и для того, чтобы добиваться аналогичной по своему смыслу ревизии в отношении порядка деятельности СКК в Румынии и Болгарии. Уже в самом начале московских переговоров А. Гарриман, в соответствии с установками госдепартамента, заявил об американском «неудовлетворении нынешним положением в Румынии и Болгарии» и затем продолжал занимать подобную позицию вплоть до выдвижения в течение первой половины января 1945 г., как он это формулировал, «решительных протестов» по данному поводу [29, р. 954, 966, 975]. В телеграмме М. Барнсу 26 января 1945 г. государственный департамент подчеркивал, что он ожидает возникновения более благоприятной для США ситуации относительно Болгарии в результате переговоров Гарримана в Москве об условиях перемирия с Венгрией [31, р. 151]. Такова же была и позиция Лондона [31, р. 152, 801].

Стремясь достичь межсоюзнической договоренности, советская сторона на московских переговорах проявила готовность к рассмотрению и обсуждению всех вопросов, выдвигавшихся западными державами, но вместе с тем активно противодействовала попыткам подвергнуть ревизии те основные принципы структуры и деятельности СКК, прежде всего бу-

дущей СКК в Венгрии, которые были закреплены при организации союзнического контроля в Румынии и Болгарии.

Советский Союз считал возможным пойти навстречу пожеланиям западных союзников в ряде вопросов, касавшихся принятия специального статута СКК в Венгрии, в том числе фиксации в нем положения и прав представителей США и Англии. Принятый статут предусматривал, в частности, что советское руководство СКК будет созывать совещания с западными представителями и информировать их «о политических директивах (т. е. директивах, затрагивающих проблемы общего принципа) до направления таких директив венгерским властям от имени комиссии, а также принимать к сведению замечания, которые могут захотеть сделать британский и американский представители». Фиксировалось также право западных представителей на получение от сотрудников СКК необходимой информации и копий документов, на представление для рассмотрения СКК своих предложений по вопросам выполнения соглашения о перемирии, на определение размеров и состава своих делегаций, денежных сумм на свои нужды и получение их через СКК, на поездки по стране с условием предварительного обращения к руководству СКК и достижения договоренности по этому вопросу [31, р. 802—803]. Статут был выработан только для первого периода перемирия, т. е. до окончания войны с Германией, в отношении же второго периода Советский Союз не согласился с претензиями «равного участия» в СКК.

С одной стороны, США и Англия были весьма недовольны, что им не удалось добиться всего того, на чем они настаивали. Представители западных союзников на трехсторонних переговорах в Москве, и в частности на сей раз американцы, пытались оказать давление на СССР, заявляя, что не смогут принять предложенный им проект статьи об СКК в соглашении о перемирии с Венгрией, пока не будут удовлетворены их настояния относительно статута СКК [29, р. 947]. Более того, в телеграмме Э. Стеттиниусу 31 декабря 1944 г. А. Гарриман вообще ставил, хотя и в осторожной форме, вопрос о том, следует ли США участвовать в заключении соглашения о перемирии на не удовлетворяющих Вашингтон условиях. Однако ответ Стеттиниуса гласил: «Мы не готовы в данное время идти так далеко, чтобы отказаться от участия в перемирии, если наша позиция в отношении контрольной комиссии не будет принята» [29, р. 953—955]. В Вашингтоне не рисковали предпринимать действия, которые бы могли повести к разрушению антигитлеровской коалиции, тем более в обстановке, когда война с фашистским блоком вступала в завершающую фазу и Советский Союз являлся первостепенной силой в разгроме врага. К тому же администрация Ф. Рузвельта, внешнеполитическая стратегия которого включала в себя сосуществование и определенное сотрудничество с СССР, была заинтересована в скорейшей победе над Германией и с точки зрения последующего вступления Советского Союза в войну с Японией: на Тегеранской конференции глава Советского правительства И. В. Сталин заявил президенту США, что СССР выступит против Японии после капитуляции Германии [53, док. № 53, с. 95]. Британское правительство также должно было считаться с существовавшими политическими и военными реальностями. В результате как США, так и Англия приняли разработанный Советским Союзом статут СКК для первого периода перемирия с Венгрией и ограничились заявлениями, что в отношении второго периода они оставляют за собой право поднять этот вопрос позднее [29, р. 983; 31, р. 800—801].

С другой стороны, ввиду отражения в принятом статуте СКК ряда пожеланий западных держав, последние расценивали межсоюзническую договоренность, достигнутую в итоге при выработке условий перемирия.

с Венгрией как удовлетворительную и дающую им известные преимущества в сравнении с положением в Румынии и особенно в Болгарии [29, р. 979, 983]. Однако в соответствии со своим первоначальным замыслом, они рассматривали указанную договоренность как прецедент для новой попытки ревизовать организацию и деятельность СКК в двух последних странах, прежде всего в Болгарии.

В конце января 1945 г. Дж. Бальфур выразил В. М. Молотову «надежду» своего правительства, что соглашение, выработанное для СКК в Венгрии, будет также применено к Болгарии [31, р. 152; 6, с. 202]. США, как уже говорилось, стояли на аналогичной позиции, а Бальфур еще за неделю до своего демарша известил Гарримана, что англичане считают необходимым заключение подобного соглашения по Болгарии [31, р. 801]. Однако и эта попытка окончилась неудачей. Молотов, как отмечалось в сообщении американского посольства в Москве госдепартаменту, реагировал на новый британский демарш крайне отрицательно. В ответе советской стороны указывалось, что договоренность по поводу Венгрии выработана именно применительно к этой стране и не имеет никакого отношения к Болгарии [6, с. 202; 31, р. 152, 801].

Между тем к этому времени как британская, так и американская дипломатия уже полным ходом готовились к новой и гораздо более широкой акции для достижения своих целей в Болгарии, Румынии и Венгрии. На сей раз речь шла о том, чтобы использовать для этого предстоящую встречу глав правительств СССР, США и Англии в Крыму, место и сроки проведения которой были окончательно согласованы к середине января 1945 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968.
2. Орлик И. И. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965—1975). М., 1979.
3. Губианский Л. Я. Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны (январь — май 1945).—*Études balkaniques*, 1976, № 1.
4. Губианский Л. Я. Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях (февраль — август 1945 г.). Балканские исследования, [вып. 2]. Проблемы истории и культуры. М., 1976.
5. Gîbianski L. J. Jihovýchodní Evropa ve vztazích vůdčích velmocí protihitlerovské koalice v období mezi Jaltou a Postupimí.—*Slovanský přehled*, 1975, č. 3.
6. Пинтеев С. Начална дейност на Съюзната контролна комисия в България (октомври 1944 — януари 1945 г.). Исторически преглед, 1979, кн. 4—5.
7. Várkonyi P. Magyar-amerikai kapcsolatok. 1945—1948. Budapest, 1971.
8. Sipos P., Vida I. Az Egyesült Államok és Magyarország a második világháború végén.—*Valóság*, 1980, № 2.
9. Koseski A. Bulgaria в polityce europejskiej. 1944—1948. Warszawa, 1975.
10. Kowalski W. T. Wielka Koalicja 1941—1945. T. II—III. Warszawa, 1976—1977.
11. Lache Șt., Țuțui Gh. România și Conferința de pace de la Paris din 1946. Cluj-Napoca, 1978.
12. Enescu I. Politica externă a României în perioada 1944—1947. București, 1979.
13. Clemens D. Sh. Yalta. New York, 1970.
14. McNeill W. H. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict, 1941—1946. London, 1953.
15. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.
16. Wheeler-Bennett J., Nicholls A. The Semblance of Peace. The Political Settlement after the Second World War. London, 1972.
17. Davis L. E. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974.
18. Wilmot Ch. Struggle for Europe. London, 1953.
19. Baldwin H. The Great Mistakes of the War. New York, 1950.
20. Gardner B. The Wasted Hour. The Tragedy of 1945. London, 1963.

21. *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore and London, 1973.
22. *Kolko G.* The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. New York, 1968.
23. *Fleming D. F.* The Cold War and Its Origins 1917—1960. V. I. London, 1961.
24. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II. М., 1946.
25. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947.
26. *Сороа О. В.* Италия и антигитлеровская коалиция. 1943—1945. М., 1973.
27. *Harris C. R. S.* Allied Military Administration of Italy 1943—1945. London, 1957.
28. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). М., 1978.
29. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. V. III. Washington, 1965.
30. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. V. IV. Washington, 1966.
31. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. V. IV. Washington, 1968.
32. Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
33. Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Сокращенный перевод с рум. М., 1974.
34. *Лебедев Н. И., Покаяйлова Т. А.* Расстановка классовых сил в Румынии и борьба КПР за развитие народно-демократической революции (23 августа 1944 г.— 6 марта 1945 г.).— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
35. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976.
36. *Петрик А., Цуцуй Г.* Установление и укрепление народно-демократического строя в Румынии. Бухарест, 1964.
37. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
38. *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. 1944—1948. М., 1961.
39. История Венгрии. Т. III. М., 1972.
40. История венгерского революционного рабочего движения. Перевод с венг. Т. 3. М., 1974.
41. *Каллаи Д.* Движение за независимость Венгрии. 1936—1945. Перевод с венг. М., 1968.
42. *Манусевич А. Я.* Об общем и особенном в народно-демократических и социалистических революциях 40-х годов.— В кн.: Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
43. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington, 1955.
44. *Гришина Р. П.* Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945 г.).— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
45. *Димитров И.* Провалът на контрреволюционния пристъп срещу народнодемократичната власт в края на 1944 г. Известия на БИД, кн. XXV. София, 1967.
46. *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966.
47. *Черепанов А. И.* Бурные годы в Болгарии (1944—1947).— Новая и новейшая история, 1976, № 5.
48. *Костов Т.* Избрани произведения. 1944—1948. София, 1978.
49. *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. София, 1978.
50. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979.
51. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. V. V (in collaboration with M. E. Lambert). London, 1976.
52. Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
53. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978.

ПОП И. И.

ПРОБЛЕМА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Отношения между СССР и Чехословакией на заключительном этапе второй мировой войны определялись общим стремлением к быстрейшему разгрому гитлеровской Германии, восстановлению независимости оккупированных стран и организации прочной системы безопасности в Центральной Европе. В своей внешней политике СССР руководствовался ленинским принципом солидарности с освободительной борьбой угнетенных народов, что имело первостепенное значение для Чехословакии, преданной ее западными союзниками в 1938 г. и оккупированной в 1939 г. Отношение Чехословакии к Советскому Союзу в период войны определяли в основном два направления в чехословацком движении Сопротивления: первое, революционное, возглавляемое Коммунистической партией, исходило в своей политике из принципов пролетарского интернационализма; второе, буржуазное, представляемое чехословацким эмигрантским правительством, стремилось к восстановлению буржуазной республики.

Революционное крыло движения Сопротивления считало, что мюнхенская политика Запада и нацистская оккупация стали большим политическим уроком для чешского и словацкого народов, показавшим, что безопасность, суверенитет и целостность республики в будущем могут быть обеспечены только в союзе с СССР. Поэтому, начиная с первого подпольного воззвания 1939 г. коммунисты Чехословакии решительно выступали за союз своей страны с СССР [1, с. 203].

Позиция буржуазного лагеря по вопросу внешней политики и в особенности отношения к Советскому Союзу в годы войны не отражала настроений народных масс, а скорее приспособлялась к ним. Под влиянием внутренних и международных факторов окружение президента Э. Бенеша вынуждено было корректировать свой внешнеполитический курс, хотя основа его — ставка прежде всего на союз с западными державами — оставалась неизменной.

КПЧ разработала политическую платформу антифашистской борьбы, которая отвечала требованиям и желаниям широких масс народа и демонстрировала политическую независимость левых сил движения Сопротивления. КПЧ, широко сотрудничая с другими группами Сопротивления, оказывала действенное влияние на чехословацкое эмигрантское правительство, боролась за новую внешнеполитическую ориентацию республики [1, с. 206—207]. Ярким свидетельством тесного боевого союза революционных сил Чехословакии с СССР стало Словацкое национальное восстание.

Словацкие коммунисты успешно реализовали курс КПЧ на объединение всех антифашистских сил вокруг рабочего класса и к концу 1943 г. создали единый руководящий орган движения Сопротивления в Словакии — Словацкий национальный совет (СНС). В соглашении, заключенном группами словацкого движения Сопротивления, вошедшими в СНС, указывалось: «Мы стремимся к тесному сотрудничеству со всеми славянскими государствами и народами, особенно с Советским Союзом, в лице которого мы видим защитника свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности. Будущая Чехословацкая республика должна проводить свою внешнюю политику в духе этих принципов, и поэтому она должна во внешнеполитической и военной сферах опираться на Советский Союз» [2, с. 27]. Важность этого программного заявления заключалась в том, что оно исходило от органа, представлявшего по существу Национальный фронт, и было первым документом, в котором фиксировалась новая внешнеполитическая ориентация будущей народно-демократической Чехословакии.

Приближение Советской Армии к Карпатам в начале 1944 г. привело к развалу клерофашистского режима И. Тисо в Словакии и активизировало движение Сопротивления в такой степени, что на повестку дня встал вопрос о широком народном восстании против местной фашистской клики и ее покровителя — нацистской Германии. Диапазон политических групп, участвовавших в движении Сопротивления, обусловил и различные концепции восстания. В представлении Э. Бенеша это должен был быть верхушечный переворот, проведенный силами словацкой армии, задачей которого была быстрая реставрация буржуазной политической системы [3, с. 148—150]. Однако существование СНС — органа словацкого Сопротивления, руководящей силой которого были коммунисты, перечеркивало эти планы Э. Бенеша. Коммунисты рассматривали восстание как революционное действие с участием широких народных масс, они учитывали новую расстановку сил в движении Сопротивления и усиление в нем позиций революционного крыла [4, с. 1—5]. СНС благодаря усилиям коммунистов превратился в авторитетный политический орган, которому подчинялась и часть армии. Партизанское движение, приобретшее широкий размах, находилось в основном под влиянием коммунистов [1, с. 219—220; 3, с. 126—127]. Поэтому Э. Бенеш всячески стремился ограничить функции и деятельность СНС [3, с. 126, 132—169].

Судьба восстания в Словакии зависела от участия в нем народных масс, а также быстрого соединения восставших с Советской Армией. В декабре 1943 г. глава чехословацкой военной миссии в Москве генерал Г. Пика ознакомил советское командование с планом восстания, разработанным буржуазными кругами чехословацкого движения Сопротивления. Согласно этому плану словацкая армия, произведя переворот, должна была удерживать центральную и восточную Словакию до прихода Советской Армии. Две словацкие дивизии в восточной Словакии должны были освободить перевалы в Карпатах для быстрого прохода частей Советской Армии. Э. Бенеш предложил перебросить в Словакию чехословацкий корпус, сформированный в СССР [5, с. 281]. Более конкретные переговоры между чехословацкими и советскими военными представителями по вопросу о восстании в Словакии состоялись 2 марта 1944 г. [6, с. 229].

Советское военное командование поручило Генеральному штабу проанализировать план, представленный чехословацкими генералами. Как пишет в своих воспоминаниях генерал армии С. М. Штеменко, Генштаб пришел к выводу, что Германия не допустит реализации этого плана. «...План был нереальным. Он не принимал в расчет возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное он был составлен так, будто не суще-

ствовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам. Предполагалось, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны» [7, с. 329].

В плане не учитывалось то обстоятельство, что немецкое командование могло перебросить из Венгрии значительные силы, воспрепятствовать чему словацкая армия не имела возможности. К тому же для переброски в Словакию частей Советской Армии по воздуху не было достаточного количества самолетов, а также соответствующих аэродромов в Словакии для их приема. Трудной проблемой представлялось снабжение. Фронтальное же наступление Советской Армии не предполагало быстрого продвижения, так как перед ней была сильно укрепленная «линия Арпада» в Карпатах. Поэтому С. М. Штеменко подчеркивает, что этот план исходил только из того, что чехословацким генералам хотелось осуществить, а не из того, что могло быть осуществлено [7, с. 318—323]. Кроме того, он игнорировал участие народных масс в восстании. В письмах генерала Г. Пики, — указывает в своих воспоминаниях С. М. Штеменко, — «много говорилось о словацкой армии, о ее готовности к операции, а о Словацком национальном совете и народных силах сопротивления не было ни слова» [7, с. 326].

Несмотря на это, Генеральный штаб не исключал возможности поддержки чехословацкого плана восстания [7, с. 322]. Принимались меры для оказания помощи восстанию до того как Советская Армия достигнет Карпат. Но, по мнению советской стороны, до тех пор пока Советская Армия не приблизится к Словакии, не представлялось возможным поддерживать восстание такими военными силами, которые могли бы длительное время удерживать значительную территорию [8, с. 149—155].

Советское военное командование считало, что нельзя преждевременно начинать восстание. Советские войска в это время были еще в Белоруссии и Западной Украине. В такой ситуации самой целесообразной являлась партизанская форма борьбы, которая не предполагала обороны определенной территории. Предлагалось для усиления партизанского движения в Словакии перебросить туда из СССР чехословацкую парашютно-десантную бригаду, а также небольшие советские отряды, имевшие опыт партизанской борьбы [7, с. 327]. Далее указывалось на необходимость активизации антифашистской борьбы в целом в оккупированной Чехословакии. При этом в ответе советской стороны подчеркивалось, что чехословацкому народу со стороны СССР будет оказана всесторонняя помощь, вопрос этот уже решен был И. В. Сталиным и поэтому нет необходимости его подтверждать вновь [7, с. 318—323].

Помощь партизанскому движению в Чехословакии непосредственно оказывалась Украинским штабом партизанского движения (УШПД) [9, с. 260—269]. В подготовке партизанских групп участвовали и руководители КПЧ. В мае 1944 г. в Киеве состоялись переговоры К. Готвальда с начальником УШПД Т. А. Строкачем и был разработан план помощи вооруженной борьбе чехословацкого народа. 17 июня 1944 г. этот план был обсужден и утвержден на заседании Политбюро ЦК КП(б)У. Планировалось направить на территорию Чехословакии 10 групп, которые должны были содействовать развитию партизанского движения. Кроме того, школа УШПД должна была подготовить 100 чехов и словаков для отправки их на территорию Чехословакии [10, с. 298].

В июле 1944 г. на территорию Словакии было заброшено несколько отрядов, подготовленных в УШПД. Это вызвало неожиданную реакцию правительства Э. Бенеша, которое в начале августа в категорической форме потребовало подчинить своему контролю дальнейшую высадку партизанских групп на территорию Чехословакии [4, с. 239; 11, с. 50—61; 6, с. 313]. Возможность широкого народного антифашистского движения в оккупи-

рованной Чехословакии, знаменовавшего потерю гегемонии буржуазных кругов в движении Сопротивления, породила у эмигрантского правительства панический страх.

Советское правительство не хотело осложнять отношения с чехословацким эмигрантским правительством. Оно дало указание УШПД в дальнейшем посылать партизанские группы во главе с чехословацкими гражданами [7, с. 325; 1, с. 219; 14, с. 178; 12, с. 159—161]. По рекомендации московского руководства КПЧ на посты командиров и комиссаров назначались лица левых убеждений, поддерживавшие контакт с подпольными организациями Коммунистической партии [3, с. 240].

Нарастание партизанской борьбы в Словакии и препятствия со стороны эмигрантского правительства установлению прямой связи между Словакией и Москвой побудили СНС принять 29 июня 1944 г. решение послать свою делегацию в Москву для координации планов словацкого движения Сопротивления с действиями Советской Армии.

Это решение встретило резкое возражение со стороны Э. Бенеша, считавшего сферу дипломатических связей с СССР исключительно своей прерогативой. Он понимал, что выступление СНС на международной арене нанесет существенный удар по отстаиваемому им принципу «чехословакизма» и попыткам утвердить гегемонию эмигрантского правительства в движении Сопротивления. Поэтому он стремился не упустить из своих рук инициативу в переговорах с Советским правительством.

14 июля 1944 г., после начала Львовско-Сандомирской операции Советской Армии, еще больше приблизившей фронт к границам Словакии, Г. Пика по указанию военного министра С. Ингра, предложил Советскому правительству вновь рассмотреть вопрос о взаимодействии частей Советской Армии с восточнословацким корпусом, который мог, по мнению военного министерства, открыть путь Советской Армии через Карпаты. При этом сигнал о выступлении восточнословацких дивизий, по мнению чехословацкой стороны, должен был исходить от советского командования. В связи с этим представитель советского командования 24 июля заявил, что правительство СССР не имеет возможности устанавливать срок выступления двух словацких дивизий и считает целесообразным, чтобы это сделала чехословацкая сторона, сообразуясь с действительной готовностью дивизий к выступлению и стратегической ситуацией момента [11, с. 43]. Таким образом вопрос о восстании мог решать только политический орган, стоящий во главе национально-освободительной борьбы.

Необходимо отметить, что советская сторона в это время не располагала объективной и достаточно точной информацией о положении в Словакии. С. М. Штеменко вспоминал: «Доклады, получаемые от партизан, сообщали в основном об их боевой работе. О подготовке народного восстания не было никаких конкретных достоверных данных... Сведения же, поступающие к нам от чехословацкой военной миссии, искажали положение дел» [7, с. 326]. Касаясь этого вопроса, Г. Гусак констатировал: «Можно говорить об умышленной блокаде Советского правительства, имея в виду информацию о положении в Словакии, о Словацком национальном совете, о военном руководстве, об антифашистских настроениях словацкого народа и армии, о подготовке Словацкого национального восстания» [3, с. 231].

В целях осуществления своего замысла чехословацкое эмигрантское правительство обратилось к военному командованию США и Великобритании с просьбой о доставке вооружения в Словакию. Американцы ответили, что они могли бы поставить оружие со своих складов в Южной Италии. Англичане были более осторожны, заявив, что оружие в Словакию они могут поставить только в том случае, если получают на это согласие от

советского командования [6, с. 310—311]. Сообщая об этой акции чехословацкого правительства, Г. Пика пытался ее сгладить, заявив, что участие США и Великобритании в подготовке восстания в Словакии будет всего лишь вспомогательным. Между тем посол Великобритании в Москве А. К. Керр просил Советское правительство дать ответ к 7 августа относительно поставок оружия в Словакию. Позже Г. Пика говорил, что если СССР до 10 августа поставит вооружение в Словакию, то необходимость в помощи Англии отпадет [11, с. 47; 3, с. 236—238; 14, с. 179; 6, с. 310—312].

Советская сторона выражала недоумение по поводу таких методов чехословацкой дипломатии. При этом она указывала, что советское оружие будет поставлено в Словакию, как только там возникнут благоприятные для этого условия [6, с. 309—311].

После провала попыток правительства Э. Бенеша выступить от имени словацкого движения Сопротивления и координировать его действия с операциями Советской Армии устанавливаются непосредственные контакты СНС с Советским правительством. Таким образом СНС в канун восстания становится субъектом чехословацко-советских отношений.

2 августа из Банской Быстрицы в Москву вылетела группа словацких офицеров, сторонников правительства Э. Бенеша, задачей которых было первыми информировать Советское правительство о подготовке восстания и предстать таким образом в качестве его руководителей. В Москву прибыли также представитель ЦК КПС в СНЕ К. Шмидке и полковник М. Ферьенчик на самолете, предоставленным им военным министром клерофашистского правительства Ф. Чатлошем, который, порывая с тисовским режимом, разработал план военного переворота в Словакии, по словам К. Шмидке, интересный в военном и наивный в политическом отношении [3, с. 263].

В результате в начале августа 1944 г. в Москве, где находилось руководство КПЧ во главе с К. Готвальдом, оказались две словацкие делегации, группа из Лондона во главе с правительственным уполномоченным Ф. Немецем, представитель алибиристской группы Ф. Чатлоша. Советское правительство решило использовать свое влияние, чтобы все направления, за исключением алибиристов, объединились на базе Национального фронта [5, с. 53].

10 августа Г. Пика представил советскому Генеральному штабу новый план восстания в Словакии. «В центре внимания лондонского правительства,— отмечает С. М. Штеменко,— стояло проведение все той же ненадежной акции с использованием слабых сил словацкой армии. Акция походила на прелюдию военного переворота в стране» [9, с. 326]. При этом настаивала просьба об определении сроков действия Советской Армии, что могло раскрыть замыслы советского Верховного Главного командования [7, с. 327].

Только после того, как представитель КПС К. Шмидке сообщил о положении в стране и передал документы СНС, стали яснее вырисовываться картина народного антифашистского движения и причины, побудившие чехословацкое эмигрантское правительство умалчивать о нем [3, с. 247]. Ситуация, однако, была трудной. До карпатских перевалов оставалось еще 50—60 км, и других способов помочь Словакии силами Советской Армии, нежели сломить сопротивление противника на прочных оборонительных позициях, пока не имелось [7, с. 329].

Во время переговоров с представителями советской стороны К. Шмидке изложил планы восстания, разработанные СНС. К моменту приближения Советской Армии к границам Словакии там предполагалось начать восстание и свергнуть клерофашистский режим. Это был как бы оптималь-

ный вариант. Но в том случае, если германские войска начнут оккупацию Словакии еще до подхода Советской Армии, то народ и армия выступят против них и будут защищать освобожденную территорию. Советская сторона вновь подтвердила, что восстанию в Словакии будет оказана всяческая помощь. «Теперь мы узнали, — пишет С. М. Штеменко, — что в стране действовали широкие антифашистские силы и назревало народное восстание. Стало ясно, почему лондонским политикам было важно осуществить освобождение Словакии без участия внутренних сил Сопротивления и поднять только армию» [7, с. 328].

Переговоры К. Шмидке, как представителя СНС проходили в Москве вне контроля чехословацкого эмигрантского правительства. Это вызвало острую реакцию со стороны Э. Бенеша [6, с. 314]. Не имея возможности открыто протестовать против этих переговоров, Э. Бенеш под предлогом того, что К. Шмидке привез меморандум Ф. Чатлоша, пытался обвинить представителя СНС в связях со словацкими клерофашистами, а советские органы — в попытке переговоров с ними [3, с. 263], и представить, будто советская сторона нарушает дипломатические соглашения и союз с Чехословакией [11, с. 84]. Чехословацкий посол в Москве передал в НКВД СССР представление Э. Бенеша, но своему правительству заявил, что было бы ошибкой даже предполагать, что у советской стороны имелось какое-либо стремление к переговорам со словацкими фашистами [6, с. 328—329].

Демарш Э. Бенеша был вызван прежде всего опасением утраты своих позиций в чехословацком движении Сопротивления, страхом перед возможными революционными переменами в Словакии. Действия делегации СНС, активным членом которой был представитель КПС К. Шмидке, Э. Бенеш воспринял как начало нежелательного для чехословацкой буржуазии развития событий. Он больше всего боялся как бы чехословацкое эмигрантское правительство не постигла судьба польского реакционного эмигрантского правительства, оказавшегося не у дел после образования на освобожденной территории Польского комитета национального освобождения.

Советское правительство долгое время не реагировало на этот демарш Э. Бенеша. В тактичной форме советские дипломаты вернулись вновь к этому вопросу уже в период восстания в Словакии, явившегося убедительным доказательством обоснованности демарша Э. Бенеша [11, с. 82].

Правительство СССР последовательно выполняло свои обязательства, вытекавшие из советско-чехословацкого договора 1943 г. и соглашения 1944 г. и оказывало поддержку левым силам в чехословацком движении Сопротивления. Оно считало необходимым единство в рядах движения Сопротивления, единство в борьбе против общего врага — нацистских поработителей [13, с. 17].

Как только в Москве было получено сообщение о начавшемся в Словакии 29 августа восстании, чехословацкие дипломатические представительства, правительственный уполномоченный Ф. Немец, делегация Государственного совета, делегация СНС и руководство КПЧ обратились к Советскому правительству с просьбой о немедленной помощи восставшим [3, с. 378—380]. Характерно, что в обращении чехословацкого эмигрантского правительства ничего не говорилось о действиях Советской Армии, которые привели бы к быстрому ее соединению с восставшими [14, с. 205; 11, с. 126]. Более того, высказавший такое пожелание от себя лично чехословацкий посол в Москве получил резкий выговор от министра иностранных дел Я. Масарика [14, с. 205—206]. Правительство Э. Бенеша не желало вступления Советской Армии в Словакию. Г. Гусак

пишет: «Путем военных действий в Словакии правительство Бенеша хотело овладеть первой свободной территорией у нас и таким образом упрочить свои позиции. Подобный характер действий Бенеша не мог быть не известен советским деятелям. Поэтому СССР к такой акции относился сдержанно...» [3, с. 233—234].

Советское правительство готово было выполнить взятые на себя обязательства о помощи восставшим, но прежде всего желало получить точную информацию о характере восстания, об отношении к нему всех политических групп чехословацкого движения Сопротивления. Зная о противоречиях в его рядах, Советское правительство хотело прежде всего установить, не будет ли считать какая-либо влиятельная его группа такую помощь вмешательством во внутренние дела Чехословакии [11, с. 126—127].

Представители чехословацкого правительства заверяли советских дипломатов, что восстание полностью поддерживается правительством в эмиграции [11, с. 126—127]. 2 сентября 1944 г. К. Готвальд направил письмо В. М. Молотову, в котором указывал, что восстание в Словакии имеет народный, общенациональный характер, а его руководящей силой является СНС, созданный по инициативе коммунистов [14, с. 183—186]. Правительство СССР откликнулось на это письмо. Заведующий отделом НКВД СССР В. А. Зорин уже 3 сентября 1944 г. сообщил чехословацкому послу в Москве, что, поскольку бои в Словакии имеют характер общенациональной борьбы, то СССР окажет повстанцам всяческую помощь [6, с. 348]. В ночь с 4 на 5 сентября на повстанческом аэродроме «Три дуба» у Банской Быстрицы приземлились первые советские самолеты с оружием и боеприпасами для восставших. За сентябрь и октябрь советская авиация перебросила в Словакию 796 т грузов, а также вторую чехословацкую парашютно-десантную бригаду [3, с. 399; 13, с. 130]. Кроме того, на помощь восставшим послан был из СССР и чехословацкий авиаполк.

Ставка Верховного Главнокомандования СССР 2 сентября 1944 г. дала командующему 1-м Украинским фронтом директиву о подготовке и проведении операции на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно и Санока в направлении на Прешов выйти на словацкую границу и в дальнейшем соединиться со словацкими повстанцами. Ставка разрешила привлечь к операции и Первый чехословацкий армейский корпус, сформированный в СССР [15, с. 27].

Проведение такой операции было связано с немалыми трудностями. В конце августа 1944 г. войска 1-го и 4-го Украинских фронтов закончили длительную наступательную операцию на Львовско-Сандомирском направлении и нуждались в отдыхе и организации тылов. К тому же предстоящее наступление в горах требовало соответствующей подготовки личного состава, не имевшего опыта ведения наступательных действий в горных условиях [15, с. 54, 78—79]. Изменилась с выходом Румынии из гитлеровского блока 23 августа 1944 г. общая ситуация на фронтах, дававшая возможность охвата массива Карпат с юга. Таким образом, наступление Советской Армии из южной Польши через Карпаты в Словакию не отвечало пока стратегическому плану советского командования, что признавала и чехословацкая сторона [14, с. 203]. Тем не менее Советское правительство, стремясь оказать помощь Словацкому национальному восстанию, дало указание начать досрочно, 8 сентября, Карпатско-Дуклинскую операцию [15, с. 39—43].

Ожесточенные бои на Дуклинском перевале закончились осенью 1944 г. выходом частей Советской Армии и Чехословацкого корпуса на территорию восточной Словакии. В ходе тяжелых боев и прорыва глубоко эшелонированной обороны противника советские войска потеряли убитыми, ранеными, пропавшими без вести свыше 90 тыс. человек. Потери Чехосло-

вацкого корпуса составили 6500 бойцов [15, с. 73]. Несмотря на то, что соединиться с повстанцами не удалось из-за просчета военного руководства восстания и разоружения гитлеровцами словацких дивизий в восточных Карпатах, это наступление явилось важным этапом в освобождении Чехословакии, в укреплении дружбы с Советским Союзом. К. Готвальд, говоря о значении этой операции, подчеркивал: «На Дукле родился лозунг, прочно вошедший в чувства и сознание нашего народа: с Советским Союзом на вечные времена!» [16, с. 137].

Наступление Советской Армии в Карпатах позволило словацким повстанцам в чрезвычайно невыгодных для них условиях окружения сдерживать натиск превосходящих сил немецких войск на протяжении двух месяцев. Тем не менее силы восставших были недостаточными для того, чтобы одержать победу над врагом.

Советское правительство высоко оценило усилия руководства Словацкого национального восстания и боевую активность словацких партизан и солдат. В ноте чехословацкому правительству от 22 сентября оно признало за повстанческими частями словацкой армии права армии воюющего государства антигитлеровской коалиции и подчеркнуло, что восстание считает важным вкладом в военные усилия союзников. В ноте указывалось, что СССР предоставил помощь «словацким партизанам и присоединившимся к ним словацким солдатам и офицерам» [14, с. 201]. То, что на первом месте фигурировали партизаны, вызвало недовольство в чехословацком буржуазном лагере, считавшим себя организатором и руководителем восстания в Словакии. Реакционные министры эмигрантского правительства предлагали даже использовать эту ноту в качестве повода для политического разрыва с Советским Союзом [11, с. 131].

Во второй половине октября 1944 г., когда фактически участь освобожденной территории Словакии была решена, чехословацкое эмигрантское правительство требовало все новой помощи восставшим от СССР, согласия его на помощь со стороны США и Англии, направления советского генерала в Словакию для руководства действиями повстанцев, ускоренного наступления Советской Армии в направлении Кошице [6, с. 10]. Все это делалось вовсе не для того, чтобы удержать освобожденную территорию в Словакии, а с целью иметь возможность обвинить командование Советской Армии в недостаточной помощи восставшим и свалить вину на него за неудачу восстания.

Советское правительство обещало и дальше оказывать помощь борющейся Словакии, подчеркивая, что восстание выполнило свою задачу, нарушило планы немецкого командования, приковало к себе значительные военные силы Германии. Но в создавшейся в конце октября 1944 г. ситуации необходимо было организованно отступить в горы и перейти к партизанской форме борьбы [9, с. 269—270].

Но именно последнее не укладывалось в планы Э. Бенеша и его окружения, больше всего боявшихся широкого участия народных масс в борьбе против общего врага. Поэтому они пытались дезорганизовать партизанскую борьбу, дискредитировать ее, а заодно и значение помощи Советского Союза борющейся Словакии [9, с. 275—276]. Однако такие попытки в Словакии успеха не имели, ибо «советская помощь, — как подчеркивает в своей книге Г. Гусак, — военная, политическая и моральная — была решающим фактором, позволившим словацкому народу выстоять в открытой борьбе в течение двух месяцев против превосходящих сил гитлеровских армий. Этот факт осознавал каждый человек в Словакии, особенно на освобожденной территории и это непосредственно влияло на политическую ситуацию. Ориентация на Советский Союз и любовь ко всему советскому развивалась и укреплялась в словацком народе все больше и больше»

[3, с. 40]. В резолюции объединительного съезда словацких коммунистов и социал-демократов, состоявшегося 17 сентября 1944 г., была дана четкая формулировка внешнеполитического курса рабочей партии: «Мы будем опираться на могучий Советский Союз и его Красную Армию, на нерушимый блок славянских народов и государств» [18, с. 522].

В период Словацкого национального восстания словацкий и чешский народы еще раз на собственном опыте убедились в том, что восстановление чехословацкой государственности возможно только с помощью Советского Союза. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Советский Союз, несмотря на интриги и противодействие чехословацкого буржуазного эмигрантского правительства, оказывал Словацкому национальному восстанию всестороннюю бескорыстную и действенную помощь. Поэтому идея ориентации на СССР твердо укрепилась в сознании широких кругов чехословацкого общества как единственно правильная ориентация национальной и государственной политики рождающейся народно-демократической Чехословакии, стала основой глубоких и всесторонних взаимоотношений Чехословакии и СССР, новой концепции национально-государственных интересов республики, отражавших новую общественно-политическую сущность возникшей народно-демократической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979.
2. *Pivoluska J.* Československo-sovětská spojenecká zmluva z roku 1943 a slovenský odboj. — Slovanské štúdie, 1975, XVI.
3. *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969.
4. *Мурашко Г. П.* Словацкое национальное восстание — начало национально-демократической революции. — Советское славяноведение, 1980, № 1.
5. *Král V.* Československo-sovětské vztáhy v období příprav Slovenského národného povstání. — Slovanský přehled, 1974, № 4.
6. *Fierlinger Z.* Ve službach ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. D. II, Praha, 1948.
7. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1973, кн. 2.
8. *Laštovička B. V.* Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939—1945. Praha, 1960.
9. *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1971.
10. *Amort C.* Podíl Sovětského Svázu na přípravách Slovenského národného povstání. — Slovanský přehled, 1974, № 4.
11. *Král V.* Osvobození Československa. Studie o mezinárodně politických aspektech. Praha, 1975.
12. Partizánské hnutí v Československu za druhé světové války. Praha, 1961.
13. *Недорезов А. И.* Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны. — Советское славяноведение, 1974, № 3.
14. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы. М., 1960.
15. *Прожктор Д. М.* Через Дуклинский перевал. М., 1960.
16. *Gottwald K.* Sbornik státi a projevů. 1949—1950. Praha, 1951.
17. *Král V.* Přínos Slovenského národného povstání ke vztahům československo-sovětským. — Slovanský přehled, 1975, № 1, с. 1.
18. Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965.

БОЛДОВ А. В.

ПОДГОТОВКА «САНАЦИИ» К СОЗДАНИЮ СВОЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (май 1935 — февраль 1937 гг.)

Новый этап в истории «санации» в Польше начался в мае 1935 г. после смерти Ю. Пилсудского. С ним было связано и начало политического кризиса «санации», проявлениями которого были: массовый бойкот избирателями выборов в сейм и сенат в сентябре 1935 г., свидетельствующий о недовольстве народных масс политическим режимом, самороспуск проправительственной организации «Беспартийный блок сотрудничества с правительством» (ББВР), борьба за власть в правящей верхушке. Для сохранения своей власти в стране, создания массовой социальной базы режима, «санация» вынуждена была изменить свою тактику воздействия на массы.

Проблема кризиса «санации», который известный деятель этого движения Б. Медзиньский определил как «декомпозицию», давно привлекает внимание польских историков. Одним из первых ее рассмотрел В. Побуг-Малиновский, всячески пытавшийся приуменьшить размах и глубину кризиса, охватившего «санацию» в 1935—1937 гг. [1]. Т. Ендруцак убедительно показал, что массовые выступления трудящихся против внутри- и внешнеполитического курса пилсудчиковских правительств послужили одной из причин кризиса «санации», заставили ее руководство начать поиск новых политических концепций, приступить к созданию массовой политической организации движения [2]. Исследуя эволюцию программ «санации» в 1935—1937 гг., Е. Хольцер отметил, что основными вопросами, вставшими перед «санацией» в 1935 г. были: 1) как управлять Польшей; 2) какова должна быть идеология лагеря пилсудчиков [3, с. 330]. Историк и публицист католического направления А. Мицевский рассмотрел идеологические воззрения представителей различных группировок правящего лагеря [4].

Несмотря на это, исследование истории «санации» в 1935—1937 гг. нельзя считать законченным. Остается пока неизученной проблема подготовки к созданию массовой политической организации «санации».

После роспуска ББВР в октябре 1935 г. В. Славек намеревался создать так называемую Всеобщую организацию общества (ПОС): граждане в гминах, повятах и воеводствах должны выдвинуть лучших своих представителей (лучших с точки зрения группы «полковников») и на основе нового избирательного закона от 8 июля 1935 г. избрать их в сейм и сенат. Проект воскрешения ББВР вызвал острую критику в рядах самой «санации» [1, с. 604]. После ухода Славика с политической арены усиливается соперничество между группами генерального инспектора армии Э. Рыдз-

Смиглого и президента И. Мосьцицкого. Начало новому этапу борьбы между ними за власть положило выступление 20 февраля 1936 г. в сейме министра обороны ген. Каспицкого; он, в частности, заявил: «Воля маршала (Пилсудского. — А. Б.) поставила во главе наших рядов генерала Рыдз-Смиглого, вокруг которого концентрируется наша деятельность, наша упорная работа над повышением боеспособности польской армии. Мы с радостью отмечаем внутреннюю консолидацию, необходимую для того, чтобы в случае опасности Польша представляла собой единый монолит...» [2, s. 80]. Сторонники Рыдз-Смиглого стремились представить нового генерального инспектора вооруженных сил как продолжателя дела Пилсудского по консолидации польского общества вокруг правительства, и главную ставку делали на армию. «Самым ценным для нас является солдат, как необходимый для существования государства элемент, и необходимый не только для защиты, но и для поддержания самой идеи государства... Необходимо, чтобы каждый польский ребенок с первых лет жизни полюбил армию». Так говорил Рыдз-Смиглы, выступая на съезде легионеров в Кракове в августе 1935 г. [5, s. 242]. В ст. 3 конституции 1935 г. армия была названа одной из пяти руководящих сил государства (наряду с правительством, законодательными органами, судебными властями и органами государственного контроля); она находилась в непосредственном ведении президента и генерального инспектора вооруженных сил. Компетенция Парламента в военных вопросах ограничивалась правом определения ежегодного контингента призывников. Офицеры могли быть депутатами законодательных органов [6, s. 57].

Руководство армии с тревогой наблюдало за развитием событий в правящем лагере. 1—2 VII 1936 г. в министерстве обороны состоялось совещание начальников округов, посвященное политическому положению в стране. Командующий варшавским военным округом ген. Трояновский отметил, что после самороспуска ББВР возник «политический вакуум», опасный для государства. Ген. Токажевский-Карашевич, командующий восточногалицийским военным округом, следующим образом оценил создавшуюся ситуацию: «1) налицо идейный кризис правящего лагеря, ослабление доверия к руководству и веры в собственные силы; 2) активизировалась и радикализировалась деятельность легальной оппозиции» [6, s. 25—26].

Одновременно с группой Рыдз-Смиглого оформляется «замковая группа» — сторонники Мосьцицкого. Название свое она получила от варшавского [Замка — резиденция президента республики. Ядром «замковой группы» стала «Направа», считавшая, что успех «санации» может обеспечить ее союз с рабочими, воспринявшими государственную идею пилсудчиков [7].

Опасаясь роста влияния Рыдз-Смиглого, президент на первых порах (до лета 1936 г.) стремился подчеркнуть неконституционность некоторых его политических действий, в частности, вмешательство в деятельность правительства и нарушение прерогатив президента. Выступая в начале июня 1936 г. на заседании совета министров, президент заявил, что министры правительства обязаны строго придерживаться новой конституции. «Премьер и министры, — сказал Мосьцицкий, — должны помнить о своих правах и обязанностях, определенных конституцией, помнить о своей политической ответственности перед президентом» [1, s. 596]. И все же стороны не решились вступить в открытый конфликт. Создание 15 мая 1936 г. правительства ген. Ф. Славоя-Складковского явилось результатом нового компромисса между группами Рыдз-Смиглого и Мосьцицкого.

Формирование нового правительства, которое стало последним правительством буржуазной Польши, проходило не совсем обычно. В своих

воспоминаниях Славой-Складковский пишет, что он был неожиданно вызван к ген. Рыдз-Смиглому, который как старший по званию приказал ему сформировать правительство и сообщил состав кабинета. Рыдз-Смиглы добавил, что все назначения предварительно согласованы с президентом.

Группа Рыдз-Смиглого контролировала основные во II Республике министерства обороны и внутренних дел. Еще одно событие, происшедшее за шесть дней до формирования правительства, свидетельствовало об усилении позиции этой группы: 9 мая 1936 г. на основании декрета президента был создан Комитет обороны Республики под председательством президента и вице-председательством генерального инспектора вооруженных сил. Вице-председатель Комитета осуществлял руководство всеми военными приготовлениями государства. 24 мая 1936 г., выступая на XIII Общепольском съезде легионеров и членов Польской военной организации (ПОВ), Рыдз-Смиглы призвал все польское общество объединиться под лозунгом «защиты государства». «Я убежден,— сказал он далее,— что реализация этой программы разрешит все наши проблемы: экономические и моральные» [5, s. 259]. Рыдз-Смиглы объявил о создании новой организации пилсудчиков «Лагерь национального объединения» (ОЗН). Новая организация должна была не только обеспечить массовую социальную базу режима, но и укрепить позицию группы Рыдз-Смиглого в «санационном» лагере.

15 июля 1936 г. «замковая группа» была вынуждена пойти на новую уступку. Было заявлено, что «все государственные деятели во главе с премьером правительства должны были оказывать ему (Рыдз-Смиглому. — А. В.) уважение и подчинение» [1, s. 579]. Это противоречило как букве апрельской конституции 1935 г., так и содержанию июньской речи главы государства в совете министров. 11 ноября 1936 г. президент вручил Рыдз-Смиглому маршальскую булаву. Группа Рыдз-Смиглого становится ведущей в элите «санационной» власти; «замковая группа», хотя и не отказывается от борьбы, в дальнейшем отходит на задний план.

С этого времени начинается период активной подготовки к созданию ОЗН и выработки внутривластной программы «санации». Как и в ББВР, в основу концепции новой организации была положена традиционная пилсудчиковская идея об объединении общества и государства (при неизменном сохранении частной собственности); но, соответственно, модернизированная применительно к новым условиям (объединение во имя защиты государства).

Оценивая усилия руководства «санации», А. Мицевский отмечал: «Необходимо было наполнить содержанием старые лозунги солидаризма и национализма» [4, s. 339]. Я. Хоппе, деятель корпоративистской группы «Ютропрацы» («Завтрашний день труда»), в конце своей политической карьеры выступивший с резкой критикой руководства «санации», писал: «Перед преданием гласности программной декларации ОЗН вся проправительственная пресса начала рекламировать идею объединения нации» [8]. В конце 1936 г. появляется печатный орган «пилсудчиков-государственников» — «Зачин». В первом номере еженедельника, посвященном ОЗН, говорилось: «В Польше должна быть создана организация, которая явится школой воспитания государственных деятелей, центром государственной мысли, она должна противостоять попыткам использовать государственный аппарат как в интересах общественных групп, так и в интересах отдельных личностей». В статье подчеркивалось, что носителем государственной идеи является армия и ее вождь — преемник Пилсудского: «В армии осталась идея, осталась преемственность. Вождь был, Вождь есть, Вождь приказывает и руководит» [9]. Новая организация представляется автору статьи (все материалы в «Зачине» анонимны) как много-

целевая: центр воспитания государственных деятелей; орган, контролирующий государственный аппарат. Иной образ будущего ОЗН предложен Б. Медзильским в статье «Организация государства и организация нации»: «Мы создали организационный статут государства, который предоставляет ответственным за управление людям возможность действовать в соответствии со своим опытом и волей», т. е. воспитание государственных деятелей — задача государства, у ОЗН задачи совсем другие. По мнению Медзильского: «Рядом с государственной организацией должна встать организация польской нации» [10]. Итак, это будет организация широких масс, проникнутых государственной идеей и поэтому лояльных по отношению к «санации».

Другой пилсудчик — З. Сталь, в начале 30-х годов перешедший в ряды «санации» из профашистской эндецкой группировки «Лагерь Великой Польши», трактует ОЗН как «организацию общественности». Сталь видит в нем и апрельской конституции основные элементы польского государственного строя [11, с. 101]. Он отмечает: «Централистская структура современного государства является не только формой, но вместе с тем, внутренней потребностью масс, уставших от анархии и интуитивно стремящихся к порядку, авторитету и ясным жизненным лозунгам» [11, с. 106]. По мысли Сталя, «анархии понятий», которые характерны для «узкоклассовых» партий и организаций, ОЗН противопоставит такие идейные «ценности», как централизм, порядок, прагматизм (ясные жизненные лозунги), авторитет — словом все то, что итальянские фашисты выразили в лозунге «иерархия и порядок». Объединение народных масс и «санации» необходимо, считает Сталь, так как этого требует ситуация, в которой оказалась Польша: «Нынешняя напряженность в отношениях между нациями и натиск взаимной империалистической экспансии не позволяют предаваться сомнениям и заниматься внутренними спорами. Надо все подчинить делу создания сильного государства, надо уметь преодолеть сопротивление тех сил, которые после смерти Пилсудского пытаются уничтожить основы государства» [11, с. 20]. Сталь, спекулируя на патриотических чувствах поляков, призывает создать фашистскую по сути политическую партию. Автор, впрочем, этого и не скрывает: «Фашизм, или гитлеризм шли от перестройки общества к перестройке государства, в Польше же необходимо от готовой конституционной структуры перейти к преобразованию общества» [11, с. 103].

С восхвалением фашизма и угрозами в адрес левых сил выступает и «Зачин»: «Мы не стремимся сравнивать программу ОЗН с фашизмом, однако необходимо отметить, что ОЗН выступает за глубокие социально-экономические реформы, а это представляет опасность для левых партий. После реализации своих программных положений ОЗН сможет уничтожить левое движение...» [12].

Новая организация, по мнению деятелей «санации», должна стать массовой. Но вопрос о ее взаимоотношении с государством (государственным аппаратом) в этот период, как и в последующий, не был разрешен до конца. В этой связи необходимо упомянуть о статье «Что такое демократия», опубликованной в одном из июльских номеров «Зачина» за 1937 г. «Опора на массы?» — спрашивает автор статьи, и отвечает: «Несомненно! Без такой опоры всякая власть является фикцией. Но вопрос заключается в том, какой характер должна иметь эта опора. Известно только одно — до демократии нужно дорасти» [13]. По мнению автора статьи, Польша до западной демократии еще не доросла.

Ровно через год появляется статья «Массовое движение и современное государство», посвященная вопросу о взаимоотношении государства и общества: «Необходимо особо подчеркнуть, что Польша не намерена совер-

шенствовать структуру государства и укреплять его связи с обществом при посредстве массовых движений снизу... Нужно идти иным путем: провести революцию сверху и изнутри, с помощью значительных государственных мероприятий и реформ связать с государством граждан, находящихся на всех ступенях общественной лестницы» [14]. Концепция обеих статей идентична: государство не должно допускать активности масс. Но какова же в таком случае роль массовой политической организации? Этот вопрос оставался без ответа в 1938 г. после более чем года существования ОЗН так же, как и в 1936 г.

Идея массовой политической организации, руководствующейся в своих действиях пилсудчиковской идеологией, становится одним из элементов внутривластной концепции правящей группы «санации», причем она находит своих сторонников не только среди лиц, окружающих маршала Рыдз-Смиглого. Первенство в этом смысле принадлежит «замковой группе». Вопрос о создании массовой политической организации был ею поднят еще в начале 1936 г. В это время газета «Народ и панство» писала: «Необходимо стремиться к созданию политического лагеря, который на основе единой политической и социально-экономической программы оформил бы широкое объединение всех слоев общества» [15]. В это политическое объединение должны были войти лица, признающие следующие принципы: 1) примат интересов нации и государства над частными интересами личностей и групп; 2) примат интересов защиты государства над другими общественными интересами; 3) справедливое распределение национального дохода; 4) подчинение существующей конституции; 5) независимость внешней политики Польши и стремление к укреплению ее международных позиций [15].

По своей сути программа эта мало чем отличалась от традиционных программ пилсудчиковского движения; принципы ее очень сходны с принципами, выдвинутыми в «Зачине» или Б. Медзильским. Объективно прогрессивное значение имеют положения о справедливом распределении национального дохода и об укреплении международного положения Польши, но они не конкретизированы.

Документы ОЗН, хранящиеся в варшавском Архиве новых актов, позволяют судить о практической подготовке к созданию Лагеря национального объединения. В материалах ОЗН сохранился так называемый «Предварительный список членов Большого Национального Совета». По мысли организаторов Совет должен был стать руководящим органом политической организации. В дальнейшем это название, слишком напоминающее название верховного органа итальянской фашистской партии — «Большой фашистский совет», было заменено на другое — «Высший совет ОЗН». В предварительный список вошли следующие политические и общественные деятели: полковник А. Коц — руководитель ОЗН, председатель Совета; Пилсудская А. (жена Ю. Пилсудского); бывший премьер-министр полковник В. Славек; маршал сената А. Пристор; маршал сейма С. Цар; вице-маршал сената В. Маковский; вице-маршал сейма полковник Б. Медзильский; полковник Т. Шётцель; бывший премьер К. Бартель; бывший премьер В. Грабский; бывший премьер А. Паниковский; бывший премьер Л. Скульский; бывший премьер И. Падеревский [16].

Анализ этого документа позволяет прийти к определенным выводам относительно характера как высшего органа, так и самой организации в целом (мы имеем в виду, разумеется, не реальный ОЗН, существовавший после 21 февраля 1937 г., а планируемый, идеальный). В руководство организации, которая, по мысли ее создателей, должна была стать основой «санационного» режима, предполагалось ввести бывшего руководителя ПОВ, а в то время директора Банка Польского А. Коца, единственное

достоинство которого как политика заключалось в том, что он не запятнал себя участием в политических аферах предшествующего периода. В Совет, кроме того, включались отошедший от активной политической деятельности премьер-министр первого «санационного» кабинета К. Бартель, представители буржуазного оппозиционного «центра» В. Грабский и И. Падеревский, отстраненный от власти В. Славек и активный сторонник Рыдз-Смиглого Б. Медзиньский. Такой состав Совета должен был демонстрировать единство «санации» и общества. По-видимому, предполагалось участие в будущей организации политических и общественных объединений, представляемых этими лицами. С самого начала ОЗН планировался как монопартия, которая должна была руководить всеми сторонами политической и общественной жизни II Республики.

В проекте программы Лагеря национального созидания (ЛНС) (одно из предполагаемых названий ОЗН) содержались теоретические положения, которые группа Рыдз-Смиглого развивала во второй половине 1936 — начале 1937 г. «Историческая миссия польского народа, — говорилось в этом документе, — внутривполитическая ситуация, расстановка сил на международной арене, а также геополитическое положение между гитлеровской Германией и коммунистической Россией, вызывают необходимость великого процесса консолидации поляков под лозунгом национальной обороны, культа армии и ее вождя. Реализация целей ЛНС будет осуществляться следующим образом: а) путем укрепления связей между гражданами общества, с одной стороны, и государством и армией — с другой; б) путем объединения, гармонизации и оживления национальным духом творческого усилия польского народа; в) при помощи усиления, углубления и интенсификации всякой органической работы; г) путем борьбы за улучшение жизни людей труда, борьбы за моральную чистоту общественной жизни, борьбы с социальным и экономическим паразитированием» [17].

В проекте декларации есть свидетельства попыток руководства «санации» обратиться к социальным вопросам. Побуждали его к этому продолжавшийся в стране экономический кризис и борьба трудящихся за свои политические и экономические права. По данным А. Мицевского в 1936 г. в Польше бастовало около 675 тыс. лиц наемного труда [18]. Большое распространение получили так называемые «польские забастовки», в ходе которых рабочие занимали свое предприятие и не допускали на его территорию представителей властей и администрации.

В июне 1936 г. в селе Новосельцы состоялась крестьянская манифестация, которая многими политическими наблюдателями того времени была расценена как проявление недовольства антидемократической внутренней политикой «санации» со стороны многомиллионной массы крестьянства. Официальное собрание в Новосельцах было посвящено памяти крестьянина Михаила Пыжа, спасшего в XVII в. родную деревню от татарского набега. В Новосельцы был приглашен Рыдз-Смиглы. Даже Побуг-Малиновский, расценивший манифестацию в Новосельцах как «проявление духовного единства крестьянства и армии», был вынужден признать, что некоторые ее участники выступили с критикой проводимой правительством политики [1, с. 605]. На митинге, состоявшемся после отъезда Рыдз-Смиглого, была принята резолюция, в которой, в частности, содержались требования разработки новой, демократической, конституции, изменения избирательного закона, ликвидации «санационного» режима и передачи власти правительству, пользующемуся доверием народа. События в Новосельцах, впрочем, ничему или почти ничему не научили Рыдза. Как сообщает Побуг-Малиновский, в декабре 1936 г. Б. Медзиньским был написан первоначальный проект декларации ОЗН. Рыдз-Смиглы отверг этот

проект и разработал свой собственный. Побуг-Малиновский отмечает консервативный характер данного документа: «Об аграрной реформе не было даже упоминания. Не вызвало сомнения то, что опубликование такой декларации ликвидировало бы всякую возможность договориться с лудовцами» [1, с. 609].

Декларация ОЗН от 21 II 1937 г. неоднократно привлекала внимание историков. Особенно подробный ее анализ дан в работах Т. Ендрущака и Е. Хольцера. Отметив такие идейно-политические положения ОЗН, как национализм, критика буржуазного парламентаризма, признание особых прав католической церкви в Польше, Т. Ендрущак приходит к выводу, что «санация», объединенная в рамках ОЗН, эволюционировала вправо [2, с. 115]. Е. Хольцер считает, что в декларации проявилась попытка соеденения «государственной» идеологии «санации» и «национальной» идеологии националистических группировок [3, с. 321]. Как нам кажется, анализ программы ОЗН не позволяет сделать таких далеко идущих выводов. Декларация от 21 II являлась своеобразной программой объединения «санации» и оппозиционных группировок различной политической ориентации и поддерживавших их классов и социальных групп. Поэтому ее авторы намеренно включали программные положения отдельных партий и группировок в декларацию ОЗН. Статус новой организации вовсе не противоречил этому. По мысли учредителей, ОЗН должен был стать массовой общественной организацией под контролем «санации», но не партий движения со строго определенным уставом и программой. Такие действия для достижения своих целей пилсудчики предпринимали и ранее. Польский исследователь Л. Хайн, например, указывает на то, что еще задолго до смерти Пилсудского его сторонники часто действовали в рядах других партий, активно используя их лозунги [19]. Таким образом, при анализе декларации ОЗН необходимо отделить положения, действительно отражающие идеологическую эволюцию «санации», от положений, внесенных в программу в целях политической рекламы новой организации.

19 II 1937 г. в офицозе «санации» «Газете Польской» появилось сообщение о завершении разработки программного документа ОЗН. 27 II 1937 г. вечером варшавская радиостанция передала его полный текст; он был также опубликован во всех польских ежедневных газетах и разошелся по стране в виде сотен тысяч листовок.

Чем же объясняется тот факт, что с момента формального провозглашения создания ОЗН до момента опубликования его декларации и начала организационного оформления прошло около восьми месяцев? Это время было использовано для подготовки политической базы новой организации. Однако основной причиной отсрочки являлась борьба за власть в руководстве «санации». Победителем в ней стала группа маршала Рыдз-Смиглого; ОЗН должен был еще больше закрепить ее влияние.

В декларации говорилось, что «современная Польша является делом рук Пилсудского...» [20, с. 308] и указывалось на преемственность старой «санации» Пилсудского и новой Рыдз-Смиглого. Одновременно все заслуги в борьбе за создание польского государства приписывались исключительно Пилсудскому. Основой всей жизни Польши декларация называет апрельскую 1935 г. конституцию. Вторым основополагающим элементом общественной структуры является армия — «образец дисциплины и гражданского долга» [20, с. 310]. В декларации особо подчеркивалась необходимость консолидации во имя защиты государства.

Вопрос о государстве всегда занимал ведущее место в политических концепциях пилсудчиков. Выступая перед представителями фракций сейма 29 мая 1926 г. Ю. Пилсудский следующим образом определил причины произведенного им 12—13 мая государственного переворота: «Инте-

рессы партий господствовали над всеми остальными интересами. Причины появления множества партий были непонятны гражданам. Все это угрожало каждому, кто представлял интересы государства» [21]. Таким образом, цель пилсудчиковской «революции» — избавление государства от влияния партий, классов и социальных групп. И в декларации ОЗН утверждалось, что «государство является единственно правильной формой существования нации, дает ей технику власти и организацию ее вечного развития» [20, с. 310].

Сравним данное положение с программным тезисом итальянской фашистской партии 1921 г.: «...индивиду и группы (категории, классы) должны подчинять свои интересы высшим интересам национального организма» [22, с. 111]. Для пилсудчиков, как и для итальянских фашистов, государство — орудие исполнения национальной воли, это надклассовый и внеисторический орган.

В декларации ОЗН подчеркивалось право государства на проведение активной экономической политики, его право на верховный арбитраж в конфликтах между трудом и капиталом: «Государство регулирует отношения, возникающие между работодателями и трудящимися...». Объектом этого права становится все население: «Государство является той силой, которая должна контролировать отношения между отдельными группами населения» [20, с. 311]. Для сравнения: Муссолини в свое время говорил о том, что Италия будет страной процветающей, «...если государство будет арбитром политических и социальных споров, если все будет в государстве и ничего вне государства...» [22, с. 112].

В сферу интересов «надклассового» государства входит и идеологическая обработка населения. В декларации ОЗН от 21 II по этому поводу указывалось: «Наука и культура должны обогащать гений нации» [20, с. 314]. Теоретик же итальянского фашизма Ф. Эрколе писал по этому поводу в 1939 г.: «Существенной предпосылкой тоталитарной организации государства должно быть единство политической веры всех индивидов, как бы то ни было включенных в сферу его суверенитета» [22, с. 208]. Идеальное государство «санации» — тоталитарное. На взгляды пилсудчиков в этом отношении большое влияние оказала идеология итальянского фашизма.

Декларация ОЗН не содержала никаких конкретных предложений по улучшению жизни трудящихся города. Городской пролетариат находился под влиянием классовых партий и организаций (КПП, ППС, классовые профсоюзы) и слабо реагировал на призывы к консолидации вокруг Рыдз-Смиглого. Несколько ббльшие надежды «санация» питала в отношении крестьянства, в начале 1937 г. она еще рассчитывала на соглашение с крупнейшей крестьянской партией — Стронництво людове. В области сельского хозяйства предполагалось провести мелиорацию земель, ликвидацию чересполосицы, повышение культуры земледелия, ограничение раздробления земельных владений. Такие преобразования, несомненно, действовали бы повышению рентабельности помещичьих и кулацких хозяйств, но вряд ли способствовали бы улучшению положения мелких и средних земельных собственников, требовавших проведения демократической аграрной реформы. Новым для «санации» было заявление об особой роли католической церкви: «Польский народ в большинстве своем исповедует католичество, поэтому католическая церковь должна быть окружена надежной заботой» [20, с. 309]. При Пилсудском католицизм подвергался критике [23], может быть потому, что пилсудчики видели в нем конкурента в борьбе за консолидацию. Польский исследователь Я. Майхровский считает обращение к проблеме католицизма в Польше следствием попыток «санации» установить контакт с буржуазной оппо-

зицией [24]. Нам кажется, что в данном случае речь шла о стремлении привлечь не только консерваторов из оппозиции, но и массы польского населения, исповедовавшие католицизм, для создания широкой социальной базы режима.

Национальный вопрос был одним из важнейших во внутренней жизни Польши. Национальные меньшинства составляли свыше 30% населения страны, ввиду этого в декларации он просто не мог быть обойден. В программе ОЗН отмечалось, что некогда Речь Посполитая уже объединяла поляков с другими народами. Ссылка на шляхетскую Речь Посполитую — государство, где постоянно нарушались политические, экономические и религиозные права непольских народов, вряд ли могла бы ободрить даже самых лояльных представителей национальных меньшинств. Право на национальную обособленность (возможная степень и форма обособления не разъяснялись) признавалось при условии, что она не идет в разрез с интересами государства. Таким образом национальная обособленность признавалась за непольскими нациями лишь в том случае, если они согласятся с господствующим положением «государственно мыслящих» поляков-пилсудчиков. Осуждая особенно резкие проявления антисемитизма, характерные для крайне правых буржуазных партий и организаций (Стронництво народове, ОНР — «Фаланга»), авторы декларации добавляли: «В то же время, вполне понятно стремление польского общества к защите своей культуры и экономики» [20, с. 314]. Не провозглашая откровенно националистических лозунгов, руководители «санационного» государства, фактически солидаризировались с теми, кто проповедовал великопольский повинизм, что, безусловно, не способствовало решению национального вопроса в Польше.

В декларации особенно резко проявлялся антикоммунизм «санации»: «Цели и методы коммунизма чужды польскому духу... Цель эта (консолидация общества.— А. Б.) будет достигнута не путем уничтожения того, что уже есть позитивного, не революционными методами, но путем совершенствования существующих и создания новых ценностей; без потрясений и насилия, всегда приводящих государство в тяжелое состояние» [20, с. 310]. Здесь причудливо сочетался ярый антикоммунизм с традиционным либерально-буржуазным реформизмом. Вступая в полемику с коммунистами, пилсудчики тем самым признавали большое распространение коммунистических идей среди широких масс польских трудящихся.

Декларация ОЗН от 21 II 1937 г. венчала собой период подготовки к образованию массовой «санационной» организации. По мысли ее создателей, она должна была открыть новый этап взаимоотношения «санации» и общества. Однако сама декларация не содержит никаких указаний на возможный путь к установлению соглашения правящей группы с широкими слоями населения различной политической ориентации. Наиболее четко в документе выражена идея о том, что «санация» не намерена делить свою власть с какой-либо другой политической силой. Еще раз подчеркивалась необходимость создания в Польше сильного аппарата власти. Одной из основ политического объединения авторы декларации пытались использовать антикоммунистические настроения, господствовавшие в среде буржуазной оппозиции, а также среди правых социалистов и левых.

Декларация не определяла ни статуса ОЗН в рамках «санации», ни статуса партий и организаций, которые пожелали бы в него войти, ни возможностей решения важных проблем, стоявших перед польским народом: улучшение положения трудящихся города и деревни, устранение национального гнета, демократизация общественной жизни и т. д. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Е. Епдрущака о том, что

«...авторы декларации не смогли разрешить ни одного из основных вопросов своего времени...» [2, s. 111]. Вместе с тем, то или иное отношение к ОЗН представителей различных социальных слоев и классов польского общества должно было отразить и их отношение к правящей группе «санации».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. T. 2, cz. 1. Londyn, 1956.
2. *Jędruszczak T.* Piłsudzczycy bez Piłsudskiego. Warszawa, 1963.
3. *Holzer J.* Mozaika polityczna II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974.
4. *Micewski A.* W cieniu marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1968.
5. *Rydz-Smigły E.* Byście o sile nie zapomnieli. Lwów, 1936.
6. *Stawecki P.* Następcy Komendanta. Warszawa, 1969.
7. *Naród i Państwo*, 1936, 17 V.
8. *Drozdowski M.* Warszawa II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971, s. 193.
9. *Zaczyn*, 1936, 3 XII.
10. *Miedziński B.* Wczoraj, dziś, jutro. Warszawa, 1938, s. 28.
11. *Stahl Z.* Polityka polska po śmierci Piłsudskiego. Warszawa, 1937.
12. *Zaczyn*, 1938, 24 XI.
13. *Zaczyn*, 1937, 24 VI.
14. *Zaczyn*, 1938, 23 VI.
15. *Naród i Państwo*, 1936, 22 II.
16. AAN. OZN, teka 1. Próbną listą pierwszych członków wielkiej Rady Narodowej.
17. AAN. OZN, teka 1. Projekt programu Obozu Pracy Narodowej.
18. *Micewski A.* Z geografii politycznej II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1966, s. 222.
19. Materiały do historii Klubów Demokratycznych i Stronnictwa Demokratycznego w latach 1937—1939. Warszawa, 1964, s. 112.
20. Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. 1919—1939. Warszawa, 1963.
21. *Piłsudski J.* Przemówienia, wywiady, artykuły. Warszawa, 1930, s. 51.
22. *Лоньзов Б. П.* История фашистского режима в Италии. М., 1977.
23. *Skwarczyński A.* Myśli o nowej Polsce. Warszawa, 1934, s. 63—64.
24. *Majchrowski J.* Czynniki jednoczące naród w myśli politycznej Obozu Zjednoczenia Narodowego. Kraków, 1978, s. 95.

ВОРОНКОВ И. А.

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ В ВОССТАНИИ 1830—1831 гг. В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

О восстании 1830—1831 гг. написано много работ. Однако данный вопрос пока недостаточно освещен в историографии.

Как известно, после Венского конгресса польское освободительное движение развертывалось главным образом в границах Королевства Польского. Оно развивалось здесь параллельно с антифеодальным в своей основе русским освободительным движением. Нарастала также освободительная борьба других народов России, в которой социальные противоречия переплетались с национальными.

Ненависть к царизму, стремление к его свержению и к завоеванию свободы сближали польских патриотов с противниками царизма в русском обществе. Первые попытки установления непосредственного сотрудничества между польскими и русскими революционерами относятся к середине 20-х годов XIX в., когда Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество вели в 1824 и 1825 гг. переговоры о заключении союза для совместной борьбы против царизма. Однако их программы полностью не совпадали, что затрудняло связи и ведение переговоров. Декабристы решительно высказывались за независимую республиканско-демократическую Польшу и обещали помощь в достижении этой цели. Они хотели, чтобы в независимой Польше был введен такой же социально-политический строй, который будет установлен в преобразованной России. Только в этом случае, как справедливо заявляли декабристы, между независимой Польшей и демократической Россией установятся дружеские отношения. Польские же представители выдвинули требование восстановления конституционно-монархической Польши в границах 1772 г. на востоке. В решении аграрного вопроса планы декабристов и польских патриотов также не совпадали; декабристы стояли на более радикальных позициях.

Две декабристских организации были многонациональными. Это Общество соединенных славян, выступавшее за создание славянской демократической федерации, и Общество военных друзей в Литовском корпусе. В этих тайных организациях поляки, русские и представители других славянских народов поддерживали постоянные контакты.

Переговоры между Южным обществом декабристов и польским Патриотическим обществом не завершились. Произошло восстание декабристов, а затем разгром декабристских организаций и польских тайных обществ [1, 2]. Однако заложенный в 20-х годах прочный фундамент польско-русских революционных связей не был разрушен. Об этом сви-

детельствуют события восстания 1830—1831 гг. и последующих десятилетий. В восстании участвовали многие члены разгромленного Патриотического общества и других бывших польских тайных организаций, которые хорошо знали о польско-русских связях и переговорах середины 20-х годов. В труднейших условиях периода восстания 1830—1831 гг. польские патриоты пропагандировали идею польско-русских связей и совместной борьбы против царизма, высоко оценивали деятельность декабристов, пламенных борцов за свободу русского и польского народов. Многие польские повстанцы искали возможности взаимодействия с прогрессивными силами России.

В ночь на 29 ноября 1830 г. Общество подхорунжих подняло восстание в Варшаве. Восстание было поддержано широкими массами городского населения. Крайними, отчетливо выраженными политическими лагерями, между которыми в период восстания происходила борьба, были консервативно-аристократический лагерь А. Чарторыского и революционный, демократический лагерь, представленный главным образом Патриотическим обществом (Клубом), созданным 1 декабря 1830 г.

Аристократы не желали развертывания восстания и войны с царизмом, но когда такая война началась, они стремились с помощью западноевропейских правительств и регулярной польской армии добиться независимости Польши или широкой национальной автономии. Проведение каких-либо социально-экономических и политических преобразований не входило в их план. Консерваторы были широко представлены в сейме, правительстве и армии. В их руках на протяжении всего периода восстания фактически находилась власть.

Среднее положение между аристократическим лагерем и Патриотическим обществом занимала так называемая калишская группа, выражавшая интересы главным образом средней либеральной шляхты и интеллигенции. По ряду кардинальных вопросов восстания позиции «калишской» группы и консервативного лагеря мало отличались. Как и консерваторы, она боялась народного движения и значительные надежды возлагала на дипломатическую помощь западноевропейских правительств. Однако от соглашения с царизмом отказывалась и желала энергичного ведения борьбы за независимость. «Калишане» считали возможным перевод крестьян с барщины на оброк. Идеалом государственного строя они считали конституционную монархию. Будучи либералами, «калишане» выступали за свободу печати, против тирании и диктатуры. «Калишская» группа была представлена в сейме, правительстве и армии.

Левизу восстания представляли шляхетские революционеры: Патриотическое общество и разрозненные элементы за пределами Варшавы. Социальный состав левицы был шляхетско-интеллигентский. Члены Патриотического общества и их единомышленники выражали интересы наиболее передовой и революционной части мелкой и средней шляхты, интеллигенции, учащейся молодежи, буржуазии и в известной степени народных масс города и деревни, хотя и не были с ними связаны и практически не руководили их борьбой. Левица не была единой, не имела общего мнения по многим вопросам восстания. В ней было правое крыло (М. Мохнацкий, И. Лелевель, Р. Солтык, В. Зверковский и др.) и левое (Т. Кремповецкий, Я. Чиньский, А. Пулаский и др.). Патриотическое общество не было представлено в армии, только один его член входил в состав Национального правительства и несколько — в шляхетский сейм. Патриотическое общество пропагандировало лозунги буржуазно-демократических свобод. Рассчитывая в войне с царизмом прежде всего на свой народ, оно постоянно подчеркивало освободительный характер войны, ведущейся не с русским народом, а с царизмом «за нашу и вашу

свободу». Левое крыло Общества было настроено республикански. По крестьянскому вопросу Т. Крემповецкий и некоторые другие члены этого крыла высказывались за наделение крестьян землей. Однако большинство членов организации выступало за конституционную монархию и за перевод крестьян на оброк. Влияние шляхетских революционеров на ход восстания за пределами Варшавы было небольшим.

По вопросу о будущих восточных границах Польши и о необходимости распространения восстания на Литву, Белоруссию и Украину между консервативным лагерем, «калишанами» и Патриотическим обществом не было разногласий. Все они стремились поднять восстания в бывших восточных провинциях Речи Посполитой и включить эти земли в состав Польши.

Аристократы, захватившие власть, боялись народного движения и 30 ноября от имени Административного совета опубликовали воззвание, призывавшее народ к порядку, умеренности и спокойствию [3]. Революционные элементы, выразителем настроений которых стало Патриотическое общество, встретили воззвание с негодованием. На многочисленном и бурном заседании Клуба ораторы требовали удаления из Административного совета реакционных деятелей, связанных с царизмом, создания нового правительства, разрыва связей с царствующим домом Романовых и развертывания военных действий, распространения восстания на Литву, Белоруссию и Украину. 2 декабря к зданию Административного совета направилась массовая демонстрация, которая повторила эти требования [4]. В этот день А. Чарторьский от имени Административного совета обратился с воззванием к полякам, в котором призывал их к спокойствию и сообщал, что Совет добивается от царя точного соблюдения конституции 1815 г. и присоединения к Королевству бывших восточных провинций Речи Посполитой, ссылаясь при этом на обещание Александра I [5].

Уличная демонстрация вынудила Административный совет пойти на некоторые уступки. Из состава Совета были выведены самые непопулярные его члены и вместо них кооптированы от Клуба И. Лелевель и М. Мохнацкий. 3 декабря Административный совет объявил о самороспуске. Вместо него по инициативе А. Чарторьского было создано Временное правительство, в которое был введен только один представитель Клуба — его председатель И. Лелевель. Правительство объявило о созыве шляхетского сейма на 18 декабря и предложило Константину и русским войскам покинуть пределы Королевства.

Временное правительство надеялось еще мирно договориться с царем о сохранении конституции 1815 г. и расширении Королевства Польского. Оно приняло ряд мер, чтобы не допустить дальнейшего развертывания революционного движения, но безрезультатно; и тогда главнокомандующий польскими войсками генерал Ю. Хлопицкий, поддержанный аристократией, объявил себя 5 декабря диктатором. Он закрыл Патриотический клуб, вывел Лелевеля из состава правительства и произвел арест революционно настроенных лиц.

Политическая программа Хлопицкого состояла в сохранении конституции 1815 г., расширении Королевства и недопущении войны с царизмом. С целью найти компромисс с царским правительством он посылает в Петербург делегацию представителей аристократии — князя Любецкого и графа Езерского. Однако их миссия потерпела неудачу. Николай I заявил, что с «бунтовщиками» он вести переговоры не будет, и потребовал безусловной покорности поляков.

В это время на страницах «Газеты польской» была опубликована статья, выдержанная в славянофильском духе. В ней говорилось, что поляки восстали не против монарха, а против злоупотреблений, что их

требования — умеренные, скромные и справедливые, и Николай I должен их принять в интересах России, так как война может подорвать мощь Российской империи и тем самым отодвинуть ее от выполнения возложенной на нее задачи — «быть опекуном и естественным союзником всех славян». Добиться этой цели Николай I сможет не силой, а лаской, умеренностью. Хороший пример в этом деле, — продолжает автор статьи, — подал Александр I, пообещавший на заседании сейма ввести представительное правление в России. «Союз славян можно начать с добровольной унии Польши и России», затем к этому союзу «свободных и счастливых братьев» присоединятся и другие славянские народы, — так заканчивает статью автор [6].

18 декабря в Варшаве открылся шляхетский сейм, который утвердил диктатуру Хлопицкого. 20 декабря под натиском патриотических сил сейм принял Манифест, объявлявший восстание национальным. Для оправдания в глазах Европы в Манифесте подробно излагались цели и причины восстания, важнейшими среди которых названы: нарушение Александром I и особенно Николаем I конституции 1815 г., усиление национально-политического гнета в Королевстве Польском и невыполнение обещаний относительно присоединения к Королевству бывших восточных провинций Речи Посполитой.

Унижения и зависимость, — читаем в Манифесте, — заставили польский народ восстать, и он будет сражаться до тех пор, пока не добьется независимости и свобод, «пока не соединится со своими братьями, угнетаемыми петербургским двором; пока не освободит их» от царского ярма и не распространит на них своих свобод и независимости [3, с. 48].

По настоянию левых сил в Манифесте подчеркивалось, что поляки не питают ненависти к русским, «к большому, как и мы, племени славянского рода». Они надеялись, что образование Королевства Польского и провозглашение конституции приведет к установлению конституционных свобод в России, «которые во всем цивилизованном мире стали потребностью как для властвующих, так и для подчиненных» [3, с. 48]. Однако этого не произошло. Стало очевидным, «что в одном государстве абсолютистские и конституционные порядки долго сосуществовать не могут» [3, с. 44].

Хлопицкий отверг Манифест и предложил прервать заседание сейма. Он стремился не допустить расширения восстания. Большинство послы сейма не верило в успех восстания и колебалось. Представители левицы развернули против диктатора активную борьбу. Они призывали сейм немедленно объявить войну царизму, провозгласить подлинную независимость Польши, поднять восстание в Литве, Подолии, на Волыни и Украине. Члены распущенного Патриотического клуба были убеждены в том, что Николай I никогда добровольно не согласится на существование независимой конституционной Польши. Они надеялись, что польское восстание всколыхнет всю Россию и что угнетенный царизмом братский русский народ также добьется свободы [7].

Автор статьи, помещенной в газете «Курьер польски», писал, что поляки восстали не против русских, а против деспотической власти, что они не желали и не желают проливать русскую кровь, а хотят протянуть русским братскую руку, чтобы уничтожить ярмо неволи, под которым они находятся. «Проснитесь, русские, ото сна! — писал далее автор. — Неужели среди вас нет Пестелей, Бестужевых и Муравьевых?» [8]. В воззвании «К полякам и русским» автор призывал русских прекратить войну с поляками, поднявшимися на справедливую борьбу, и направить оружие против угнетателей. Он писал, что войны и распри между славянами ни к чему хорошему не приведут, они только ослабят их и будут способствовать потере независимости [9].

Разброд и колебания в среде шляхетско-аристократического руководства восстанием возросли еще более после того, как в середине января 1831 г. стал известен ответ Николая I. Хлопицкий предлагал капитулировать. Правительство заявило, что принять требование Николая I невозможно. Окончательное решение вопроса было перенесено в сейм. 18 января Хлопицкий, не желавший войны с Россией, отказался от диктатуры и от поста главнокомандующего польскими войсками. 19 января был возрожден Клуб под названием Патриотическое общество.

19 января 1831 г. возобновил работу сейм. Члены Патриотического общества решили оказать давление на послов сейма, чтобы они открыто поддержали восстание против царизма. На своем заседании 24 января Общество приняло петицию к сейму, в которой сеймовые послы призывались «разорвать всякие отношения между польским народом и царским правительством», провозгласить независимость Польши в границах 1772 г. на востоке, лишить Николая I и его наследников польского трона, объявить этот трон вакантным; освободить всех жителей Королевства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины от присяги русскому императору; обеспечить участие представителей Литвы, Белоруссии и Украины в заседаниях общепольского сейма [10].

Отчетливое понимание того, что есть две России — Россия царская и Россия революционная — выразилось в мощной манифестации в память казненных декабристов, состоявшейся в Варшаве 25 января 1831 г. по инициативе Патриотического общества. Первым мысль о панихиде подал член Общества Александр Пулаский. О ней было заранее объявлено в польских газетах. На панихиду были приглашены, кроме поляков, также и русские, находившиеся в Варшаве, в том числе и военнопленные. Панихида превратилась в мощную политическую демонстрацию. Участниками панихиды были студенты Варшавского университета и многие жители Варшавы. Начав с богослужения в православной церкви, манифестанты двинулись к колонне Зыгмунта и остановились у Королевского замка, в котором заседал сейм, потом прошли через Старое Место, а затем, сделав большой круг по варшавским улицам, опять возвратились к университету. По мере продвижения численность манифестантов росла. Впереди колонны демонстранты несли пять гробов, покрытых трауром, на которых белыми буквами были написаны имена казненных декабристов (Рылеев, Бестужев-Рюмин, Пестель, Муравьев-Апостол и Каховский); белое знамя, на котором белыми буквами было написано по-русски и по-польски «За нашу и вашу свободу»; русское знамя. Во время многочисленных остановок произносились речи. Среди выступавших были известные члены Патриотического общества Т. Кремовецкий, А. Пулаский, А. Гуровский. В речах подчеркивалось, что восставшие считают своим врагом царя и его приспешников, а не русский народ, также жаждущий свободы. А. Гуровский чрезвычайно высоко оценил деятельность казненных декабристов в деле борьбы за свободу русского, польского и других народов.

Многолюдная демонстрация в память казненных декабристов произвела сильное впечатление на послов сейма и повлияла на принятие ими решения о детронизации Николая I [11—15]. Предложение о детронизации Николая I и провозглашении независимости Польши было внесено на сейме членом Патриотического общества Р. Солтыком. В его предложении содержались основные положения петиции Общества к сейму, принятой 24 января [16]. Акт детронизации Николая I означал объявление войны царизму. Таким образом, под напором патриотических масс аристократическое руководство восстанием помимо своей воли оказалось втянутым в борьбу за независимость Польши и возглавило эту борьбу, преследуя цель лишить восстание социальных аспектов.

Детронизация сеймом русского царя и выражение народными массами братских чувств к русскому народу, уважения к борцам за его свободу слились 25 января в одно знаменательное событие. И это стало возможным в результате активной деятельности левицы восстания. Заслуга левицы состоит также и в том, что во время манифестации родился лозунг «За нашу и вашу свободу», ставший с тех пор на долгие годы девизом польско-русского революционного союза. Авторы «Очерков революционных связей народов России и Польши» справедливо отмечают, что появление этого лозунга было обусловлено как общей обстановкой в Польше и России, так и конкретным сотрудничеством между польскими и русскими революционерами, которое осуществлялось в середине 20-х годов. С этим лозунгом отдельные повстанцы шли в бой с царскими войсками.

Сейм сохранил за собой высшую власть в государстве и 29 января образовал Национальное правительство во главе с А. Чарторыским. Правительство было коалиционным и зависело от сейма. В него вошли два аристократа, два представителя «калишан» и Лелевель. Главнокомандующим польскими войсками был назначен К. Радзивилл. После отставки Хлопицкого началась интенсивная подготовка к войне с царизмом и к организации восстания в бывших восточных провинциях Речи Посполитой.

Начиная открытую войну с царизмом, польские революционеры опять обращаются с воззваниями к русскому народу. В польской прессе публикуется «Воззвание к русским». «Не против вас, великого народа, мы подняли оружие, — говорилось в нем, — а против основ деспотизма, который душил и нас и вас... сейчас пробил час для вас и других народов стать свободными... Дерево свободы, скрепленное кровью Пестеля, Муравьева, Бестужева, расцветает, солнце свободы восходит». Автор призывает русских объединиться с поляками в совместной борьбе против царизма. Заканчивается воззвание словами: «Да здравствует свобода! Да здравствуют свободные россияне, поляки, французы, бельгийцы и другие народы!» [17].

Руководитель Патриотического общества И. Лелевель подготовил специальный проект сеймовского воззвания к русским, но он так и не был принят сеймом. В нем поляки именуются братьями русских, подчеркивается, что в разделах Польши и в угнетении польского народа повинен царизм, а не русский народ, который также угнетен. Лелевель чрезвычайно высоко оценивает декабристов, «русских героев и мучеников», и их переговоры с Патриотическим обществом. Он отмечает, что декабристы боролись за свободу русского и польского народов, обещали полякам помощь в восстановлении национальной независимости Польши. Лелевель предлагает возвратиться к тем договоренностям, которые были достигнуты во время переговоров Южного общества декабристов с Патриотическим обществом. В конце воззвания он призывает русских подняться вместе с поляками на борьбу с царизмом, так как царское правительство добровольно не откажется от власти и от политики угнетения народов. В этой борьбе И. Лелевель обещает помощь со стороны восставших поляков [3, s. 188—190]. «Восстаньте за наше дело, — писал Лелевель, — и мы, отстаивая свое, поможем Вам... Мы заявляем перед богом и людьми, что ничего не имеем к русскому народу, что никогда не думаем покушаться на его целостность и безопасность, жаждем оставаться с ним в братском согласии и вступить в братский союз» [3, s. 190].

С этими воззваниями перекликается статья одного из руководителей Патриотического общества М. Мохнацкого, в которой он писал, что угнетенные русские являются союзниками польского дела, и выражал уверенность в победе «над угнетателем прав человечества и тираном благо-

даря возмущению и отвращению, которые испытывают к нему свободолюбивые русские» [18].

1 февраля 1831 г. сейм принял решение о создании Волянского и Литовского легионов из шляхты и интеллигенции, прибывших в Варшаву из Литвы, Белоруссии и Украины, чтобы принять участие в восстании. 14 февраля было опубликовано воззвание командира этих легионов подполковника Квятковского к населению упомянутых земель подняться на совместную борьбу против царизма. После же победы, писал Квятковский, поможем русским освободиться от деспотизма, «покажем достойный для истории человечества пример: если сами свободны, то и для других свободу провозглашаем» [19].

Под напором шляхетских эмиссаров, прибывших в Варшаву, и легионы восстания сейм, правительство и главное командование приняли в апреле—мае 1831 г. решение о посылке в литовские, белорусские и украинские земли польских регулярных войск для помощи местным повстанцам. 1 мая 1831 г. главнокомандующий польскими войсками генерал Я. Сквинецкий обратился с воззванием к жителям Литвы, Белоруссии и Украины, в котором призывал их взяться за оружие и вместе с польскими войсками свергнуть ненавистное ярмо неволи и добиться независимости Родины. «Но не против русского народа, — писал он, — мы поднимаем оружие. Этот народ великий, благородный, одного с нами племени», он также угнетен и заслуживает лучшей доли; «не с ним мы ведем борьбу, а с царским деспотизмом, который угнетал и нас и их» [20].

Польские повстанческие власти пытались вести и массовую агитацию против царизма, забрасывая в западные районы Российской империи воззвания, в которых звучал призыв к солдатам и населению восстать и бороться за такую свободу, за которую боролись поляки. Обычно они начинались словами: «Мужественные сыны России!» Одно из воззваний, написанных польскими революционерами, шло якобы от опального русского генерала Ермолова. Автор воззвания призывает русских солдат и население осмотреться, поднять голову и убедиться, что они живут в неволе и под властью деспотизма. «Поднимитесь против деспотизма, — продолжает автор, — чтобы дальше не быть чужими на своей земле. Добивайтесь конституции и такой же свободы, какой добились англичане, французы и наши православные братья греки... Не бойтесь нарушить присягу, так как царь давно нарушил ее» [21, 22].

Восстание в Польше и воззвания польских революционеров к русским нашли отклик и сочувствие в среде передовых представителей русского общества. На восстание откликнулись сосланные декабристы, которые не забыли своих польских друзей, молодые А. Герцен и В. Белинский, студенческая молодежь. «Университетская молодежь (по крайней мере в Москве) была за Польшу», — свидетельствовал впоследствии Герцен. О себе же он писал: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков, а я тотчас прибавил в свой Иконостас портрет Фаддея Костюшки» [23, т. XVII, с. 94; т. VIII, с. 134]. Около 200 солдат и офицеров русской армии перешло на сторону повстанцев [24].

Однако консервативная и националистическая программа аристократического руководства восстанием не встретила широкой поддержки со стороны коренного населения восточных провинций бывшей Речи Посполитой. Малопривлекательной она была и для русских солдат [25, 26]. Левица же восстания, которая провозгласила 25 января 1831 г. лозунг «За нашу и вашу свободу», была малочисленной и неоднородной, и потому не смогла оказать существенного влияния на характер восстания. Однако ее заслуги в деле укрепления польско-русских связей в период восстания и кровопролитной войны несомненны.

После поражения Ноябрьского восстания польская демократическая эмиграция неоднократно высказывалась за союз с прогрессивными силами русского и других народов. И. Лелевель был изгнан в 1833 г. из Франции по требованию царского посла, так как составил в 1832 г. «Воззвание к русским», начинавшееся словами «Братья русские», в котором напоминал о польско-русских связях и призывал русский народ к совместной борьбе с паризмом. Лелевель писал: «Народы, стремящиеся к свободе, находятся между собой в союзе. Если вы заботитесь о своей свободе, то такой союз существует между вами и нами. Это обнаружилось семь лет тому назад, когда из польских и русских сердец, объединенных общей целью, возникла на берегах Невы великая идея федерации славянских народов. Тогда обнаружился союз между русской и польской нациями.

Польский народ, восставая в 1830 году против ярма и неволи, был убежден в том, что этот союз продолжает существовать, и в ходе своей борьбы не переставал давать явные доказательства этого своего убеждения.

Ведя упорную борьбу, мы ставили своей целью также и ваше освобождение, и наш воин-гражданин, отражая удары поработителя и деспота, шел под лозунгом: „За нашу и вашу свободу“, показывая тем самым, что он не перестает быть вашим другом.

В моменты жестокого боя мы обращали свои мысли к свидетельствам ваших благородных чувств». 25 января «народ Варшавы и Польши в торжественной процессии почтил память ваших мучеников свободы, ибо имена Пестеля, Муравьева, Бестужева, Рылеева и многих других жертв жестокой мести, вечно памятные русским, дороги и сердцу поляка». Заканчивалось воззвание словами: «Великая идея федерации славянских народов, провозглашенная на берегах Невы, может быть воплощена в жизнь только посредством их возрождения. Долой ярмо чужеземцев! Долой деспотизм! Русские, положите начало этому благородному делу, воздвигните алтарь свободы вместо столь долго почитавшегося идола и призовите к общему делу братские народы, ибо все они одинаково жаждут этого» [27, с. 217—223].

В 1848 г. в годовщину казни польского революционера Шимона Конарского, боровшегося за дружбу с русским народом, польские эмигранты в Бельгии вспомнили и других польских патриотов, а также казненных и замученных декабристов. На траурном митинге выступил Лелевель. Он сказал: «Тени Пестеля, Завиши, Воловича, Бестужева, Лукасинского (если он уже среди них) и многих других мучеников свободы двух наций, доселе враждовавших между собой, объединились: их идея парит над огромным пространством, где живут славянские народы... Разве не одна и та же веревка удушила одних и других? Не в тех же ли самых муках простились они с жизнью в борьбе за свободу и равенство? Поляки и русские встречаются с обритыми головами, с оковами на ногах в рудниках Нерчинска, они обнимают друг друга среди льдов Сибири, далеко от берегов Сожа и Днепра, ...далеко от Вислы и Волги. Но их взаимная любовь, обнаруживающаяся под тяжестью общих несчастий, является доказательством братских чувств, наполняющих польские и русские сердца и подготовляющих гибель деспотизма» [27, с. 226].

Новую страницу в истории русско-польских революционных связей открыла деятельность русских революционных демократов в 40—60-х годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольшанский П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
2. *Baumgarten L.* Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.
3. Wybór źródeł do powstania Listopadowego. Wrocław, 1957.
4. *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795—1918. Warszawa, 1969, s. 100.
5. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. Военно-ученого архива, д. 5062—5063, л. 385.
6. Gazeta Polska, 1830, 17 XII.
7. Nowa Polska, 1831, 6 I.
8. Kurier Polski, 1831, 3 I.
9. Gazeta Polska, 1831, 17 I.
10. Nowa Polska, 1831, 25 I.
11. Nowa Polska, 1831, 21 I, 26 I.
12. Gazeta Warszawska, 1831, 28 I.
13. *Mochnicki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831, t. II. Poznań, 1863, s. 204—206.
14. *Яновский Я. Н.* Автобиографические заметки (1803—1854).— В кн.: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. II. М., 1956.
15. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917 гг. М. 1976.
16. Nowa Polska, 1831, 22 I.
17. Merkur, 1831, 30 I.
18. Nowa Polska, 1831, 3 III.
19. Dziennik powszechny krajowy, 1831, 14 II.
20. Dziennik powszechny krajowy, 1831, 29 V.
21. Dziennik powszechny krajowy, 1831, 25 III.
22. *Bortnowski W.* Powstanie listopadowe w oczach rosjan. Warszawa, 1964, s. 152—158.
23. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1954—1964.
24. *Бортников А. Г.* Участь російських солдатів і офіцерів у польському повстанні 1830—1831 рр.— Український історичний журнал, 1962, № 2, с. 78—85.
25. *Воронков И. А.* Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии.— Вест. Моск. ун-та. Серия IX. История. № 2, 1966.
26. *Воронков И. А.* Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношения к русскому правительству, русскому, украинскому, белорусскому, литовскому народам в период восстания 1830—1831 гг.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
27. *Лелевель И.* Воззвание к русским.— В кн.: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. II. М., 1956.

БЕГУНОВ Ю. К.

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

19 февраля 1418 г. на XVI Вселенский собор католической церкви в расположенный в графстве Швабия на берегу Боденского озера город Констанц прибыла большая делегация западно-русской православной церкви во главе с митрополитом киевским болгариним Григорием Цамблаком (1415—1420). В составе делегации из 30 человек было несколько епископов, 9 ученых священников и монахов, а также жители городов южной, юго-западной и западной Руси, входивших тогда в состав Великого княжества Литовского. Григорий Цамблак приехал с важной церковно-политической миссией и имел полномочия не только от великого князя литовского Витовта и от своей митрополии, но и от Константинопольского патриарха [1; 2; 3, с. 190, 208; 4—8].

Рано утром 19 февраля 1418 г. навстречу посольству Цамблака выехал к городским воротам протектор собора император Священной Римской империи Сигизмунд I со своей свитой, а также члены польской и литовской делегации, прибывшие в Констанц ранее, и представители папы Мартина V. Всех поразили необычные и великолепные одежды послов, их длинные бороды и покрытые оспинами лица. Цамблака и его спутников поселили в гостинице Ульриха Имхольца «У солнца», на Верхнем рынке. Вскоре по прибытии в гостиницу Цамблак поручил одному из своих епископов приготовить все для совершения литургии. В большом зале был развернут походный алтарь. Более 300 православных — русских, болгар, сербов, молдаван, влахов и греков, — принимавших участие в работе Констанцкого собора, в том числе два князя — Федор Юрьевич Смоленский и один из не названных по имени князей «Червонной Руси» — собрались на литургии. Подробное описание этого события и даже рисунки, изображающие Григория Цамблака и присутствующих на этом богослужении, мы находим на страницах «Хроники Констанцкого собора», составленной письмоводителем собора и епископским нотариусом Ульрихом Рихенталем¹ [9, 10, 11, 12, 13].

«Хроника Констанцкого собора» Рихенталья особенно интересна и тем, что в ней содержится одно из самых ранних в европейской литературе упоминаний «Червонной Руси». Эта «Хроника» была написана

¹ Рисунки, изображающие Григория Цамблака, находятся в следующих списках «Хроники»: в Пражском — листы IV, 151в — 153а; Олендорфском — IV, 274—277; Карlsruэском — I, 61а; Констанцком — IV, 120в — 122а; Венском — IV, 147в — 149а; в первопечатном издании 1483 г. — V, 69в — 71в. В источниковедческих работах А. Д. Люблинской и О. Л. Вайнштейна «Хроника» Ульриха Рихенталья не упомянута.

между 1420 и 1430 гг. на латинском языке на основе документов, дневниковых записей и воспоминаний одним из деятельных участников и организаторов XVI Вселенского собора. Латинский оригинал «Хроники» до наших дней не сохранился. Известен лишь ее перевод на средне-немецкий язык. Исследователь истории текста «Хроники» по рукописям Р. Каутцш установил две редакции произведения:

1-я редакция: А — Олендорфский кодекс из библиотеки графа Густава из Кёнигсегг, 1438—1450; Р — кодекс из университетской библиотеки в Праге, 1464 г.

2-я редакция: К — кодекс из Росгартенского музея в Констанце, 1460-х годов; кодекс из Венской придворной библиотеки, 1465—1470 гг.; кодекс из бывш. Библиотеки имп. Русского археологического общества в Петербурге, около 1470 г. (ныне — в Библиотеке Академии художеств СССР) [14, S. 443—496].

В научной литературе сообщались сведения всего о девяти списках XV в. этой «Хроники», в том числе об Эттингейм-мюнстерском (в Карлсруэ), Штуттгартском, Винтертурском и Вольфенбюттельском [14, S. 443—496; 15, 16]. Текст «Хроники» по спискам А и К издавался фототипически в 1869—1872, 1881, 1964 гг. в ограниченном числе экземпляров; научное критическое издание по списку А с разночтением по списку К было выполнено М. Р. Буком и вышло в свет в 1882 г.; «Хроника» переиздавалась в 1936, 1962 и 1964 гг. [17, 18, 19, 20].

В 1483 г. «Хроника» Рихенталя была напечатана в Аугсбурге Антоном Зоргом по списку 1467 г. Гебхардта Дахера, который на схеме Р. Каутцша обозначен буквой G [14, S. 448]. Последний список — весьма поздний по тексту, и исследователи предпочитают пользоваться текстом Олендорфского кодекса «Хроники» по критическому изданию М. Р. Бука. Правда, И. Ригель оспорил мнение Р. Каутцша [21]. Он полагал, что Констанцкий кодекс более близок к первоначальному тексту «Хроники», чем Олендорфский кодекс, и что автор «Хроники» допускает немало вымысла: целый ряд подробностей географического и геральдического характера кажется фантастическим и абсурдным [21, S. 43]. В настоящее время нет исследования, в котором источниковедческая ценность «Хроники» была бы основательно проверена по рукописям. Отсутствует и полное критическое издание текста «Хроники» по всем спискам. Это, конечно, затрудняет работу современного исследователя. Однако в части известий, касающихся «Червонной Руси» «Хроника» может быть использована по Олендорфскому кодексу как исторический источник.

«Червонная Русь» определяется здесь как территория, входившая в состав русских земель между «Правой» и «Белой» Русью: «Das Ruschiß land: recht Rußen, got Rußen, wiß Rußen» [20, S. 50—51]. Дважды на страницах «Хроники» упоминается «der hertzog von roten Rüßen» [20, S. 139, 206]. Он, вероятно, изображен в княжеской шапке на одной из миниатюр Олендорфского кодекса в числе присутствовавших 19 февраля 1418 г. на литургии [17, S. 276—277]; приводится и его герб — три красных креста на белом фоне в верхней половине испанского щита и двуглавый желтый орел в нижней половине [17, S. 485; 19, Bl. CXI verso]. Немецкая надпись поясняет, что владелец герба — «Der hertzog von roten Russen» или «Von dem hochgebornen edlen herczogen von roten Reussen». Другой вариант герба находится в первопечатном Аугсбургском издании «Хроники» (1483). Это герб безымянного «короля Голиции»: испанский щит с продольными голубыми полосами на белом фоне, над щитом — корона. В Олендорфском кодексе этого герба нет [19, Bl. CXI verso]. Под ним надпись поясняет: «von dem durchleuchtigen hochfebornen fursten kunig von Galitzia en machtige grosse bottschaft».

Вполне очевидно, что на Констанцском соборе присутствовали князья из «Червонной Руси». В «Хронике» Рихенталя они не были названы поименно. Современник Рихенталя Томас Пришух из Аугсбурга в стихотворной истории Констанцкого собора упоминает кроме князя из «Белой Руси» «mehr ain furst herczog von Ostrog». [22, S. 376].

Как предполагал А. В. Флоровский, это, вероятно, был старший представитель рода Острожских князей, князь Федор Данилович (ум. после 1441 г.) [23]. Потомок Пинских и Туровских князей, участник Грюнвальдской битвы, телохранитель польского короля Ягайло, он был старостой Луцким, а после 1411 г. отнял у поляков Подолею; в южно-русских землях князь Федор Данилович слыл строителем церкви и ревностным покровителем православия [24, 25, 26]. Герб Острожских князей XVI в. хорошо известен. Он выглядит совершенно иначе, чем предполагаемый герб Острожских в «Хронике» Рихенталя: это четверочастный испанский щит с короной: в 1-й и 4-й частях — ездец, т. е. вооруженный рыцарь на коне («погонь»), во 2-й и 3-й частях — особое сочетание на одном рисунке стрелки, звезды и полумесяца [27]. Остается предположить, что либо в XV в. у князей Острожских был другой герб, либо в «Хронике» Рихенталя изображен герб не Острожского, а другого князя из Червонной Руси.

А. В. Флоровский вслед за немецким историком И. Каро считал, что на Констанцском соборе присутствовал друг Острожского князя князь Сигизмунд, сын Дмитрия-Корибута, владельца Новгород-Северской земли [23]. Сигизмунд Корибутович в 1422 г. стал королем Богемии, а погиб в 1435 г. в одной из битв [28, S. 155; 26, 29]. Его герб с надписью «Caributi ducis Russiae Albae» приведен у Г. фон дер Хардта. На фоне щита изображены белые ворота со ступенями, над воротами — голова ангела с крыльями [30, нижний ряд в левом углу]. Г. фон дер Хардт пользовался Венским кодексом хроники Г. Дахера как источника. У Хардта нет многих имен и гербов, которые упоминает У. Рихенталь, зато есть другие и в их числе имя и герб князя Корибута. Однако такого герба нет в «Хронике» Рихенталя. Более известен другой вариант герба Корибутовичей [31]. О неаутентичности герба Корибутов см. [26, s. 661]. Очевидно не Сигизмунда Корибутовича, а князя Федора Смоленского имел в виду Томас Пришух, когда в своей стихотворной истории Констанцкого собора он писал: «von wissen Rußen ain herczog [22, S. 376] ср. [32; 23, с. 299—300].

Не исключено, что этим неизвестным князем из Червонной Руси был Федор Любартович, внук Гедимины, князь Луцкий, а позднее — Владимир-Волынский (ум. 1431 г.) [33, S. 171; 28, S. 202]. В 1413—1431 гг. он жил в замке Коропець в Галицкой земле и был близок к польскому королю Владиславу — Ягайло. Федор Любартович считался старшим князем «Червонной Руси», разделенной с 1387 г. между Польшей и Литвой.

Что же касается князя Павла из «Правой Руси», подчиненного Витовту, то очевидно, что его владения находились на территории Великого княжества Литовского. Ф. Пекосиньский считал, что «rechte Reussen» — это «Белая Русь» и Павел — удельный князь Белоруссии [34, S. 137]. В географическом описании русских земель в «Хронике» говорится: «Das Ruschiss land: recht Rüssen, rot Russen, wiss Rüssen: das land und statt Gross Noffagrott was da cristan ist» [20, S. 50—51]. Перечисление составных частей русской земли следует строго с юга на север. Не означает ли это, что так называемая «Правая Русь» находилась где-то возле «Червонной Руси»? Может быть, это была Волынская земля?

В родовом Синодике Любартовичей один из волынских князей назван именем Павел [33, s. 260—261]. Это внук или правнук князя Дмитрия

Любартовича (ум. в 1449 г.). Маловероятно, чтобы это был тот самый князь Павел, участник Констанцского собора. Личность последнего остается пока не установленной.

Среди епископов западнорусской православной делегации в Констанц вместе с Киевским митрополитом могли приехать подчиненные ему епископы Владимиро-Волынский, Галицко-Луцкий, Перемышльский, Холмский (Харитон Угровецкий), Черниговский (после захвата Галичины Польшей) (1387) православной епископией галицкой некоторое время еще управлял Луцкий епископ; православной холмской епископией управлял епископ, сидевший в г. Угрусске. Некоторые из них представлены на миниатюрах Олендорфского кодекса в числе присутствующих на литургии 19 февраля 1418 г., а один из епископов, возможно, на другом рисунке изображен справа от Цамблака держащим митрополичий посох [17, S. 276—277, 380]. Киевский митрополит Григорий Цамблак и его герб, в виде лигатуры из двух букв «Г» и «Ц» в щите, не раз изображались на миниатюрах Олендорфского кодекса [17, подробнее см. 5, с. 66—71].

Среди гостей Констанцкого собора немецкая хроника упоминает «капитана из Турции» Георгия Гедиголда, старосту подольского («*heer Gergo Gediold capitanius Türcorum*») [20, S. 202; ср. 34, S. 148]. По словам польского исследователя, Ежи Гедигольд упоминается в документах как староста подольский под 1423 г., а как воевода виленский с 1430 г., а в другом месте «Хроники» приводится его герб (медведь) с надписью «*Heer Gergo ex Cerusia aus der Zerfisia*» [17].

Загадочная *Cerusia*, *Cernia*, *Zerfisia* фигурирует на страницах «Хроники» несколько раз как страна, расположенная между Литвой и Турцией [20, S. 202]; названы и представители этой страны: Ян Лашка, Георгий «язычник», Брандо «язычник» [20]. Пекосиньский считал, что *Cerusia*, *Cernia*, *Zerfisia* это искажение от польского *Szerwonia*, т. е. «Червоная Русь» и ассоциируется здесь с Волынью и Подолией [34, S. 151, 155]. Ф. Пекосиньский полагал, что его предположению не противоречат изображенные в «Хронике» гербы выходцев из *Cerusia* с геральдическими крестами, ангелом и солнцем: эти символы так или иначе были связаны с Волынью, с Украиной [34, 150—151].

Из сопоставления списков городов Олендорфского кодекса и Аугсбургского издания «Хроники» удается предположительно восстановить названия следующих украинских городов. Браславль или Брацлав (*Breczla*) на Подолии, Бужск (*Buhur*), Звенигородка (*Clingenberg*), Брынеск (*Brißgi*) на Волыни, Вишня (*Wischna*) Владимир-Волынский (*Fulnegg*), Городло (*Rodla*), Галич (*Dalmatsch*), Дрогобыч (*Trochenbitsch*), Каменец (*Camnitz*), Кременец (*Krimnitz*), Киев (*Kymp*), Красен (*Kroßen*), Луцк (*Lutz*), Львов (*Lamberg*), Перемышль (*Primisil*), Самбор (*Samber*), Санок (*Sanack*), Соколь (*Sogul*), Ярослав (*Jerassla*) [20, S. 209; 19, Bl. CCX II]. На соборе присутствовали также жители других городов, белорусских и русских, в том числе Бреста, Брянска, Великого Новгорода, Витебска, Новогрудка, Полоцка, Смоленска. Известно, что эти города специальных делегаций на Констанцкий собор не посылали, но в составе посольств Яна из Тулишкова, каштеляна Калишского (1415), великого князя Витовта (1417) и митрополита Григория Цамблака (1418) находились жители этих городов. Совершенно ясно, что немецкий хронист старался сообщить то, что ему было лично известно из документов, или то, что ему рассказывали гости собора. Весьма возможно, что киевский митрополит и члены его делегации сами рассказывали Рихенталю о своей стране, подобно тому, как новгородские послы рассказывали немецкому хронисту о новгородской земле и городе Золотой бабы [35].

На основании анализа известий «Хроники» Рихенталю мы пришли

к выводу, что название части украинских земель «Червонной Русью» принадлежит автохтонно юго-западной и западной частям этнографической Украины. «Червонная Русь» — это не только Червенские города и Галичина, но и Волынь, и Подолия, и Львовщина; другие (приднепровские, например) украинские земли фигурируют в «Хронике» под общим названием «Русская земля»; немецкий хронист, однако, различает «Правую Русь», «Белую Русь», «Червонную Русь» и «землю города Великого Новгорода» [20, S. 50—51]. Это не противоречит данным других источников, которые знают о «Червонной Руси» начала XV в.

А. В. Соловьев писал, что Южная Русь называлась в источниках с начала XV в. до конца XVI в. просто «Русь», «Русская земля», иногда «Червонная Русь» [36]. В данном случае в нашем распоряжении оказывается твердо фиксированное свидетельство немецкого письменного источника первой четверти XV в. о названии части Украины «Червонной Русью». Это весьма важный исторический факт, имея в виду, что в 1387 г. Галицкая Русь со Львовом («Червонная Русь» в собственном смысле этого понятия) была захвачена Польшей и вошла в состав Речи Посполитой под названием «Русское воеводство». В конце XIV — XV в. Польша продолжала свою завоевательную политику на востоке, стремясь овладеть Подолией, Волынью и другими украинскими землями.

XV в. был трудным временем для формирующейся украинской народности, так как большая часть территории страны находилась под властью литовских феодалов — великих князей из дома Гедиминовичей, а Галиция и часть Подолии — под властью Польши. Чужеземный гнет мешал свободному культурному и государственному строительству на Украине, а двойной гнет феодалов иссушал душу народа, еще не успевшего полностью оформиться как украинская народность.

После Кривской унии 1385 г. Литва и Польша объединились в одно федеративное государство. В таких условиях древнерусская культура с ее светским и духовным началами был светочем и опорой формирующейся украинской народности. Тогда роль восточнославянского православия как идеологической системы, противостоящей католицизму, была огромной. На Украине в XV—XVI вв. православие представляло собой реальную политическую силу: десятки монастырей и сотни церквей со множеством монахов и священников, с группирующимися вокруг них мирянами во главе с местными князьями. Центральная власть в Вильно не могла с этим не считаться. Вот почему великий князь Витовт вскоре после Грюнвальдской битвы (1410) выступил с программой создания Большой Руси с центром в Вильно, что позволило бы объединить на началах православия и с православным киевским митрополитом во главе всю огромную территорию от Белого до Черного моря, включая Великий Новгород и Псков, Тверь и Москву. Главой этого государства Витовт считал себя. Был найден и глава будущей церкви — болгарин Григорий Цамблак, поставленный собором западнорусских епископов в Новогрудке в киевские митрополиты (1415).

После 15 ноября 1415 г. Цамблак из Новогрудка направился в Киев на митрополию, где пребывал до февраля 1416 г., когда город был разграблен ордой нагайского хана Идигу-Едигея. Весной 1416 г. митрополит Григорий переехал в Вильно, в свою новую резиденцию при церкви богородицы Пречистой (до конца 1417 г.). Какие именно литературные произведения написал митрополит Григорий за время своего короткого пребывания в Киеве, нам неизвестно.

А. И. Яцимирский полагал, что в Киеве Цамблак произнес осенью 1409 г. или зимой 1410 г. только одно похвальное слово митрополиту Киприану [3, с. 468—469]. Однако ничто в тексте этого надгробного слова.

не говорит о Киеве как месте произнесения проповеди. Позднее, с весны 1416 до конца 1417 г., митрополит Григорий написал и произнес на территории Белоруссии и Литвы семь слов, в том числе две похвалы великомученику Димитрию и Евфимию Тырновскому [3].

В то время письменность на древнерусском и среднеболгарском языках в украинских и белорусских землях играла прогрессивную роль: она была хранительницей древних традиций, идущих от Киевской Руси и Болгарии. Григорий Цамблак был ярким представителем той литературы, которая соединяла в себе старое идейное богатство болгарской и восточноправославной культуры с новой формой, с новым способом его выражения, т. е. плетением и извитием словес. К непреходящей сокровищнице Тырновской школы тогда прикоснулись формирующиеся украинская и белорусская народности, способствуя тому, чтобы старое вино забродило в новых мехах. Тогда Григорий Цамблак ставил перед собой иные церковно-политические цели, нежели Витовт и литовская феодальная верхушка. Он добивался восстановления сильной и независимой православной церкви в Восточной Европе и на Балканском полуострове. С грозным князем Витовтом он посмел спорить о вере, настаивая на переходе Витовта в православие и признании им восточного православия (а не католичества) государственной религией (1416). Витовт поставил следующее условие: если митрополит Григорий публично переспорит латинян и докажет преимущество православия над католичеством, великий князь литовский переменил веру. Это и вызвало поездку Григория Цамблака на XVI Вселенский собор в Костанц.

25 февраля 1418 г. Григорий Цамблак был принят папой Мартином V. Чешский богослов Маврикий Рвачка, папский духовник и переводчик посольства, прочитал приветственную латинскую речь от имени Цамблака. В составлении последней, вероятно, принимал участие бывший представитель католической церкви в Киеве доминиканец Андрей Хризверг. Одна из латинских рукописей, содержащих данную речь, имеет заголовок с именем Андрея Хризверга (рп. Гос. Баварской библиотеки в Мюнхене, № 13421, XVI в., л. 166). Потому речь носила открытый униатский характер. В другой речи, обращенной к отцам собора (ее славянский текст сохранился в рукописи второй половины XVI в. бывшей Виленской публичной библиотеки, № 105/199, л. 364—367 об., издан дважды Н. К. Никольским [37]; в 1889 г. Г. Финке издал другую произнесенную 25 II 1418 г. в Констанце латинскую речь Григория Цамблака из Дневника кардинала Филластры по двум ватиканским рукописям середины XV в. [38]), Григорий Цамблак занимал более уклончивую позицию в отношении соединения церквей, говоря, что лишь в результате свободной дискуссии можно будет решить, чья вера лучше, православная или католическая. Папа это предложение не принял и на созыв специального собора о вере не пошел. Может быть, им были выдвинуты встречные предложения, которые оказались неприемлемыми для восточноправославной церкви. Во всяком случае, на заключительных 43—45 сессиях собора в марте — апреле 1418 г. вопрос об унии церквей не был включен в повестку дня: католической церкви, стоявшей на пороге реформации, было пока не до унии. Дипломатические демарши Мануила II, Ягайла и Витовта остались без ответа: могущественные государи Европы, недооценивавшие турецкую опасность, не желали из-за греков и балканских народов ввязываться в войну с еще пока далекими от них восточными завоевателями. Формирующиеся восточнославянские народности (украинцы, белоруссы и русские), жившие на территории Великого княжества Литовского, не желали порывать с культурным наследием Киевской Руси, на основе которого происходил сложный процесс этногенеза. Неудача церковно-политической

миссии Цамблака в 1418 г. вынудила великого князя Витовта отказаться от своих первоначальных планов и усилить ориентацию на католическую церковь и Польшу.

В мае 1418 г. Цамблак возвратился в Вильно, а затем уехал снова в Киев, где умер зимой 1420 г. (от эпидемии моровой язвы). Смерть Цамблака положила конец планам создания независимой православной церкви на территории Великого княжества Литовского. Витовт вынужден был помириться с московским митрополитом Фотием и снова признал его номинальное право на сбор дани с Киевской митрополии. Изменение церковно-политической ориентации великого князя литовского ускорило разделение феодальной верхушки Белоруссии и Украины на противоположные враждующие группировки по религиозному признаку. Под знаменем религиозной борьбы тогда вершились культурно-политические судьбы народов, лелеявших мечту о своем национально-политическом освобождении.

Как только великий князь Витовт умер (1430), в Белоруссии и на Украине поднялось восстание под руководством князя Свидригайло Ольгердовича против засилья польских магнатов и католической реакции. Вновь используется православие как знамя борьбы, появляется и новый претендент на митрополичий стол западнорусской православной церкви (Герасим). К концу 30-х годов католическим кругам удалось снова одержать верх. Позже, на протяжении XV, XVI, XVII вв. белорусский и украинский народы время от времени снова и снова начинают освободительную войну, терпят временные поражения, но в конце концов побеждают.

На заре истории этой борьбы вспоминается славное имя Григория Цамблака, стоявшего на страже интересов восточнославянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Prochaska A.* Dążenia do inii cerkiewnej za Jagielly. — Przegląd powszechny, r. XII, z. 6, s. 329—357; z. 7, s. 42—64. Warszawa, 1897.
2. *Lewicki A.* Sprawa unii kościelnej za Jagielly. — Kwartalnik historyczny, r. XI, z. 1. Lwów, 1897;
3. *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.
4. *Likowski.* Kwestia inii kościoła wschodniego z zachodnim na soborze Konstanckim. — Przegląd kościelny, t. 8, z. 4. Poznań, 1905, s. 510—519; t. 9, z. 1, 1906, s. 7—20.
5. *Бегунов Ю. К.* Гербы на Григорий Цамблак. — Език и литература, София, 1973, № 4, с. 66—71.
6. *Бегунов Ю. К.* Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцского собора» Ульриха Рихенталя. — Советское славяноведение, 1974, № 2, с. 59—65.
7. *Бегунов Ю. К.* Восточно-православная литургия в восприятии немецкого хрониста XV в. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. XLI, Београд, 1976, св. 3—4, с. 212—220.
8. *Бегунов Ю. К.* «Белая Русь» и белорусы в немецкой хронике первой четверти XV в. — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 28. Berlin, 1979.
9. *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
10. *Вайнштейн О. Д.* Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964.
11. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.
12. *Греков И. Б.* Восточная Европа и распад Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
13. *Ражм Б. Я.* Паństwo и Русь в XI—XV вв. М.—Л., 1954.
14. *Kautzsch R.* Die Handschriften von Ulrich Richentals Chronik des Konstanzer Konzils. — Zeitschrift für Geschichte der Oberheins, N. F. Bd. IX, H. I. Karlsruhe, 1894.
15. *Lorenz O.* Deeschlands Geschichtesquellen im Mittelalter seit der Mitte des dreizehnten Jahrhunderts, Bd. I. Berlin, 1886, S. 95—96.
16. *Jacob K.* Quellenkunde der Deutschen Geschichte im Mittelalter (bis zum Mitte des 15 Jahrhunderts), Bd. III. Das Spätmittelalter (bis 1500). 1952.

17. *Ulrich Richental*. Concilium ze Costenz 1414—1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe, Grossherzogtum Baden. Auflage von H. Sevin. Karlsruhe, 1881. 240. Bl. (Olendorfer Kodex).
18. *Ulrich Richental*. Concilium ze Costenz 1414—1418. Photographische Nachbildung des Constanzer Codex von G. Wolff. Stuttgart — Augsburg oder Konstanz?, 1869—1872.
19. *Ulrich Richental*. Das Konzils zu Konstanz. 1414—1418, Bd. I. Faksimile — Ausgabe der Handschriften im Rosgarten Museum zu Konstanz. Mit 105 meist ganzseitigen kolorierten Zeichnungen und 63 Wappentafeln mit über 800 Wappen. Starnberg — Konstanz — Stuttgart, 19—64 (Konstanzer Kodex).
20. Ulrichs von Richental Chronik des Constanzer Konzils 1414 bis 1418. Tübingen, 1882.
21. *Riegel I.* Die Teilnehmerlisten den Konstanzer Konzils. Ein Beitrag zur mittelalterlichen Statistik. Freiburg i Bremen, 1916.
22. *Höfler K.* Geschichtsschreiber des hussitischen Bewegung, Bd. II. Wien, 1865.
23. *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, с. 300.
24. *Шараневич И.* О первых князьях из Острогу — Острожских. — В кн.: Галичанин. Литературный сборник, вып. III—IV. Львов, 1863, с. 226—229.
25. *Хойнацкий А. Ф.* Преп. Федор, князь Острожский. Историко-биографический очерк. — Древняя и новая Россия, т. III. СПб., 1876, с. 5—18.
26. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku Warszawa, 1895.
27. S. Orgelbranda encyklopedia powszechna, t. XI. Warszawa, 1901.
28. *Wolff J.* Rod Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł K. Stadnickiego. Kraków, 1886, s. 155.
29. *Setkowicz W.* Łuck i wygłoszenie Korybutowiczów. — Rocznik Towarzystwa heraldycznego we Lwowie, t. VII. Kraków, 1926.
30. *Hermann von der Hardt.* Rerum Magni Concilium Constantiensis, t. V. Francofurti — Lipsiae, 1699
31. S. Orgelbranda encyklopedia powszechna, t. VIII. Warszawa, 1900, s. 498.
32. *Caro J.* Geschichte Polens, t. III. Gotha, 1869, S. 446—447.
33. *Stadnicki K.* Synowie Gedymina, t. II. Lubart xiąże wolyński. Lwów, 1853, s. 171.
34. *Piekosiński F.* Goście polscy na soborze Konstancyjskim. — Rozprawa Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny, ser. II, t. XII (37). Kraków, 1899, s. 137.
35. *Бегунов Ю. К.* Раннее немецкое известие о Золотой бабе. — Известия Сибирского филиала АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1976, № 3 (11), с. 122—124.
36. *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. — Вопросы истории, 1948, № 7, с. 35.
37. *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. ИОРЯС имп. АН, СПб., 1903, т. VIII, кн. 2, с. 70—75; СОРЯС имп. АН, СПб., 1907, т. XXXII, № 4, с. 147—152.
38. *Finke H.* Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzills. Paderborn, 1889, S. 238—240.

АКИМОВА О. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ В «ИСТОРИИ АРХИЕПИСКОПОВ САЛОНЫ И СПЛИТА»

Сочинение «История архиепископов Салоны и Сплита», известное в науке под названием «История Салоны», — первое историческое произведение хроникального жанра в Далмации. Автором хроники является архидиакон Сплита Фома. Известно, что он родился в Сплите в 1200 г.; согласно его хронике, в молодости он учился в Болонском университете. После возвращения в Сплит Фома получил место городского нотариуса, потом стал каноником и, наконец, архидиаконом сплитской церкви, оставаясь в этом сане до своей смерти в 1268 г. Фома был одним из наиболее активных участников борьбы против вмешательства светской власти в дела церкви и за введение коммунального управления в Сплите. Хроника Фомы охватывает события, происходившие в Далмации начиная с первых веков н. э. и кончая последними годами жизни хрониста.

Исследованию этого важного для истории средневековой Далмации источника посвящена обширная литература [1—4], однако названная в заголовке проблема не рассматривалась ни в югославской, ни в отечественной историографии. Между тем в работах о Фоме и его хронике, как правило, произвольно отмечается хорошее знание Фомой материала античных источников [3, с. 136—137; 5, р. 130]. Изучение особенностей работы Фомы над античными памятниками необходимо для объективной оценки сведений хроника как исторического источника, а также для интерпретации этого сочинения как памятника общественной мысли XIII в.

Салона — древнеримский город, который был разрушен аварскими и славянскими племенами в начале VII в. Жители Салоны укрылись в помещении дворца императора Диоклетиана, находившемся в нескольких километрах от Салоны. Эти беженцы и положили начало городу Сплиту (*Spalatum*), которому предстояло стать одним из значительных городов Далматинского побережья. Фома принадлежал, очевидно, к патрицианскому слою горожан, т. е. к потомкам романского и романизованного населения. Патриции далматинских городов возводили свои родословные к знатым римлянам — это давало им чувство превосходства над враждебным славянским окружением, поскольку при ретроспективности средневекового сознания высшей мерой истинности была древность. Обращенность в прошлое распространялась и на исторические сочинения. Поэтому Фома стремился не только показать преемственность Сплита по отношению к античной Салоне, но и привести доказательства осведомленности древнеримских авторов в истории Салоны и Далмации.

Для жителей средневековых далматинских городов античность не была абстрактностью. Многие древнеримские и древнегреческие памят-

ники, находившиеся на их территории, уцелели после варварских нашествий, многие были только частично разрушены. Топонимика Далмации напоминала о войнах Цезаря и Августа, а со многими местами побережья связывались сюжеты античных мифов. В хронике Фома содержатся относящиеся к античности сведения, основанные на личных впечатлениях автора. Так, он предполагает, что город Дельмис (Delmis) находился в возвышенной части Далмации¹, потому что там «заметны следы древних стен» [7, р. 3]. Дворец Диоклетиана составлял центральную часть его родного города, и Фома сообщает, что во дворце «были построены святилища идолов Юпитера, Асклепия и Марса, как это ясно можно видеть и по сей день» [7, р. 31].

Начальные сведения по античной истории и литературе Фома получил, вероятно, в местной клерикальной школе² [5, s. 360]. Более основательные знания по античности Фома приобрел, несомненно, в Болонском университете, где он изучал право. Сама обстановка Болонского университета благоприятствовала изучению римского правового и литературного наследия. XII—XIII вв. — время расцвета юридической школы Болоньи, связанного с деятельностью «гlossаторов» — толкователей римского законодательства. Фома учился, возможно, у знаменитого Аккурсия (1182—1260), возглавлявшего преподавание права в Болонье в течение 40 лет. Студенты-юристы изучали также риторику, грамматику, логику. В первой четверти XIII в. лучшим мастером риторики в Болонье был флорентиец Бонкомпаньо, «стоявший за обновление латинского языка путем возвращения к классическим писателям и заимствования у них образцов для исправления варварской латыни» [8]. В 1215 г. перед профессорами и студентами-юристами был прочитан его курс «*Rhetorica antiqua*» [9, 10]. Несмотря на общую клерикальную цель университетского обучения, в большинстве университетов Западной Европы, в том числе и Болонском, царил вполне светский дух. Конец XII — XIII вв. характеризуется как «век схоластики», ознаменовавшийся в европейской науке накоплением классических знаний, знакомством с античными идеями. Именно в этот период средневековья составлялись лучшие библиотеки античной литературы [11].

В своей хронике Фома приводит цитаты из «Фарсалии» Лукана, «Элегий» Овидия и «Георгик» Вергилия, «Песен» Горация. Фома ссылается также на «Энеиду» Вергилия, сообщая об основании троянцем Антенором города Патавиума [7, р. 4]. Однако при сопоставлении этого эпизода с соответствующим местом из «Энеиды» [12, I, 242—249] обнаруживаются существенные текстологические различия. У Вергилия сказано о бегстве Антенора от ахейцев через «бухты Иллирии в глубь Либурнского царства» [13, с. 129], через реку Тимав, до места, где им был основан город Патавиум. Фома же, излагая эти сведения, сообщает о том, что Антенор, «спасшись при гибели своего города, неоднократно воевал с далматинцами» [7, р. 4]. Подобное дополнение понадобилось автору хроники, видимо, для того, чтобы прямо связать прошлое далматинцев, населявших упомянутый в «Энеиде» «Иллирийский берег», с событиями Троянской войны, сказания о которой были особенно популярны в XII—XIII вв.³ [14, с. 191—212]. Не исключено, что это сообщение Фома является,

¹ Город Delminium (Фома называет его Delmis) предположительно находился возле современного города Дувно [6].

² Учителя в эту школу, как правило, приглашались из Италии. Например, в 1200 г. грамматику в Сплите преподавал будущий епископ Трогира флорентиец Трегуан.

³ Интересно отметить, что последователь Фома, сплитский хронист конца XIII — начала XIV в. Миха Мадий, рассказывает о причастности жителей Салоны к событиям Троянской войны. Он пишет, что они направили «в помощь грекам против царя Приама 72 боевых кожаных шлема» [15, р. 645].

вероятно, отголоском существовавшего в Далмации предания о войне Антенора с далматинцами. От Далмации Фома ведет Антенора к «Венецианской области» (*ad partem Venetiarum*) (подразумевается, по-видимому, территория современной Фоме Венецианской республики — *Comune Venetiarum*) и через нее в долину реки Пада (По), где он ошибочно, опираясь, вероятно, на фонетическое сходство, помещает основанный Антенором Патавиум.

Рассказу об Антеноре у Фомы предшествует упоминание о царице амазонок, «из рода которой, как говорят, произошли живущие здесь (в Иллирии) народы» [7, р. 4]. Смысловой связи между этими сообщениями нет. Однако упоминание об амазонках как основательницах племени либурнов содержится в схолиях Сервия к тому месту из «Энеиды» [16, в. I, 1, 243], которое пересказывает Фома⁴. Это позволяет считать, что при написании своей хроники Фома пользовался рукописью с комментариями Сервия.

Схолиастическая традиция прослеживается и в объяснении Фомой названия Адрия (как наименования Иллирии) от слова *adra* со значением «камень», «*quia lapidosa et montuosa est hec provintia*» [7, р. 5]. В других далматинских источниках слово *adra* не зафиксировано⁵, однако оно упоминается в аналогичном этимологическом объяснении названия *Adriaticum mare* в схолиях к Ювеналу и Вергилию (*adra id est lapis, hadra id est petra*) [19, S. 2].

О том, что Фома пользовался комментариями средневековых схолиастов к классическим произведениям, свидетельствует и содержащийся в хронике рассказ о захвате Салоны Асинием Поллионом⁶. Фома повествует о том, как по распоряжению императора Августа консул Асиний Поллион предпринял попытку подчинить Салону Римской империи. «В результате, — пишет он далее, — осажденный город после изнурительных морских и конных боев наконец был захвачен римлянами. Во время этой осады у Поллиона родился сын, которому он дал имя Салонин. Большая часть этого города была разорена, а более сильные укрепления разрушены, чтобы город впредь не мог сопротивляться римскому государству. Одержав победу, Поллион со своим войском вернулся в Рим, где был принят римским Сенатом и народом с великой славой и удостоен триумфа» [7, р. 7]. Некоторые римские авторы писали о войне Поллиона с далматами — иллирийским племенем, проживавшим на территории Далмации. Флор сообщает, что Поллион у далматов «конфисковал стада, оружие и земли» [20, II, 25], Гораций в посвященной Поллиону оде упоминал и о «далматинском триумфе» [21, *Sagm*, II, 1, 16]⁷ (Фома цитирует это место). Однако сообщение о захвате Поллионом Салоны появляется только в комментариях средневековых схолиастов к Вергилию и Горацию, прежде всего в глоссах Сервия к знаменитой четвертой эклоге Вергилия, в которой поэт предсказывает рождение младенца, с пришествием которого настанет эпоха мира и благоденствия. Некоторые видели в этом ребенке, как сообщает

⁴ Легенда об амазонках, записанная Сервием, очевидно, местного происхождения [17, р. 307—319].

⁵ Слово *adra*, относящееся, видимо, к утраченным глоссам, имеет соответствие в древнеиндийском *adri* — камень, скала [18, S. 788].

⁶ Фома, по-видимому, знал литературные произведения Асиния Поллиона, во всяком случае ему было известно об их существовании, как это явствует из его слов: «Поллион... отличался также даром красноречия и написал несколько книг лирическим размером» [7, р. 7].

⁷ Историки ставят под сомнение возможность войны Поллиона против далматов, связывая триумф 39-го или 38-го г. с победой над парфянами в Македонии, во время пребывания Поллиона на посту проконсула Автоныя в этой провинции. Далмация тогда находилась в ведении Октавиана [22, р. 44—45].

Сервий, сына Асиния Поллиона Салонина (Saloninus). Сервий пояснял, что Поллион назвал новорожденного сына Салонином в честь своего покорения Салоны [16, v. III, fasc. II ad Ecl. IV, 11]. В действительности утверждение о завоевании Салоны Поллионом лишено основания, так как Салона была верна Риму, к тому же ее население было в основном романским. Что касается имени Салонин, то оно, как установлено, не является производным от названия Салона [23, p. 162—217]. Если сам факт захвата Салоны и рождение мальчика, которому дали имя в честь этой победы, мог быть известен Фоме из комментариев схолиастов, то подробности героического сопротивления Салоны, очевидно, выдуманы самим Фомой и соответствуют тем республиканским настроениям, которые Фома обнаружил в рассказе о битве за Салону во время гражданских войн Цезаря и Помпея.

В описании этой истории нашли выражение политические убеждения самого автора. Сюжет рассказа взят Фомой из «Фарсалии» Лукана [24, v. I, IV, 403—460], хотя источник не назван. Однако, будучи поборником освобождения Сплита от власти венгро-хорватского королевства и стремясь к введению в городе коммунального управления по примеру североитальянских городов, Фома не был удовлетворен сдержанным республиканизмом Лукана — в изложении этого эпизода он выступил как яростный противник империи и Цезаря. Но отличия между повествованием Лукана и Фомы не сводятся лишь к эмоциональному тону. Фома, частью намеренно, в соответствии со своей политической позицией, частью, очевидно, вследствие ошибок памяти, искажил не только существенные детали лукановского описания битвы у Салоны, но и самую фабулу эпизода. «Этот город (Салона) во время гражданских войн, сохраняя непоколебимую верность римской республике, отвергал владычество Цезаря», — пишет Фома [7, p. 5]. В действительности же колонии римских граждан в Далмации — Салона, Скадрона и Нарона — выступили на стороне Цезаря [22, p. 37—45]. Для того, чтобы помешать проникновению сторонников Помпея в Италию, по распоряжению Цезаря в Северный Иллирик были посланы с войсками его легаты, один из которых, Гай Антоний (брат триумвира) потерпел поражение от легата Помпея в 49 г. до н. э. и был заперт в Салоне. Осада Салоны была снята только в 46 г. до н. э. после бесстрашной вылазки осажденных [25, S. 207—208].

Лукан следующим образом описывает попытку воинов Антония вырваться из Салоны. Антоний решил воспользоваться помощью союзных войск полководца Басила, легата Цезаря, и бежать морем. Однако его успешно атаковал «страж иллирийской волны» начальник флота Помпея Марк Октавий. Когда один из кораблей Антония оказался в безвыходном положении, командир отряда этого корабля Вультей призвал своих воинов умереть, но не сдаться. Воины Вультея погибли, нанося друг другу удары.

Фома же пишет, что Антоний (он называет его родственником Цезаря) отправился на покорение Салоны якобы по приказу Цезаря, который в это время, «преследуя Помпея, из Брундизи переправился в Эпир»⁸. Вультей у Фомы не командир корабля, а полководец, сосредоточивший войска на островах салонского берега, Басил представляется в качестве полководца армии Помпея в Салоне, действующим совместно с Октавием. Войска Помпея поддерживают отряды «соседних народов — куретов»⁹, далматинцев, истрийцев». Неудачный проход Вультея на материк, гибель Вультея и его воинов описаны в основном в соответствии с текстом Лука-

⁸ Соответствующий эпизод см. у Лукана [24, v. I, III, 607—652].

⁹ Куретов Фома представляет как предков хорватов. Ср. [24, v. I, IV, 406].

на. Эпизод в хронике заключает фраза, проникнутая патриотическими республиканским духом: «Город этот сохранил столь нерушимую верность республике, что Цезарь, одержав победу над всем миром и уже продвинувшись к утверждению всемирной монархии, все еще не имел власти над городом Салоной» [7, р. 6].

В сообщении Фомы о выступлении крупных отрядов «куретов», далматинцев и истрийцев против империи, по-видимому, отразились реальные известия о сопротивлении римской власти иллирийских племен, начиная с гражданских войн, когда далматинские племена в сущности отделились от Рима, вплоть до восстания паннонских и далматинских племен 6—9 гг. н. э. [26, с. 39—57].

В первой главе хроники, где, по замыслу Фомы, должны были быть собраны общие сведения об Иллирии и Далмации, Фома помещает еще один эпизод из истории походов римских войск в Паннонию и Далмацию. В этом случае он также не называет источника, а ограничивается ремаркой «In historiis vero Romanorum habetur». Фома повествует, что Август во время своего похода в Иллирию отправил полководца по имени Вений для покорения паннонцев в междуречье Дравы и Савы, а полководца Юлия — против далматинцев. Ф. Рачки в комментариях к тексту источника отмечал, что полководцы Юлий и Вений, имена которых в римской истории неизвестны, это соответственно Вибиус Постум, принимавший участие в экспедиции в Далмацию в 6—9 гг. под командованием Тиберия и Веллея Патеркула, и Марк Виниций, полководец времен Паннонской войны 35—33 гг. до н. э. В качестве возможного источника сообщения Фомы Ф. Рачки указывал «Римскую историю» Веллея Патеркула [7, р. 4]. Однако такое предположение слишком произвольно, так как у Веллея Патеркула Марк Виниций упоминается в основном в связи с военными действиями в Германии [27, 104], а сообщение о Вибии Постуме ограничивается лишь замечанием о его усердии и мужестве в Далматинской войне [27, 116].

Упомянутый рассказ Фомы на самом деле заключает в себе три разновременных события. Первое — «когда император Август вел войско по Иллирии» — может относиться ко времени Паннонской войны 35—33 гг. до н. э. Второе — Август «отправил полководца по имени Вений против паннонцев» в междуречье Савы и Дравы — касается, видимо, военных действий 13 г. до н. э., которые было поручено вести Марку Виницию, наместнику Иллирика [28, с. 16—18]. Третье — военные действия Юлия против далматинцев, которые «опустошали своими разбоями соседние провинции» — соответствует одному из эпизодов подавления далматинского восстания 6—9 гг. Вибием Постумом, «консуляром, наместником Далмации, заслужившим чести триумфа» [27, 116].

Нам удалось установить, что источником этого рассказа Фомы послужили 23, 24 и 25 главы II книги сочинения Флора «De Tito Livio Bellorum omnium annorum DDC». В этих трех главах последовательно излагаются три упомянутых нами события: в 23 главе Флор повествует об Иллирийской войне и участии в ней Августа, в 24 — о походе на паннонцев, в 25 — о подавлении сопротивления далматинцев Вибием Постумом.

Интересно сопоставить текст хроники (I) с соответствующими высказываниями Флора (II):

I

(Augustus) misit quendam ducem, Venium nomine, contra Pannonios qui duobus acribus fluviiis circumvallantur, Drava et Sava.

II

Pannonii duobus fluviiis Dravo Savoque vallantur... In hoc domandos Vinnium misit. Caesi sunt in utrusque fluminibus [20, II, 24].

...qui Dalmate, commorantes in silvis, circumadiacentes provincias latrocinand-vastabant.

Contra Dalmaticos ibidem (Augustus) misit ducem Julium cum exercitu multo... qui Julius congressus cum eis, victoriaeque potitus, gentem illam, licet esset efferum genus hominum, coegit ab armis discedere et terram fodere, aurumque de venis terre purgare.

Delmatae plerumque sub silvis agebant unde in latrocinia promptissimi [20, II, 25].

Augustus per domandos Vibio mandat qui efferum genus fodere terras coegi; aurumque cupidissima eo studio, ea diligentia angurit [20, II, 25].

Как видно, автор хроники не только заимствовал у Флора соответствующие сведения и изложил их в исходной последовательности, но в определенной степени сохранил и фразеологические обороты источника. Интересно, что сведения, заимствованные у Флора, излагаются Фомой вполне в духе римского источника. Как ни странно, экспансионистские действия императорских полководцев описаны автором хроники без того республиканского негодования, которое Фома проявил в рассказе о военных действиях у Салоны.

Важное место в описании Далмации Фома отводит мифологическим сюжетам. Для Фомы греческие мифы (известные ему в пересказе латинских авторов) — это вполне достоверный исторический источник.

Характерна в этом плане интерпретация в хронике известной легенды о Кадме. Фома не сообщает литературного источника своих сведений о греческом герое и ограничивается формулой «secundum poetarum fabulos»¹⁰. Однако он, вероятно, не читал литературных произведений о Кадме, поскольку в предложении, содержащем данные о нем — «в эту провинцию прибыл Кадм после превращения своего в змея», — имеется существенная неточность. Во всех вариантах мифа Кадм и его жена Гармония превратились в змей уже после их переселения в Иллирию [29, 30]. Очевидно, Фома пользовался не литературными источниками, а одним из местных дубровницких вариантов легенды. На это указывает подробность, о которой сообщается в хронике, — наличие в Эпидавре (ныне город Цавтат) близ Дубровника большой пещеры, где, по местному поверью, живет дракон. Легенда о Кадме была популярна в Далмации. Проезжая по территории Дубровницкой республики в 1875 г., знаменитый английский археолог Артур Эванс записал, что «современные жители Цавтата и Конавле настойчиво следуют традиции», согласно которой пещера на горе Снежница (в четырех часах ходьбы от Цавтата) является «подземным святилищем, где Кадм и Гармония превратились в змей и где после этого жил Эскулап» [34, s. 305].

Пытаясь наполнить мифические события реальным содержанием, Фома находит оригинальное историческое объяснение сказочному мотиву превращения Кадма в змея: «Согласно же истории, Кадм был царем в Греции, но после свержения с престола прибыл в Далмацию и, став свирепейшим пиратом, начал как проворный змей развезжать по морю» [7, p. 5].

С большими искажениями Фома воспроизводит и миф о Тесее и Ариадне. Этот миф привлечен хронистом в качестве одного из источников для объяснения происхождения второго названия Иллирии — Адрия. Однако судя по всему, и этот миф был известен Фоме из устных источников. Этим объясняется и переименование Ариадны в Адриану, по имени которой

¹⁰ В связи с легендой о Кадме Фома приводит цитату «unde poeta», непосредственного отношения к легенде не имеющую: «Cur in amicorum vitii tam cernis acutum, ut serpens Epithaurius» [7, p. 5]. Эта цитата является несколько искаженным воспроизведением фразы из «Сатиры» Горация:

Cur in amicorum vitii tam cernis acutum
Quam aut aquila aut serpens Epidaurius [21, I, 3, 26—27].

якобы была названа провинция Адрия, и изложение не известной ни в одном из литературных вариантов мифа версии о бегстве Тесея с сестрой Ариадны Федрой с острова, где осталась спящая Ариадна. Сюжетная особенность, согласно которой Тесей похитил Ариадну, а не заключил с ней договор, указывает на близость этого устного предания к варианту мифа, изложенному в «Метаморфозах» Овидия [32, t. II, VIII, 174—177].

В хронике приведена и еще одна версия о происхождении названия Адрии. По этой версии, название провинции произошло от имени брата легендарного царя пеласгов Итала — Адрия, якобы правившего этой областью. Но в литературных источниках, рассказывающих об Итале, ни о каком брате Адрии не упоминается. Вероятно, и в этом сообщении хронист опирался на какие-то бытовавшие в его время местные предания.

К устным преданиям восходит, очевидно, и записанный Фомой рассказ о куретах. Куреты — жрецы богини Реи, матери Юпитера. Их часто путали с приверженцами культа богини Кибелы — корибантами, чьим отличительным знаком был медный бубен, медный щит или оружие. Фома, ссылаясь на свидетельства «многих поэтов», пишет о наличии у куретов культа луны, спасая которую во время лунного затмения, они отгоняют от нее злых духов, «ударяя по всем медным предметам домашней утвари» [7, p. 26]. Однако ни о чем подобном у античных авторов не сообщается [33, 34], в том числе и у Вергилия в его «Георгиках», которые Фома цитирует [35, IV, 150].

Большинство цитат из античных текстов привлекаются автором хроники для подтверждения его этимологических гипотез. Так, приводя мнение о происхождении названия Адрия от слова *adra*, Фома ссылается на стих Овидия «Подставлены руки гористой Далмации» [32, t. I, Eleg. II, 40].

Объяснение названия города Салоны, по его мнению, восходящего к слову *salum*, «что означает море», Фома предваряет строкой из Лукана «Там, где близ долгих Салон шумят Адриатики волны» [36, c. 84], которая призвана не только подчеркнуть известность города уже в античную эпоху, но и придать значительность такому объяснению. Эта же строка вместе с последующей — «там, где теплый Ядр сбегает к нежным зефирам» [36, c. 84] — служит в хронике подтверждением и другой, более удачной этимологии — связи названия города *Iadria* (совр. Задар) с названием реки *Iader* (совр. *Jadro*), протекающей в окрестностях Салоны.

Связывая происхождение названия города *Spalatum* с тем обстоятельством, что в городе находился дворец Диоклетиана, автор производит это название от слова *pallantheum* «каким древние называли большие дворцы» [7, p. 5]. Подобное объяснение — также своеобразная апелляция к авторитетам древности: Фома, вероятно, было известно из Вергилия о городе (*Pallantheum*), основанном Эвандром на Палатинском холме.

Строка из Лукана, в которой сообщается о появлении «в море с греческим флотом готовых к бою либурнов» [24, v. I, IV, 530], цитируется Фомой в связи с объяснением происхождения названия Либурния от наименования пиратских судов — либурнов¹¹.

Для того, чтобы придать большую значимость описанию событий, касающихся прошлого славянского окружения Сплита, Фома возводит их историю к античной эпохе и, исходя из фонетической близости, представляет хорватов потомками куретов. Доказательством точки зрения Фомы служит авторитетное для него свидетельство Лукана: «Здесь, доверяясь воинственным ордам куретов, коих кормит земля, омываемая Ад-

¹¹ Мнение о жителях Либурнии как о пиратах было распространено в античной литературе [37, X, 2, 4].

риатическим морем» [7, p. 27]. Однако у Лукана речь идет не о куретах, а о куриктах (*curictum*) [24, v. I, IV, 406—407], жителей острова Крк у побережья Далмации. Таким образом, принятое желаемое за действительное, Фома искажает текст источника. Хронист также указывает, что славянское население Далмации, которое он глубоко презирает, возникло из соединения двух этнических элементов — автохтонных куретов и пришлых представителей грубого племени лингонов (известного в античности галльского племени). Указание на грубость лингонов и воинственность куретов, по-видимому, предполагает, что и их потомкам славянам передались эти качества. Поэтому пренебрежение Фомы к славянскому окружению могло быть оправдано перед читателями хроники свирепостью самих славян.

Итак, говоря о степени познаний Фомы в области античных источников, нельзя согласиться с распространенным в югославской литературе мнением о его хорошей осведомленности в этой области, даже если сделать скидку на узость рамок далматинской истории, в которых эта осведомленность могла проявиться. Ремарки Фомы — «по словам поэта», «из римской истории известно» и т. п., как выяснилось, не подтверждаются соответствующими источниками, а в отдельных случаях даже противоречат им. Скорее всего, подобные вводные замечания были нужны Фоме для того, чтобы продемонстрировать свою эрудицию даже в тех случаях, когда он весьма нетвердо знал соответствующие тексты.

Характер ошибок, искажений и просто неточностей в пересказе латинских авторов указывает на то, что Фома в процессе написания хроники не пользовался непосредственно текстами источников, а воспроизводил их по памяти. Вследствие этого без каких-либо ошибок ему удалось процитировать только десяток поэтических строк.

Своеобразная интерпретация античных сюжетов в хронике, не совпадающая с литературными вариантами, указывает, по нашему мнению, на то, что значительная часть классического наследия была известна Фоме не по оригиналам, а через посредство устной народной традиции.

Существенно отметить, что работа Фомы над классическими источниками не была сугубо компилятивной, некоторые античные сюжеты переосмыслились в соответствии с особенностями его мировоззрения, однако этим измененным вариантам Фома придавал вид цитаты или достоверного изложения оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kršnjava I.* Zur Historia Salonitana des Thomas Archidiaconus von Spalato. Agram, 1900.
2. *Selem A.* Tommaso Archdiacono e la storia mediavale di Spalato. Zara, 1933.
3. *Segvić K.* Toma Splićanin, državnik i pisac. Zagreb, 1927.
4. *Клауш H.* Historia Salonitana maior. Београд, 1967.
5. *Novak G.* Povijest Splita, d.I. Split, 1957.
6. *Zaninović M.* Delminium. Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. God. 63—64. Split, 1961—1962, s. 45—56.
7. *Thomas Archidiaconus.* Historia Salonitana. MSHSM, v. 26. Scriptorum, v. 3, Zagrabiae, 1894.
8. *Цветаев И. В.* Письма из Болоньи. Восемьсотлетний юбилей Болонского университета. Письмо 1.— Русский вестник. М., СПб., 1888, июль, т. 187, с. 219.
9. *Rashdall H.* The Universities of Europe in the Middle Ages, v. 1—3. Oxford, 1942.
10. *Cobban A. B.* The medieval universities. London, 1975.
11. *Bolgar R. R.* The classical heritage and its beneficiaries. Cambridge, 1973.
12. *Vergilius Maro Publius.* Aeneis. Hrsg. von J. Götze. München, 1958.
13. *Вергилий.* Буколики.— Георгики.— Энеида. Пер. С. Ошерова. М., 1971.
14. *Грабарь-Пассек М.* Античные сюжеты и формы в западно-европейской литературе. М., 1966, с. 191—212.
15. *Schvandtner I. G.* Scriptorum rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Slavonicarum, v. 3. Vindobonae, 1748.

16. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Rec. G. Thilo et H. Hagen. 3 vol. Lipsiae, 1881—1902.
17. Alföldi G. Die Stellung der Frau in der Gesellschaft der Liburnen. Acta antiqua Acad. scient., t. 9. Hungaricae, 1961.
18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern — München, 1959.
19. Mayer A. Die Sprache der alten Illirier, Bd. 2. Wien, 1959.
20. Florus Lucius Annaeus. Epitome of roman history. London — New York, 1959.
21. Q. Horati Flacci Opera. Ed. Fr. Klingner. Lipsiae, 1959.
22. Wilkes J. J. Dalmatia. London, 1969.
23. Rose H. J. The Eclogues of Vergil (Sather Classical lectures, v. 16). Berkeley — Los Angeles, 1942.
24. M. Annei Lucani Pharsalia. Cum comment. critico ed. C. M. Francken, v. 1—2. Sijthoff, 1896—1897.
25. Zippel G. Die römische Herrschaft in Illyrien bis Augustus. Leipzig, 1877.
26. Колосовская Ю. К. Паннония в I—III вв. М., 1973.
27. Velleius Paterculus. Compendium of Roman history. Res gestae Divi Augusti. Engl. transl. by F. W. Shipley. London — New York, 1924.
28. Dobó A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus: Die provinzielle Verwaltung. Budapest, 1968.
29. Vian F. Les origines de Thèbes: Cadmos et les Spartes. Paris, 1963.
30. Lisičar P. Legenda o Kadmu. Ziva Antika. God III, Skopje, 1953.
31. Evans A. J. Kroz Bosnu i Hercegovini peške tokom pobune augusta i septembra 1875 sa istorijskim pregledom i osvrtom na Hrvate, Slovence i staru Dubrovačku republiku. Sarajevo, 1965.
32. P. Ovidius Naso. Opera. Ed. R. Ehwald, V. Levy, t. 1—3. Lipsiae, 1915—1932.
33. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 241—246.
34. Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaeon religion and its survival in Greek religion. Lund, 1950, p. 546.
35. Vergilius Maro Publius. Georgica. Hrsg. und erkl. von W. Richter. München, 1957.
36. Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. Пер. Л. Е. Остроумова, М.—Л., 1951.
37. Livy. In thirteen volumes. London, 1926—1943, v. IV, books VIII—X.

МОЖАЕВА И. Е.

CYRILLO-METHODIANA НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кирилло-мефодиа́на является традиционной темой славистики, начина́я с времен И. Добровского, Е. Кошитары, А. Х. Востокова. Она, как считал И. В. Ягич, образует краеугольный камень славянской филологии как филологической науки. Деятельность Кирилла и Мефодия представляет исключительной важности событие в исторической жизни славян. И сейчас, когда кирилло-мефодиевская проблематика из филологической, какой она была в XIX — начале XX в., все более становится историко-культурной и исторической, интерес к ней не угасает. Оживление в кирилло-мефодиевской науке особенно очевидно проявилось в 60-е годы, что связано с широко отмечавшимися юбилеями 1100-летия славянской письменности, 1100-летия со дня смерти Кирилла, 1050-летия со дня смерти Климента Охридского. Предстоящее в 1985 г. 1100-летие со дня смерти Мефодия вызовет, несомненно, новую волну исследований.

Кирилло-мефодиа́на охватывает вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Кирилла и Мефодия, созданием ими славянской письменности, славянского литературного языка и литературы, к ней относятся и вопросы продолжения кирилло-мефодиевских традиций в славянских землях и некоторых соседних странах таких, как Румыния, Венгрия. В сферу кирилло-мефодиа́ны входят также издания и исследования источников для истории Кирилла и Мефодия, издания и исследования памятников славянской письменности. Кирилло-мефодиевские традиции рассматриваются в более узких рамках: деятельность учеников и прямых продолжателей дела Кирилла и Мефодия, общие очерки судьбы славянской литургии, письменности и языка в последующее время (IX—XI вв.), оставляя в стороне, например, историю церковнославянского языка, его соотношение с народными языками, местные редакции памятников канона и т. п.

Но даже и с такими ограничениями кирилло-мефодиа́на предстает как очень емкая и многогранная область науки. Это наука комплексная, ею занимаются представители почти всех гуманитарных наук: филологи, историки, историки культуры, лингвисты, искусствоведы и литературоведы, археологи.

География кирилло-мефодиа́ны все время расширяется. Если раньше ею занимались преимущественно ученые славянских стран, Германии и Австрии, то теперь в ее разработку активно включились ученые Франции, США, Великобритании, Италии. В каждой из стран отдается предпочтение определенному кругу вопросов, актуальных именно для нее. В Чехословакии, например, усиленно занимаются моравской миссией Кирилла и Мефодия и более ранними христианскими миссиями, связями чешской культуры и литературы с великоморавской. Польские ученые сосредоточивают свое внимание на вопросах существования славянской

литургии в Польше Пястов. Кирилло-мефодияна Югославии — это прежде всего хорватская глаголическая письменность, Охридская школа. В Болгарии широко исследуется деятельность учеников Кирилла и Мефодия, расцвет славянской письменности. У нас традиции русской кирилло-мефодиевской науки, передовой для своего времени, долгое время были в забвении и только сейчас начинают возрождаться.

Кирилло-мефодияна, которая представляется наукой, целиком обращенной к прошлому, занимающейся далеким IX в., на самом деле очень современна. Прогрессивный, гуманистический и демократический характер дела Кирилла и Мефодия, его значение для развития славянской и мировой культуры, значение его для борьбы за права народов на собственную культуру и язык, за народное самосознание актуальны и в наше время. Кирилло-мефодияна несвободна от национальных пристрастий, тенденциозности в освещении отдельных вопросов и явлений. В ряде исследований ощущается оттенок субъективизма, произвольное толкование фактов в угоду априорным построениям.

Кирилло-мефодиевской проблематике посвящено большое количество работ, научных и научно-популярных, фундаментальных трудов и поверхностных заметок. В своем обзоре, носящем чисто информативный характер, мы пытаемся рассмотреть освещение некоторых узловых вопросов кирилло-мефодиевской проблематики в работах послевоенного периода, в первую очередь вопросов дискуссионных, касающихся славянской письменности, кирилло-мефодиевских переводов, кирилло-мефодиевских традиций в славянских землях¹.

В кирилло-мефодияне много дискуссионных положений, по которым существуют различные точки зрения, часто диаметрально противоположные. В качестве примера приведем вопрос о национальной принадлежности Кирилла и Мефодия, их происхождении. Польский ученый М. Малецкий, болгарские ученые А. Милев, В. Тыпкова-Заимова утверждают, что Кирилл и Мефодий были славянами, чешский исследователь В. Ткадличик подчеркивает отсутствие доказательств славянского происхождения братьев на основе интерпретации слова *пръци* в Житии Мефодия как *пръви*, а не *грьци* (как делалось прежде), но считает, что славянином был автор жития [2]. А. Тахиаос и М. Альтбауэр высказывают мнение о греческом происхождении братьев. Но все отмечают греко-славянский билингвизм Кирилла и Мефодия, прекрасное владение и греческим и славянским, что позволило им выполнить свою историческую миссию.

Примеров различной трактовки, часто пристрастной, фактов биографии и отдельных сторон деятельности Кирилла и Мефодия можно привести довольно много. Одной из причин этого является состояние критики источников для истории Кирилла и Мефодия, отсутствие хорошего научного комментированного издания. Большинство имеющихся изданий носит популярный, учебный характер, исключение представляют, может быть, лишь издание Житий Кирилла и Мефодия Ф. Гривца и Т. Томшича, «Сказания о письменех» Черноризца Храбра К. М. Куева.

Личность Черноризца Храбра, писателя конца IX — начала X в., горячо защищавшего славянскую письменность, сочинение которого служит основным источником для определения начала славянской письменности, издавна привлекала внимание ученых. До сих пор не утихают начавшиеся в XIX в. споры о его имени, времени написания сочинения, о том, какую из азбук он защищал. Высказываются предположения, что это не имя, а псевдоним, под которым скрывается Климент Охридский,

¹ Настоящий обзор составлен на основе библиографического указателя [1], из которого читатель получит полное представление о кирилло-мефодияне в целом и найдет подробные сведения об упоминающихся в статье работах.

Наум Охридский, Черноризец Докс, брат Бориса I. К. М. Куев доказывает, что Храбр — настоящее имя автора апологии. В. Ткадличик думает, что сочинение было анонимным, обозначение монаха Храбра было дано позднее, что это не имя и не псевдоним, а прилагательное — храбрый, а автором был Наум Охридский [3]. О том, что Храбр и Наум Охридский — два разных лица, писал Х. Поленакевич. И. Снегаров датирует «Сказание о письменех» 907—916 г. Й. Влашек предполагает, что сочинение состоит из двух текстов: первый появился после 863 г. у южных славян в пору конкуренции между глаголицей и кириллицей, второй — позже (но до 1348 г.) для защиты кириллического письма. Наиболее фундаментальным трудом о Черноризце Храбре является работа К. М. Куева «Черноризец Храбър» [4], в которой сочинение публикуется по 73 спискам. В исследовательской части работы К. М. Куев рассматривает вопрос о времени и месте написания «Сказания о письменех», о его источниках, литературных особенностях, авторе сочинения. Он относит сочинение Храбра ко времени обсуждения вопроса о введении славянского языка в качестве официального (около 893 г.), высказывает убеждение, что Храбр жил и писал в Преславе и принадлежал к книжникам Симеоновского круга. Разбирает К. М. Куев и вопрос о начале славянской письменности по свидетельству Черноризца Храбра. Он обосновывает выбор Храбром александрийского летосчисления, широко применяемого в византийской хронологической практике и в старославянской литературе, по которому дата 6363 г. соответствует 863 г. Обоснованию 863 г. как начальной даты славянской письменности К. М. Куев посвятил специальную статью [5] и ряд более мелких статей. В 50—60-е годы в болгарском журнале «Исторически преглед» была проведена дискуссия о начале славянской письменности, в которой некоторые болгарские ученые (Б. С. Ангелов, М. Генов, П. Петров) отстаивали 855 г. как начало славянской письменности, считая, что Черноризец Храбр пользовался не александрийским, а византийским летосчислением.

Вопрос о том, когда и с какой целью была создана славянская письменность: после прибытия посольства кн. Ростислава с просьбой послать миссию в Моравию или задолго до этого, для балканских славян, — давний вопрос, до сих пор привлекающий внимание ученых. Большинство склоняется к выводу, что письменность была создана для моравской миссии. П. Динеков подчеркивает длительную подготовку братьев к исполнению столь сложной задачи, К. М. Куев говорит о постепенном выплывании идеи, толчок к осуществлению которой дало посольство кн. Ростислава. Кирилл и Мефодий перевели лишь избранные тексты из евангелия, апостола, псалтыри, октоиха, триоди, это можно было сделать за несколько месяцев, самое большее — за год. Некоторые ученые, в основном болгарские (Э. Георгиев, И. Дуйчев, а также Т. Лер-Сплавинский) считают, что письменность была создана раньше, для балканских славян, что слишком мало было времени от момента приглашения до выезда в Великую Моравию. Создание письменности к времени пребывания братьев в Солунской области относит Й. Шпетко, с Олимпом связывают его М. Генов, А. С. Львов, Ф. Славский, Ц. Тодоров.

863 г. можно считать признанной датой создания славянской письменности, 1100-летний юбилей которой торжественно отмечался в славянских странах. Состоялись научные сессии и конференции, издавались юбилейные сборники, ему посвящались специальные номера журналов.

Деятельность Кирилла и Мефодия в области создания славянской письменности — постоянная тема кирилло-мефодияны. Изобретение славянской азбуки, приоритет одной из азбук, происхождение глаголицы, существование письменности до Кирилла и Мефодия — вот круг вопро-

сов, по которым до сих пор не утихают споры, идет обмен мнениями, выдвигаются и опровергаются гипотезы.

Какую азбуку изобрели Кирилл и Мефодий — глаголицу или кириллицу? Сейчас можно считать научно доказанным, что Кирилл и Мефодий являются создателями глаголицы. Приоритет глаголицы отстаивает большинство ученых. Но иногда раздаются голоса и в пользу создания Кириллом кириллицы (украинский ученый П. Попов, чешский церковный деятель Й. Лейкснер). Академик М. Н. Тихомиров выражает мнение, что кириллица и глаголица исходят из одного и того же корня, и могли быть созданы Кириллом и Мефодием в разное время или в виде двух вариантов.

Известный палеославист В. А. Мошин высказывает предположение о возможности существования двух параллельных азбук, отражающих одну и ту же фонологическую систему и взаимно приспособляющихся друг к другу: греческого письма «без устроения», которое легло в основу кириллицы, и изобретенной Кириллом глаголицы [6].

Относительно происхождения, источника глаголицы существует великое множество гипотез. В кирилло-мефодиевской библиографии Г. А. Ильинского их указано 38. Может быть количество их и уменьшилось в последнее время, но тем не менее можно назвать греческую курсивно-минускульную (Дж. Радойичич, Ц. Тодоров, Л. Р. Каджаиа), латинско-курсивную (В. Леттенбауэр), против которой выступает В. Новак, восточную (М. И. Привалова, Й. Шпетко), кавказскую (В. Полак), скифо-сарматскую (Н. А. Константинов), русскую дохристианскую (А. С. Львов, М. Л. Охрименко, И. А. Фигуровский), восточнославянскую (П. Я. Черных). Сарматская гипотеза происхождения глаголицы подробно анализируется в книге Э. И. Соломоник [7], которая считает, что ввиду большого хронологического разрыва нельзя, несмотря на сходство сарматских знаков с буквами славянской глаголицы, предполагать прямое заимствование.

Привлекательной представляется гипотеза молодого, рано умершего ученого из Финляндии Г. Чернохвостова, которую мы знаем в изложении В. Кипарского. Согласно этой гипотезе Кирилл положил в основу глаголицы комбинацию трех христианских символов — креста, круга и треугольника. В духе христианской символики трактует глаголические буквы и М. Самилев. Эти гипотезы хорошо показывают искусственный характер глаголицы. Отсутствие непосредственной связи глаголицы с каким-либо алфавитом утверждает болгарский ученый П. Илчев. Глаголица, по его мнению, представляет новую графическую систему, в которой не чувствуется влияния какой-либо азбуки.

Думается, что поиски образца для глаголицы, не увенчавшиеся успехом на протяжении более ста лет, — неперспективный путь развития науки. Количество гипотез не помогает решению этой проблемы.

Кириллице меньше «повезло» на гипотезы. Можно отметить довольно неожиданную гипотезу монгольского ученого С. Дончева о гунском происхождении кириллицы, обнаружившего сходство знаков кириллицы с «иньскими идеограммами», с китайскими иероглифами. Общепринята точка зрения на кириллицу как на эволюцию греческого уставного литературного письма, к которому добавлялись буквы, необходимые для передачи звуков славянской речи. Кириллица была создана кем-то из учеников Кирилла и Мефодия и названа в честь Кирилла.

Болгарский академик Э. Георгиев горячо отстаивает мнение о существовании письма до Кирилла и Мефодия, опираясь на слова Чернохвостова Храбра, что славяне пользовались «чертами и резами», а крестившиеся — римскими и греческими письменами писали славянскую речь «без устроения». Большинство ученых считает, что докирилловского письма не было (Р. Оти), оно относится к области гипотез (П. Динеков). Славянская пись-

менность начинается с Кирилла, несмотря на существование записей славянизированным греческим письмом (К. Горалек). Надо признать, что каких-либо веских оснований для пересмотра роли Кирилла в создании славянской письменности не существует.

Более ста лет продолжается спор о «русских письменах», вызванный интерпретацией текста из Жития Кирилла о находке им в Херсонесе евангелия и псалтыри, написанных этими письменами. Буквальное понимание слова *русьскими* дало повод для гипотезы о восточнославянском дохристианском письме, имевшей хождение в 50-е годы (В. А. Истрин, А. Д. Матвеевский, В. П. Петров, П. Я. Черных). «Русские письмена» рассматривались как свидетельство существования на Руси развитых графических систем, созданных в местной среде, до принятия христианства. Делались предположения о глаголическом характере письмен. На первый план при этом выступали ненаучные факторы. Рецидив этой гипотезы находим в цикле работ 70-х годов украинского ученого С. А. Высоцкого, посвященных граффити Софийского собора в Киеве. В них он высказывает предположение, что софийская азбука отражает локальный вариант восточнославянской докирилловской письменности, что это вариант письма «без устройства». С ним полемизировала Т. А. Иванова, считавшая, что софийская надпись — неумелая попытка не очень сведущего в славянской азбуке человека изобразить кириллицу. В последней своей книге [8] С. А. Высоцкий снова останавливается на Софийской азбуке, которая представляет «либо какой-то вариант греко-славянского письма с четырьмя добавочными буквами, проникшего на Русь из Болгарии, либо, что менее вероятно, локальный вариант письменности, возникшей из греческого уставного письма на восточнославянских территориях» [8, с. 236]. «Росьски письмена» как докирилловское славянское письмо рассматривал и Э. Георгиев, несостоятельность теории которого показала Т. А. Иванова. Об отсутствии дохристианской письменности на Руси говорил В. Кипарский.

Выдвинутая в 30—40-е годы гипотеза А. Вайяна и Р. Якобсона о сирийском письме корсунских книг (слово *русьскими* рассматривается как метатеза слова *соурьскими*) была поддержана И. Гошевым, В. Кипарским, Г. Лантом, Б. Стипчевич. Вопрос о «русских письменах» еще ждет своего решения. Заслуживает внимания предположение о более поздней интерполяции соответствующего места в текст жития (А. С. Львов), мнение Р. Оти о том, что находка письмен в Херсонесе вымышлена, ее появление вызвано необходимостью соблюдения свойственной житию триады.

Наряду с проблемами славянской письменности извечной проблемой кирилло-мефодианы являются кирилло-мефодиевские переводы. В последнее время усиленно подчеркивается более значительная роль Мефодия в переводческой деятельности братьев. О его активном участии в переводах пишут К. Горалек, А. С. Львов. А. Е. Тахиаос говорит о кружке переводчиков, греков и славян, работавших под руководством Кирилла. Переводы создавались на Олимпе, в монастыре Полихрон.

Круг переводов и оригинальных произведений Кирилла и Мефодия исследовался многими учеными. Наибольшее внимание уделялось евангелию, которое принято считать первым переводом на славянский язык. Полный текст славянского евангелия был, по единодушному мнению, переведен братьями. Но как выглядел первоначальный текст перевода остается неясным, а это не позволяет установить греческий оригинал старославянского евангелия. А. Достал считает, что греческий образец найти невозможно, так как он был переработан в соответствии с общим планом создания славянской литургической литературы. Б. М. Метцгер предполагает, что славянский перевод Нового завета соответствует одной из

ранних византийских форм с значительным количеством западных и александрийских чтений. Н. Мольнар считает, что в основу славянского перевода евангелия легла греческая сирийская, называемая константинопольской или лукиановской, редакция.

Установлена последовательность работы Кирилла и Мефодия и их учеников над евангельскими текстами, соотношение апракоса и тетра, их редакций. Между исследователями здесь нет принципиальных разногласий, имеются лишь расхождения в деталях. Все единодушны в том, что Кирилл перевел краткий апракос, который был затем дополнен до тетра, впоследствии краткий апракос был доведен до полного. Схемы, отражающие последовательность евангельских переводов, даны в книге К. Горалека [9], в работах Й. Враны [10], Л. П. Жуковской, Л. Мошинского [11], О. Неделькович [12].

В капитальном труде К. Горалека об апракосах и четвероевангелиях на основе анализа лексики и грамматики исследуется соотношение апракоса и тетра, их отношение к греческому оригиналу, дается классификация евангельских кодексов. В своих работах К. Горалек прослеживает развитие кирилло-мефодиевского евангельского текста, особое внимание уделяет Саввиной книге. Круг интересов ученого в области кирилло-мефодияны очень широк: это и вопросы славянской письменности, текстологии и языка памятников, фонетики и лексики старославянского языка, кирилло-мефодиевских традиций в Чехии, литературы великоморавского периода.

Схема последовательности евангельских переводов польского ученого Л. Мошинского принята за основу в исследованиях советского кирилло-мефодиевиста Е. М. Верещагина, уделившего большое внимание и схеме О. Неделькович, которая на основе изучения лексических вариантов выделяет этапы работы Кирилла и Мефодия над текстами евангелия.

Эта схема критиковалась Л. П. Жуковской, которая считает недостаточным метод установления редакций на основе объяснения лишь части лексики, без учета материала, оставшегося вне приведенных сопоставлений. Л. П. Жуковская предлагает другое средство — предварительный текстологический анализ. Он, по ее мнению, создает особые возможности для лингвистического и культурно-исторического аспектов исследования.

Работы Л. П. Жуковской, с именем которой, как и с именем Е. М. Верещагина, связано возрождение кирилло-мефодиевских традиций русской науки в нашей стране, опираются на огромный материал рукописных книг X—XV вв., восходящих к первому славянскому переводу с греческого, и греческих VII—XII вв. Ее книга о текстологии и языке древнейших славянских памятников [13] является итогом многолетней деятельности автора в этой области. Исследование проводится лингво-текстологическим методом. На основе изучения различий в композиции и содержании чтений Л. П. Жуковская дает типологическую классификацию полных апракосов XII—XV вв. Принципиально важным автор считает открытие праздничного апракоса. Главным достижением книги является уточнение текстологической группировки списков славянского полного апракоса.

Истории текста апостола посвящены работы чешской исследовательницы З. Гауптовой, которая вслед за И. В. Ягичем относит апостол к той же переводческой школе, что и евангелие, и представляет его развитие как расширение краткого апракоса через полный апракос к полному тексту. Вопросы об авторе апостола она не решает, излагая лишь точку зрения С. М. Кульбакина о том, что перевод принадлежит Мефодию, а дополнен в послемефодиевское время и, возможно, связан с болгарской редакцией, и точку зрения Й. Вашицы о расширении текста в Великой Мора-

вии. З. Гауптова предполагает, что расширение текста происходило постепенно [14]. Проблемой структуры, редакций, хронологии апостола занималась и О. Неделькович.

Псалтырь переведен в Моравии с греческого, с редакции Лукиана (И. Вайс). Об использовании латинских образцов при переводе говорят И. Курц, Ж. Леписсье, М. Пантелич. По мнению И. Влашека, принципы и техника перевода псалмов были выработаны во время перевода апракосов, до прихода братьев в Моравию. По мнению же Е. М. Верещагина, сначала была переведена псалтырь, а затем при переводе евангелия или апостола из нее делались выписки, а не новые переводы. Л. Мошинский считает, что отрывки из псалтыри Кирилл включил в свой перевод апостола. И. Хамм устанавливает авторство Кирилла псалмов в Синайской псалтыри. О переводе псалтыри в Моравии говорит Ж. Леписсье. В Моравии же, по мнению Л. Штавлинина-Джорджевича, возник и полный октоих.

Гомилиар, по мнению Э. Благовой, был составлен в Моравии, автором гомилий были Кирилл и Мефодий, по мнению Д. Ивановой-Мирчевой — в Преславской школе.

Паримейник, сборник чтений из Ветхого завета, был переведен в начале деятельности Кирилла и Мефодия. Известный кирилло-мефодиевист И. Вайс предполагает, что паримейником пользовались уже в охридском глаголическом центре в начале X в., так как древнейшая кириллическая рукопись его носит следы глаголического подлинника.

«Отъчские книги», о переводе которых говорится в Житии Мефодия, по мнению большинства исследователей, и есть патерик. Перевод патерика принадлежит Мефодию (Т. А. Иванова, С. Николова), в основу перевода положены диалоги папы Григория IV (Ф. В. Мареш, Х. Ханник). Против Мефодия как переводчика патерика выступает Г. Биркфелльнер. На основе анализа грамматико-лексических явлений И. Русек мнение о переводе Мефодием сводного патерика отвергает и И. Русек.

Типология славянского патерика исследована О. Неделькович. Схема филиации текстов славянского перевода скитского патерика дана в статье Б. Йованович «Reški paterik». Патерику был посвящен специальный симпозиум в Вене (май, 1974 г.), организованный Славянским Институтом в Вене и австрийским Институтом Юго-Восточной Европы. Материалы симпозиума опубликованы в 24 томе загребского журнала «Slovo».

Большая литература существует по поводу «Закона судного людем». Автор «Закона» И. Вашица считает Кирилла. В. Прохазка говорит о школе Мефодия. Относительно происхождения «Закона» существует несколько гипотез: болгарская (М. Андреев, Б. Яновски), связывающая его с Болгарией царя Бориса; македонская (С. В. Троицкий), относящая составление «Закона» к времени княжения Мефодия в Стримоне; великоморавская (В. Прохазка, И. Вашица). Академик М. Н. Тихомиров, издатель (совместно с Л. В. Миловым) и исследователь «Закона судного людем», полагает, что гражданская часть краткой редакции носит черты болгарского происхождения, а покаянная — западного.

Переводы миней и триоди были сделаны учениками Кирилла и Мефодия. Постную триодь, по мнению Х. Кодова, перевел Климент Охридский. Болгарский ученый Г. Попов обнаружил неизвестный староболгарский цикл канонов на четвердесятницу, написанных акростихом, в тексте триоди и высказал предположение об авторстве Константина Преславского [15].

Говоря о создании Кириллом и Мефодием древнеславянской литературы, в первую очередь богослужебной, путем переводов с греческого, все исследователи подчеркивают совершенное владение как славянским, так

и греческим языком, высокообразованность и одаренность братьев, их подготовленность к сложной переводческой работе (например, Ф. Гривец, А. Достал). К. Горалек говорит о различных принципах перевода Кирилла и Мефодия: дословности переводов Мефодия и свободном, творческом переводе Кирилла [16].

Деятельность Кирилла и Мефодия в области создания литературы на славянском языке не ограничивалась переводами. Им принадлежат и оригинальные сочинения, такие как «Написание о правой вере», Канон Димитрию Солунскому, Проглас к евангелию. Последний некоторыми учеными (А. Вайян) приписывается не Кириллу, а Константину Преславскому. Наиболее спорным сочинением является Азбучная молитва. Во времена В. М. Ундольского, О. М. Бодянского, П. Шафарика господствовало мнение о том, что это произведение принадлежит Константину Преславскому. Но в конце XIX в. И. Малишевский, украинский писатель и ученый И. Франко² выступили с тезисом о Кирилле — авторе Азбучной молитвы. Сторонником этой точки зрения в наше время выступает Э. Георгиев, Ф. В. Мареш. Вопрос об авторстве Кирилла был пересмотрен Э. Г. Зыковым [17]. Азбучной молитве посвящена монография К. М. Куева [18], ранее выступившего с рядом статей на эту тему. На основе литературно-исторических, филологических, лингвистических и текстологических данных он утверждает авторство Константина Преславского. Мнение о принадлежности Азбучной молитвы Константину Преславскому высказывает и Ф. Гривец. Словенец Ф. Гривец, как и И. Вайс, посвятил свою жизнь кирилло-мефодиевской проблематике, изучение которой он начал в 1903 г. Он занимался житиями Кирилла и Мефодия, сочинениями солунских братьев, памятниками старославянской письменности, скрупулезно изучал факты жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. Нет, кажется, в кирилло-мефодияне ни одной проблемы, по которой не высказался Ф. Гривец. Библиография его кирилло-мефодиевских работ насчитывает 160 позиций. Наиболее значительным из всего сделанного ученым является критическое издание житий Кирилла и Мефодия (совместно с Т. Томшичем) и критическая их биография [19, 20, 21].

Кирилло-мефодияна была основной областью занятий чешского слависта Й. Курца, написавшего один из лучших учебников старославянского языка, инициатора создания Словаря старославянского языка ЧСАН, церковнославянского словаря, издателя старославянских памятников, исследователя старославянской лексики и грамматики.

Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия, их оригинальное творчество имели огромное значение для становления первого литературного языка славян. Традиционно, хотя может быть и не очень удачно, он называется старославянским. Болгарские ученые считают синонимами старославянский и староболгарский и настаивают на неправильности территориального ограничения последнего (Д. Иванова-Мирчева), отождествляя старославянский и древнеболгарский язык лишь на основе их генетической связи, что едва ли справедливо. При употреблении термина для названия языка Кирилла и Мефодия ученые исходят прежде всего из своей национальной традиции. У нас в последнее время стал шире употребляться термин, предложенный Н. И. Толстым. Его применяет Е. М. Верещагин, Н. А. Мещерский, М. М. Копыленко, посвятивший статью специально вопросу о том, как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности.

² Иван Франко слушал в Вене лекции В. Ягича, защитил докторскую диссертацию о Варлааме и Иоасафе. Он готовился к доцентуре во Львовском университете, прочел пробную лекцию, но не был допущен к преподаванию из-за своих политических взглядов.

Характеристика отдельных региональных изводов или редакций старославянского языка дается в ряде работ. М. Вейнгарт и Р. Вечерка говорят о чешско-славянской редакции. А. Вайян высказывает мнение о существовании западнославянской редакции на основе анализа Никодимова евангелия. Д. Иванова-Мирчева возражает против термина среднеболгарская редакция старославянского языка, поскольку признаком редакции является перекрещивание двух различных систем, а язык среднеболгарского периода характеризуется сохранением норм староболгарского языка и проникновением разговорных элементов. Югославские ученые В. Стипчевич, В. Папазисовска, Р. Угринова-Скаловска рассматривают македонскую редакцию. Г. Куна характеризует три типа старославянского языка сербохорватской редакции — восточный, западный и центральный, а Й. Хамм — четыре периода развития языка хорватской редакции. О книжнославянском языке румынской редакции говорит Г. Михаилэ.

Истории возникновения первого литературного языка славян, переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, принципам, приемам, технике перевода посвящен цикл новаторских работ Е. М. Верещагина «Из истории возникновения первого литературного языка славян», состоящий из трех книг [22—24] и ряда статей. Е. М. Верещагин сумел по-новому подойти к решению одной из традиционных проблем кирилло-мефодияны, применив к изучению древнеславянских текстов новейшие исследовательские методы и приемы: компонентный анализ значения, морфологическую теорию слова, грамматическую теорию моделей. Он использует лингвистическую теорию перевода, теорию билингвизма. Не отказываясь от текстологической и диалектологической методики, он считает необходимым внутренний лингвистический анализ древнейших славянских текстов.

В книгах о варьировании средств выражения в переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, о греческо-славянских лексических и грамматических вариантах автор выдвигает гипотезу о наличии вариантов уже в протографе, восходящем к Кириллу и Мефодию. Лексические варианты, составляя одну из существенных характеристик древнеславянского языка, предоставляют переводчику право выбора на уровне литературной нормы. Варьирование средств выражения является внутренним свойством древнеславянского языка, внутренней чертой переводческой техники Кирилла и Мефодия. Исследуются индивидуальные приемы перевода, случаи отказа от сложившейся переводческой техники, технике перевода противопоставляется искусство переводчика.

Е. М. Верещагин рассматривает семантическое и текстологическое объяснение вариативности. Его книги отличает тщательное изложение истории вопроса, доброжелательность в освещении чужих точек зрения, гипотез и теорий.

Вариативность мыслится обычно как явление, чуждое протографу, отделенное от него большим промежутком времени. Чаще всего она объясняется территориальной обусловленностью элементов лексической пары. Вместо непонятных в Моравии южнославянизмов вводились местные, моравские элементы (О. Неделькович), под воздействием речи помощников Кирилла и Мефодия в Великой Моравии вносились словацкие элементы (Я. Станислав), позднее моравские элементы заменялись болгарскими (Й. Курц). В плане приспособления лексики памятников старославянской письменности к местной моравской, а затем восточноболгарской речи рассматривает лексические варианты А. С. Львов, возражая против употребления терминов «первичная и вторичная лексика» и предлагая заменить их терминами «южномакедонизм, моравизм, восточноболгаризм». Бытованием текстов в древней Болгарии, правкой в Охридской и Преслав-

ской школах объясняют лексические варианты Э. Георгиев, Д. Иванова-Мирчева. Р. М. Цейтлин, исследуя дифференциацию старославянской лексики по памятникам, говорит о противопоставлении «охридское слово — преславское слово» в дублетных парах.

В 50—70-е годы были переизданы фототипическим способом или заново изданы памятники старославянского канона (Ассеманиево евангелие И. Курца, Клоцов сборник А. Достала, Синайская псалтырь М. Альтбауэра, переиздания, осуществленные Австрийской академией наук). Важным событием была находка Н. Демирчевой-Хафузовой кириллического пергаменного памятника XI в. — Енинского апостола — в с. Енине в Болгарии в 1960 г., который был издан К. Мирчевым и Х. Кодовым. Обзор изданий старославянских и церковнославянских памятников см. в обзоре А. Назор [25]. Супрасльскому сборнику был посвящен специальный международный симпозиум, состоявшийся в сентябре 1977 г. в г. Шумен, Болгария [26].

Развитие кирилло-мефодиевских традиций в славянских землях исследуется с разной степенью интенсивности. Особенно много внимания уделяют этой проблеме болгарские ученые. Деятельность учеников Кирилла и Мефодия, основанных ими школ письменности воспринимается как часть истории и истории культуры Болгарии, рассматривается как золотой век болгарской литературы. Этот этап подробно освещается во всех учебниках и пособиях по истории литературы.

1050-летний юбилей со дня смерти Климента Охридского дал импульс к исследованию его жизни и деятельности как продолжателя дела Кирилла и Мефодия. В Болгарии, Югославии, Греции появилось несколько посвященных ему сборников. Большинство работ касается его проповеднической, просветительской и литературной деятельности. К сожалению, меньше исследуются особенности языка и стиля Климента.

Кирилло-мефодиевские традиции в Моравии и Чехии, истоком которых была моравская миссия, преемственность старославянской письменной образованности в раннесредневековой Чехии Пршемысловичей активно разрабатываются чехословацкими учеными. Р. Вечерка, Б. Гавранек, А. Достал рассматривают старославянскую литературу великоморавского периода как начальный этап чешской культуры, подчеркивают значение кирилло-мефодиевских традиций для развития чешской культуры вплоть до периода возрождения. Им противостоит мнение Ф. Грауса, отрицающего серьезное значение великоморавской государственной и культурной традиции в жизни чешского общества. Граус говорит о разрыве Чехии X в. с культом Кирилла и Мефодия. Высказывания о расцвете славянской литературы и письменности в Чехии X в. появились, по его мнению, лишь в историографии XIX—XX вв. О быстром затухании кирилло-мефодиевских традиций в Великой Моравии говорит и австрийский ученый Ф. Загиба, который склонен преуменьшать роль Кирилла и Мефодия, подчеркивая искусственный характер созданного ими на других образцах языка, непонятного местному славянскому населению, существование основательной письменной традиции в Великой Моравии до моравской миссии.

Деятельности западных христианских докирилло-мефодиевских миссий в Великой Моравии посвящено большое количество работ чехословацких и других западноевропейских ученых. Западнохристианские миссии принесли молитвенные тексты, выработали религиозную терминологию (А. Достал, Я. Станислав), о баварской миссии пишут В. Вавржинек, Ф. Граус, Ф. Загиба, о баварско-истрийской — М. Застерова, о далматинско-истрийской — В. Вавржинек, о готско-арианской — Е. Моор, об ирландско-шотландской — Ф. В. Мареш (по данным лексики),

Й. Цибулька (по археологическим данным), о франкской — П. Раткош. Преувеличение значения западных христианских миссий и преуменьшение значения моравской миссии Кирилла и Мефодия, принижение значения их деятельности в области создания первого славянского языка подробно освещается в примечаниях к книге Е. М. Верещагина о переводческой технике Кирилла и Мефодия [24]. Важность кирилло-мефодиевских и великоморавских традиций чешской культуры, их роль в формировании чешского и словацкого народов, в борьбе с германизацией рассматривается в цикле исследований чехословацкого ученого Р. Вечерки. В своей книге он говорит о том, что до Кирилла и Мефодия славянской письменности в собственном смысле слова в Моравии не существовало, что в результате их деятельности старославянский язык стал богослужебным языком и приобрел характер «великого культурного языка» средневековой Европы. Литературу великоморавского периода Р. Вечерка считает началом чешской и словацкой письменности, образованности и культуры и вообще «общеславянской начальной стадией культурного и литературного развития». Он анализирует старославянский язык с точки зрения влияния греческого языка, с одной стороны, и влияния языковой среды Великой Моравии и Паннонии, с другой; и церковнославянский язык чешской редакции. Ф. В. Марешу принадлежат текстологические и лингвистические исследования памятников чешской редакции: песни «Господине, помилуй ны» и Пражских отрывков, докирилло-мефодиевских миссий в Великой Моравии.

Исследование кирилло-мефодиевских традиций в Польше сосредоточивается на выяснении вопроса о том, существовала ли славянская литургия в IX—X в., славянская митрополия. Известный польский историк, археолог и лингвист, много занимавшийся проблемами славянской письменности, Т. Лер-Сплавинский посвятил ряд работ христианизации Польши. Т. Лер-Сплавинский считает, что исторические источники не дают сведений о деятельности Мефодия на территории Малой Польши, что если славянская литургия и существовала, то нельзя говорить о ее широком распространении, существенном влиянии на формирование религиозно-политических и культурных отношений в древней Польше. М. Лясков отрицает кирилло-мефодиевскую литургию в древней Польше. Большинство же ученых высказывается за существование славянской литургии (Б. Гавранек, К. Ланцкороньская, Г. Пашкевич, С. Роспонд, А. Стендер-Петерсен). Т. Милевский датирует ее 880—1079 гг., З. Суловский упоминает о деятельности Мефодия в княжестве вислян. Я. Уминьский дает очерк распространения у славян «мефодиевского» христианства, характерными чертами которого были славянский язык, славянский алфавит, своеобразный обряд, сочетающий византийские и римские черты, и зависимость от Рима. Он приводит аргументацию существования его в Польше IX—X вв. Л. Мошинский, рассмотрев дискуссионные вопросы этой проблемы, присоединяется к мнению о существовании славянской литургии в Польше, но подчеркивает, что это остается только гипотезой, требующей подтверждения историческими фактами.

Как свидетельство прочности кирилло-мефодиевских традиций рассматривается существование славянской литургии и глаголической письменности в Хорватии и Далмации. Они связываются непосредственно с Мефодием или его учениками, которые по дороге из Венеции посетили северное Приморье (С. Грачиотти, М. Пантелич, Ц. Рихтман, В. Штефанич). Славянскую литургию и глаголицу у хорватов в IX в. как противодействие латинскому обряду рассматривает Й. Хамм.

Кирилло-мефодиевским традициям в Сербии и у восточных славян не уделялось особого внимания.

Относительно кирилло-мефодиевских традиций в Венгрии имеются и положительные и отрицательные мнения. Решительно отрицал наличие кирилло-мефодиевских традиций в Венгрии И. Книежа. И. Х. Тот признает их существование в X—XII вв. в результате деятельности славянского духовенства.

Мы рассмотрели основные аспекты современной кирилло-мефодианы. Нужно признать, что они находятся в русле исследований прошлого и начала нынешнего века, традиционность этой области науки сохраняется.

Трудно сказать, на каком пути кирилло-мефодиану ждут новые открытия. Может быть, на пути выработки новой методики, комплексного филологического и историко-культурного подхода к объектам исследования, поисков новых фактов, более широкого обращения к рукописному материалу, создания обобщающих трудов по основным кирилло-мефодиевским проблемам, научно-комментированных изданий источников, памятников письменности. Несомненно одно: кирилло-мефодиевская проблематика не исчерпала себя, еще многие интересные вопросы ждут своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Можалева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974 гг. М., 1980, 223 с.
2. *Tkadliček V.* «Právníci» v Životě Metodějově.— Slovo, 1972, № 22.
3. *Tkadliček V.* Le moine Chrabr et l'origine de l'écriture slave.— Byzantinoslavica, 1964, № 1.
4. *Кыев К. М.* Черноризец Храбръ. София, 1967, 454 с.
5. *Кыев К. М.* Към въпроса за началото на славянската писменост.— Годишник на Софийския ун-т, филол. фак., т. 54, 1959—1960, кн. 1.
6. *Mošin V.* Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama.— Slovo, 1973, № 23.
7. *Соломонович Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, 179 с.
8. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. По материалам граффити XI—XVII вв. Киев, 1976, 455 с.
9. *Horálek K.* Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, 316 s.
10. *Vrana J.* O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovenskih evanđelja.— Slavia, 1957, № 3; 1960, № 4.
11. *Mozuński L.* Pokrewieństwo najstarszych staro-cerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych w świetle statystyki słownikowej.— Slavia occidentalis, t. 27, 1968.
12. *Неделькович О.* Редакције старословенског јеванђеља и старословенска синонимика.— Кирил Солунски, кн. 2, 1970.
13. *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, 368 с.
14. *Наупиовá Z.* Vývoj textu staroslovenského apoštola z hľadiska lexikálnej analýzy.— Slavia, 1978, № 1.
15. *Попов Г.* Новооткрита оригинална старобългарска част в текста на триода.— Български език, 1978, № 6.
16. *Horálek K.* K překladatelské činnosti Metodějově.— Slavia, 1956, № 2.
17. *Зыков Э. Г.* К вопросу об авторе «Азбучной молитвы».— Изв. на Ин-та за българска литература, кн. 9, 1960.
18. *Кыев К. М.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974, 361 с.
19. *Grivec F.* Zitijsa Konstantina in Metodija. Viri.— Zitijsa Konstantina.— Zitijsa Metodija.— Pohvala SM.— Italska legenda — Friziški spomeniki. Ljubljana, 1951, 178 s.
20. *Grivec F., Tomšič T.* Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes.— Radovi, 4, 1960.
21. *Grivec F.* Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, 271 s.
22. *Верещагин Е. М.* Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, 199 с.
23. *Верещагин Е. М.* К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. М., 1972, 50 с.
24. *Верещагин Е. М.* Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, 255 с.
25. *Nazor A.* Izdavanje glagoljskih i ćirilskih jezičnih spomenika poslije Nachtigala.— Slovansko jezikoslovje. Nachtigalov zbornik. Ljubljana, 1977.
26. *Проучвания върху Супрасълския сборник.* Старобългарски паметник от X век. Доклади и разисквания пред Първи международен симпозиум за Супрасълския сборник. София, 1980, 222 с.

ДУЛИЧЕНКО А. Д.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ

Микроязыки (МЯ) и литературные микроязыки (ЛМЯ) в частности — далеко не новое явление в лингвистической ситуации Европы, так как история развития отдельных из них исчисляется многими веками, т. е. точно так же, как история многих национальных литературных языков (НЛЯ). Случилось так, что внимание исследователей было преимущественно направлено на языки наций, имеющих богатые культурные традиции и внесших весомый вклад в мировую цивилизацию, в то время как МЯ из-за своей «малости» и, как считают некоторые, «бесперспективности» долгое время оставались в забвении. Лишь в последние полтора-два десятилетия в связи с интенсивным развитием во многих частях Европы региональных культур, часто выражающихся в культивировании собственного литературного языка (ЛЯ), МЯ стали привлекать к себе интерес отдельных исследователей. В большей мере это относится к микроязыковому миру современной Романии (каталанский и галисийский, сардинский и фриульский, провансальский и валлонский, англо-нормандский; ретороманский, состоящий из 6 ЛМЯ, называемых иногда, если хотят показать их отношение к общеретороманскому ЛЯ, существующему в абстракции, вариантами НЛЯ, т. е. ретороманского, — сурсельвский, сутсельвский, сурмиранский, верхне- и нижнеэнгадинский, мюнстерский), в меньшей — к германским (фарерский, так называемые швейцарско-немецкий, люксембургский и др.) и славянским ЛМЯ (СЛМЯ).

Большинство СЛМЯ как в отечественной, так и зарубежной славистике до сих пор не только не были предметом специального исследования¹, но более того — попросту неизвестны широкому кругу славистов (что отчасти объясняется почти полным отсутствием в фондах наших крупнейших библиотек изданий на МЯ)². Работы отдельных авторов по тем или иным частным вопросам в целом не меняют положения. Между тем СЛМЯ представляют большой интерес и ценность как для славистической науки, так и для лингвистики в целом. Изучение причин и условий их возникно-

¹ Впервые проблематика «малых» языков (в функциональном плане) была поставлена в докладе Н. И. Толстого на конференции, посвященной славянским литературным языкам (СЛЯ) донационального периода, состоявшейся в 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР [1, с. 14—16]. Можно отметить также солидную монографию о старом градищанско-хорватском ЛМЯ [2]; работы автора настоящей статьи по русинскому языку [3]; предпринятую им же серию «Славянские литературные микроязыки» в Уч. зап. Тартуского ун-та (с 1979 г.) и некоторые другие.

² Показательно, что акад. В. В. Виноградов фиксирует в Славии лишь два ЛМЯ («областных, локальных ЛЯ») — чакавский и кайкавский, в то время как ни восточные, ни западные, ни македонцы, болгары и словенцы, как он утверждал, таковых не имеют [4, с. 32].

вения, становления их письменности и лексико-грамматических систем, вопросов «завоевания» ими тех или иных функциональных сфер — все это позволит выявить многие неясные моменты в истории формирования НЛЯ, особенно тех из них, которые имеют многовековую традицию и тем самым оказываются недоступными для непосредственного наблюдения, если речь идет о ранних этапах их развития [1, с. 14]. Материал СЛМЯ может быть привлечен для разработки вопросов теории ЛЯ вообще и СЛЯ в частности, при создании типологии СЛЯ и их сопоставительном изучении; генеалогическая классификация славянских языков может быть уточнена и дополнена включением в нее некоторых МЯ. Вне лингвистических рамок знание о СЛМЯ важно при сравнительном изучении культур малых народов и групп, при исследовании соотношения язык — этнос и др. Наконец, важно учесть и насущную необходимость представить по возможности полную картину славянского языкового мира, закрасить на лингвистической карте Славии еще имеющиеся белые пятна и пятнышки (ср. в этом плане задачи, которые ставит ОЛЯ).

Как и ЛЯ вообще, СЛМЯ характеризуются диалектно-говорной связью с достаточно обособленной (матичной или островной) территорией, наличием письменной формы (практики), большей или меньшей степенью нормированности и, наконец, использованием в ряде сфер традиционного применения ЛЯ, однако более ограниченно и всегда наряду с каким-либо НЛЯ, генетически родственным или неродственным вовсе. Два последних признака отчетливо осознаются на фоне НЛЯ, ставя в то же время СЛМЯ иерархически на ступень ниже. Иерархичность отношений между НЛЯ и лингвистическими образованиями, обозначенными нами как СЛМЯ, видна на противопоставлении таких внутренних признаков, как наличие строгой нормированности у первых и менее строгой — у вторых (здесь важно конкретизировать: нестабильные нормы одной группы ЛМЯ стремятся к «строгости», в то время как норма других ЛМЯ развивается в индивидуально-узусном плане, приближаясь в значительной мере к диалектной норме), функционирование развитой устной нормы у НЛЯ и отсутствие (или слабая развитость) таковой у СЛМЯ, поскольку здесь устная норма либо приближена к диалектно-говорной речи, либо тождественна ей; в е ш н и х п р и з н а к о в, из коих существенными представляются: функциональная поливалентность НЛЯ и ограниченность функционального спектра СЛМЯ, широта функционального спектра (или жанровая неограниченность) у первых и его узость (жанровая ограниченность) у вторых [1]. Компонент микро- в составе термина «микроязык» призван подчеркнуть лишь экстралингвистические черты такого ЛЯ: небольшой ареал диалектно-говорной основы, небольшое число носителей, скромные возможности функционального использования. В пределах Славии выделенные признаки характеризуют следующие ЛМЯ или (при слабости литературно-языкового процесса) их проекты: 1) *русинский*, или *югославо-русинский*, распространенный в Бачке, Среме и Славонии (Югославия); пользуется ок. 30 тыс. чел.; культурные центры — Руски Керестур и Нови Сад; 2) *градицанско-хорватский* — в земле Бургенланд (гр.-хорв. Градище) и в Вене (Австрия); ок. 35 тыс. чел.; культурные центры — Эйзенштадт, а также Вена; 3) *молизско-хорватский*, или *молизско-славянский*; бытует в Молизе (Италия), ок. 5 тыс. чел.; 4) *прекмурско-словенский*; в Прекмурье (северо-восточная Словения, близлежащие р-ны Венгрии и Австрии); прекмурских словенцев ок. 90 тыс. чел.; затухающий ЛМЯ; 5) *чакавский*; адриатическое побережье от Пелешца до Истрии, в Хорватском Приморье (Югославия); культурные центры — Сплит, а также Риека; 6) *кайкавский*; в р-не Загреба, Вараждина, Бьеловара, частично в Истрии и Горском Котаре (Югославия); основной культурный центр —

Загреб; 7) *банатско-болгарский*; в Банате (северный Банат — Румыния, южный — Югославия); 15 тыс. чел.; затухающий ЛМЯ; 8) *кашубский* — в Гданьском, Быдгощском и кошалинском воеводствах (Польша); ок. 300 тыс. чел.; основной культурный центр — Гданьск; 9) эксперименты О. Лысогорского по созданию *литературной ляштинь* на основе силезских говоров Чехословакии и Польши; 10) так называемый *восточнославянский* — в Восточной Словакии (Чехословакия); эксперименты по созданию этого ЛМЯ во время второй мировой войны угасли; 11) *карпаторусинский* или «язычие»; в прошлом — в Закарпатье, в настоящее время — в США (штаты Пенсильвания, Нью-Йорк, частично также Коннектикут, Нью-Джерси); 12) проекты создания ЛМЯ на *резьянской основе* в Резии (Италия); резьян-словенцев — 3 тыс. чел.³

С точки зрения локальных связей СЛМЯ располагаются как в ареале славянских, так и неславянских языков. Прежде всего наличием ЛМЯ отличается южнославянский ареал, менее — западнославянский, в то время как на восточнославянской языковой территории в настоящее время их уже нет (до войны функционировал лишь карпаторусинский, или «язычие», в рамках распространения закарпатско-украинских говоров). При этом важно указать на то, что одни из них выступают в виде языковых островов, являющихся результатом миграций в прошлом, в то время как другие функционируют в матичном ареале, т. е. не отрываясь от своего генетического корня и ареала. Так, на южнославянской почве островным является русинский (в сербско-хорватском окружении); чакавский и кайкавский как диалекты и как областные ЛЯ являются матичными, причем чакавщина, так же как прекмурщина, отличается периферийностью (т. е. лишь одной стороной обращена к своему генетическому корню). В ареале западнославянских языков островных ситуаций нет. Здесь кашубщина издавна соприкасается своей южной стороной с польским языком, в то время как северной выходит к Балтийскому морю и в этом смысле напоминает чакавщину и прекмурщину. Ляштина относится к чешско-польскому (resp. польско-чешскому) переходному (смешанному) ареалу, а восточнославянский имеет соприкосновение с украинским и, слабее, с польским. Остальные СЛМЯ функционируют в неславянском окружении. Во всех случаях здесь типично островная ситуация: молиско-хорватский находится с XV—XVI вв. в итальянском море, резьянский соседствует с итальянским и фриульским; в английском языковом окружении в настоящее время карпаторусинский, «экспортированный» в США в последней трети XIX — первой трети XX в. и сменивший в 30-е годы кириллицу на латиницу словацкого типа [6]; в австрийско-немецком — градишанско-хорватский (соприкасается также с венгерским); банатско-болгарский остров, образовавшийся в результате переселения болгар-католиков в первой половине XVIII в., является самым поликонтактным: отдельными своими частями он связан с румынским, венгерским, сербско-хорватским и даже немецким матичными или островными ареалами. В генетическом плане каждый из микроязыков-диалектов восходит либо к одному из крупных славянских языков (в этом случае можно говорить о сохранении более или менее четких диалектных связей), либо имеет с таким языком (языками) отдаленную степень родства (здесь, следовательно, связи сильно ослабли, стерлись).

К южнославянской группе относятся: градишанско-хорватский, молиско-хорватский, чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, резьянский и банатско-болгарский. Первые четыре восходят к хорватскому

³ Известна также попытка венецианских словенцев создать собственный ЛЯ, однако она не увенчалась успехом. Велась работа по созданию так называемого эгейско-македонского ЛМЯ (в Эгейской Македонии, Греция), вплоть до опыта (1953) кодификации [5].

диалектному источнику, причем градищанский оказывается осколком чакавского диалекта, однако от этого последнего он значительно отличается тем, что в изолированном, островном, положении испытал влияние окружающих — немецкого и венгерского — языков, развил в себе новые черты, к которым примешиваются также отдельные (незначительные) кайкавские и штокавские признаки — из-за присутствия в градищанском ареале части кайкавцев и штокавцев. Молизско-хорватский в основе штокавский икавского типа, хотя и несколько чакавизированный; гетерогенность его основы связана с позднее усвоенными итальянскими элементами. Кайкавщина исторически обнаруживает связи со словенскими говорами. Прекмурщина и резьянский являются словенскими диалектами, причем первый оказывается в прочных связях с кайкавщиной, а резьянский отличается большой архаичностью, поскольку развивается в течение длительного времени изолированно от словенского диалектного континуума и испытывает более, чем другие словенские диалекты, романское влияние. Банатско-болгарский является результатом смешения в ситуации острова и нового иноязычного окружения юго-восточного и северо-западного диалектов; новое диалектное образование обнаруживает с основным болгарским диалектным континуумом достаточно свежие и четкие связи.

На западнославянской почве возникло три опыта ЛМЯ. Кашубский, согласно авторитетному мнению Э. Штибера, в древности занимал промежуточное положение между лехитской (полабский и поморский) и восточной (польский) подгруппами; первоначально незначительные, различия в дальнейшем углубились, и это продолжается до наших дней, хотя не следует упускать из виду, что изначальное соседство с польским влияет на сохранение и выработку в кашубщине общих кашубско-польских черт. В основу лясского лингвопроекта взят верхнеостравский говор лясского (силезского) диалекта чешско-польского (resp. польско-чешского) типа; восточнословацкий литературно-языковой эксперимент базируется на земплинской (конфессиональный вариант) и шарышско-спышской («мирской» вариант) разновидностях восточнословацкого диалекта.

Восточнославянским является карпаторусинский, выступающий во множестве вариантов; в целом его диалектная основа закарпатскоукраинская, хотя имеются и варианты, базирующиеся на материале русского и церковнославянского ЛЯ. Генетическая основа югославо-русинского еще не выяснена до конца; в целом ее можно считать гетерогенной — восточнославянско(закарпатскоукраинско)-западнославянской (восточнословацкой). В генеалогической классификации славянских языков его следует помещать между восточнославянской и западнославянской группами.

Сказанное относительно генетического источника СЛМЯ ставит перед нами вопрос: можно ли говорить, что за каждым СЛМЯ либо его проектом стоит какой-то этнос? Соотношение «язык как макросистема (т. е. диалектно-разговорный язык + ЛЯ) и пользующая им нация (народность)», характеризуя большинство этно-языковых ситуаций, все же не является абсолютным: так, сербско-хорватским/хорватско-сербским языком пользуются четыре южнославянских народа — сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы-мусульмане (т. е. здесь ситуация «один язык — четыре народа», что известно ряду ситуаций вне Славии). В целом, как справедливо заметил С. Б. Бернштейн, обратившись к южнославянскому примеру [7], НЛМЯ в современной Славии меньше, нежели славянских наций.

Если говорить о СЛМЯ, то рассматриваемое соотношение здесь выглядит так: каждому ЛМЯ соответствует культурно-языковая, этно-языковая либо этническая группа (общность) как ответвление от крупного славянского этноса-нации. Этно-языковые группы составляют острова, на-

зываются в пределах государств, в которых они находятся, национальными меньшинствами. Таковы градищанские хорваты, банатские болгары и др. (в отличие от корня-этноса, они характеризуются некоторой этнической и языковой отдельностью; ср. также наличие у них собственных ЛЯ либо их проектов). Культурно-языковые группы остаются в пределах матичного ареала и выделяются в его рамках лишь местными особенностями культурно-исторического и языкового (диалектного) характера — таковы чакавцы, прекмурцы и др. И островные, и матичные ответвления считают себя неразрывной частью соответствующих славянских этносов-наций: банатские болгары — болгар, чакавцы, кайкавцы, градищанские и молизские хорваты — хорватов и под. Связи этно-языковых групп и групп культурно-языковых с соответствующими этносами неравнозначны: у первых они слабее по причинам географической удаленности и, следовательно, изолированности, иноязычного и инонационального окружения; в этом случае ЛМЯ является надежным мостом, соединяющим этно-языковую группу и соответствующий этнос-нацию⁴. Таким образом, увеличение за счет ЛМЯ общего числа СЛЯ и то, что число СЛЯ превышает число славянских наций (народностей) является фактом, объективно отражающим этно-языковую ситуацию современной Славии⁵. Можно даже утверждать, что в Европе указанное соотношение характерно только для Славии, тогда как в Романии, например, за большинством ЛМЯ стоит соответствующий этнос (исключение — ретороманский).

В свете сказанного понятным становится обязательное употребление при термине «микроязык» компонента «литературный» (исключение — русинский и кашубский). Термин ЛМЯ выбран нами не случайно, поскольку все имеющиеся к настоящему времени термины для обозначения рассматриваемых языковых образований либо не покрывают всего разнообразия таких систем, либо оказываются вовсе негодными. Термин «славянские региональные ЛЯ» подчеркивает локальность ЛЯ по отношению к НЛЯ, однако им можно обозначить лишь часть ЛМЯ. Термин «региональный» (диалектный) вариант ЛЯ предпочтительнее использовать применительно к донациональному периоду. Термины «национальный вариант/разновидность (ЛЯ)», «вариант национального языка (ЛЯ)» и под. к нашей ситуации не подходят, так как здесь речь идет о НЛЯ и соответствующих нациях; термин «вариант языка (ЛЯ)» подразумевает две и более разновидности, базирующиеся на одном основании и обладающие равным (функциональным) статусом, ср. сербский (белградский) и хорватский (загребский) варианты сербско-хорватского/хорватско-сербского языка (ЛЯ); в этом термине явно не вмещаются югославо-русинский и кашубский; островные и матичные ЛМЯ не совпадают с соответствующими НЛЯ по диалектной основе, а в функциональном плане стоят на несколько ступенек ниже.

⁴ На диалектном уровне такие связи слабее [8].

⁵ В 1934 г. О. Лысогорский выпустил первый ляхский сборник стихов «Spřiwajuso pŕiašć» («Поющий кулак»), за которым последовали другие сборники, благожелательно встреченные левой чешской критикой; его стихи регулярно печатались в довоенной коммунистической печати. При этом уже тогда появился сдерживающий фактор в виде развивавшейся О. Лысогорским идеи особого «ляшского народа», которая подверглась резкой критике. После войны О. Лысогорский отказался от этой идеи, оставшись, однако, на позициях литературной ляхтины. Его стихи, количество которых достигает 900, переведены на многие языки мира и изданы отдельными сборниками (в том числе четыре сборника вышло на русском языке); в 1958 г. пражское издательство «Československý spisovatel» выпустило большой том его избранных ляхских стихов «Aj lašské řěku pŕunu do mořa». Так возник лингвистический парадокс: один литературный язык — один человек! Эта исключительно необычная ситуация ставит литературную ляхтину, разумеется, в совершенно особое положение между современными СЛМЯ и их проектами. Рассмотрение этого лингвистического феномена не следует выносить за рамки категории, называемой «литературный язык».

Термин «литературный диалект» ориентирует на представление о перспективной подсистеме, которая должна находиться в одном и том же измерении по отношению к соответствующему ЛЯ: это лишь узко локальный, вспомогательный инструмент, который имеет только одно назначение — литературно-художественный текст, притом, как правило, неразрывно связанный с местными фольклорными традициями. ЛМЯ — шире в функциональном плане и глубже по своим внутрилингвистическим характеристикам. ЛМЯ стремится к выработке койне и нормы (хотя, правда, у некоторых из них этот процесс до конца реализоваться не может); в этой связи наблюдается значительное обогащение словаря и усложнение грамматического и прочих уровней, часто за счет заимствований, а также обращения к предшествовавшей литературно-языковой традиции, что чуждо литературному диалекту. В ЛМЯ действует тенденция приблизиться в структурном и функциональном отношении к соответствующему НЛЯ. Термином СЛМЯ покрывается все фактическое многообразие ЛЯ, не вошедших в список СНЛЯ. Структурное и функциональное разнообразие ЛМЯ, их несхожесть и неравноценность друг по отношению к другу — это свойства объективного порядка (и среди НЛЯ есть языки с предельно широким и более скромным функциональным спектром, с достаточно высокой структурной организацией и допуском большой вариантности форм и т. д.).

Возникновению СЛМЯ способствовали следующие условия и факторы: компактность среды, в которой возникал проект ЛЯ, и связанная с этим территориальная обособленность от основного диалектного континуума; сознание культурно-языковой, этно-языковой и этнической специфичности; религиозно-политическая и пр. изоляция группы от того или иного национального этноса; факт сложности «диалектного ландшафта», вынуждающий обращаться к поискам ЛЯ на более близкой или «средней» говорной основе; наличие литературно-языковых предтрадиций как на родственном, так и неродственном ЛЯ; наконец, субъективный фактор — наличие среди интеллигенции энтузиастов, способных дать толчок к организации литературно-языкового процесса на своем диалекте. Количественный фактор не является решающим (ср., с одной стороны, 3 тыс. резьян и ок. 5 тыс. молизцев, с другой — 30 тыс. русин, 35 тыс. градищанцев и т. д.), хотя он и может оказать влияние на потенциальные возможности литературно-языкового процесса. Перечисленные условия и факторы действовали в различной комбинации. Все СЛМЯ имели литературно-языковую предтрадицию, которая обеспечивала условия для экспериментов по применению родной речи в роли ЛЯ; многие ЛМЯ как бы выросли из таких предтрадиций: прекурщина — из кайкавской и словенской протестантской, градищанский — из истрийско-приморской чакавской и словенской протестантской и под. Для таких старых ЛМЯ, как градищанский, прекурщина, кашубщина и некоторые другие, мощным импульсом был протестантизм (XVI в.). Национальное возрождение славянских народов XIX в. вызвало к жизни молизско-хорватские и банатско-болгарские эксперименты и воздействовало на развитие градищанского и кашубского ЛМЯ; внимание научной общественности стимулировало работу над созданием молизско-хорватского и югославо-русинского (в конце XIX — начале XX вв.); оно оказало также воздействие и на работу по развитию кашубского ЛЯ. Субъективный фактор сыграл существенную роль в создании молизско-хорватского (деятельность Дж. де Рубертиса), русинского (Г. Костельник), кашубского (Ф. Цейнова), банатско-болгарского (И. Берек). Что касается матичных ЛМЯ, то они развивались в несколько иных условиях, пережив этап региональных вариантов того или иного создающегося НЛЯ. В донациональный период эти варианты, одни более, другие

менее активно, вступали в «лингвокультурный спор» — в конкуренцию друг с другом с целью стать основой формирующегося общенационального ЛЯ. Наряду с конкуренцией, в отдельные периоды шел противоположный процесс — взаимодействия и взаимовлияния. Так, первым ЛЯ хорватов (с XII—XIII вв.) был чакавский (одновременно это и самый старый ЛМЯ). Конкуренты чакавщины появляются позже, когда этот ЛЯ пережил расцвет (XV—XVI вв.), а затем и последовавшее за ним затухание (XVII—XVIII вв.). Чакавщина состояла в конкуренции с дубровницким ЛЯ на йекавско-штокавской основе, однако взаимодействия между ними было больше: неслучайно в стародубровницком некоторые исследователи видят икавско-чакавский субстрат, а в чакавщине обнаруживают следы тесных контактов со штокавщиной Дубровника. С XVI в. начинает оформляться кайкавский вариант хорватского ЛЯ, в начале XVII в. — боснийский, а с XVIII в. — славонский (оба на икавско-штокавской основе). В XVII и XVIII вв. варианты на штокавской основе активно взаимодействуют, и как результат этого штокавщина вступает в борьбу с кайкавщиной, в то время как чакавщина к XVII—XVIII вв. переживает угасание, а в XIX в. полный спад. Штокавщина преимущественно боснийского и дубровницкого типа уже к концу XVIII — началу XIX вв. доминирует и становится языковой основой общехорватского ЛЯ. Кайкавщина продолжала борьбу за приоритет и в XIX в. и даже тогда, когда стало ясно, что созданный деятелями иллиризма общий ЛЯ на штокавской основе прочно занял свои позиции и действительно становится единым языком хорватской нации. В истории СЛМЯ нет другого языка, подобного кайкавскому, который с таким упорством и ожесточением отстаивал бы свое право на роль ЛЯ нации и право вообще на свое функционирование. (Ср. деятельность Т. Миклоушича и «последнего кайкавца» И. Кристияновича, издавшего в 1837 г. последнюю кайкавскую грамматику, а в 70-е годы — последние кайкавские книги) [9].

Считается, что создание общенационального ЛЯ означает прекращение «жизни» региональных вариантов. Так было с большинством вариантов, однако не со всеми. Действие некоторых из названных уже факторов способствовало удержанию региональных вариантов, их функционированию наряду с НЛЯ и превращению, таким образом, в ЛМЯ. Так, религиозная, политическая и другие виды изоляции сохранили прекурцину и восточнословацкий; возрождение в начале XX в. чакавщины и кайкавщины уже в новом структурном качестве (т. е. в приближении к диалектно-говорной норме) и в новом функциональном (в основном «поэтическом») назначении вызывается необходимостью связать человека с родным краем, отвлечь от ностальгии, возродить прошлую культурно-языковую традицию, зафиксировать родное («естественное») слово, пока оно не исчезло, освежить древним языком (диалектом) НЛЯ и под. Важно при этом подчеркнуть, что по своим внутренним и внешним характеристикам новокайкавский и новочакавский ЛМЯ находятся в отношении дополнительности к ЛЯ хорватской нации на штокавской основе и не могут стать конкурентами НЛЯ; напротив, последний благотворно воздействует на свои региональные ЛМЯ, а те, в свою очередь, «освежают» утвердившийся стандарт.

НЛЯ складывались обычно на основе городских диалектно-разговорных койне — то же самое наблюдается и в случае со старочакавским (Сплит, Хвар, Задар) и старокайкавским (Вараждин, Загреб) ЛЯ, составленными вместе со штокавскими руслами донациональную историю ЛЯ хорватов. Для большинства СЛМЯ городское койне нехарактерно, поскольку для его создания необходима была концентрация носителей разных говоров в одном центре, а этого не наблюдалось. Можно сослаться на гете-

рогенный, не выравненный на уровне диалектно-говорного койне, характер (фонетики и др.) банатско-болгарского (*сын — син, дубѣл — дибѣл, глуф — г лух* и под.), русинского (*мера — мира, вони — вонї, ещи — ище, штрѣднї — стрѣднї*) и др. Здесь уместнее говорить о литературно-языковом койне, которое включает, наряду с основным диалектно-говорным компонентом, и компоненты ЛЯ предшествующих традиций, новые заимствования, индивидуальное слово- и формотворчество и т. д., и которое складывалось усилиями создателей литературно-языкового процесса. Наибольшую близость к диалектно-говорным основам (и нормам) проявляют современные кайкавщина, чакавщина и кашубщина, поскольку литературно-языковое койне в целом здесь так и не сформировалось. Здесь каждый писатель опирается главным образом на родной говор, углубляется «вовнутрь», однако — сознательно или нет — он в то же время пытается выйти за тесные рамки говора, с тем, чтобы быть широко понятым. В настоящее время можно говорить лишь о возможности выработки узкого «поэтического» койне, к которому идут, например, кайкавщина и чакавщина, двигаясь «по синхронии» (собственный говор, другие говоры данного диалекта, элементы индивидуального слово- и формотворчества и под.) и «по диахронии» (связь с литературно-языковой традицией прошлого). Сюда следует добавить развернувшуюся в последние годы филологическую работу над чакавским и кайкавским словом, создание диалектных словарей, которые становятся общим источником для пишущих, и под. В общих чертах этот процесс характерен и для кашубского [10].

Начальный период развития каждого ЛМЯ характеризуется наличием так называемой практической нормы, или преднормы⁶, которая готовила почву для появления кодифицированной («сознательной») нормы. Но уже преднорма подвергалась своеобразной кодификации — текстовой, или скрытой (первичные тексты, следуя которым создают тексты на родном языке; образцы текстов в различных изданиях и т. д.), и неполной («лингвистические обращения» относительно нормы, обнаруживающиеся в предисловиях, послесловиях и т. д., рассуждения о «правильности» слов, форм и т. п.). Специальные графико-орфографические, лексикографические и грамматические кодификации имеют почти все СЛМЯ (исключение — слабый резьянский опыт, современные чакавщина и кайкавщина, япшский эксперимент О. Лысогорского). Ср. данные в табл. 1.

Выявляется весьма существенная закономерность, заключающаяся в том, что ЛМЯ, пережившие этап региональных вариантов, приходили к специальным кодификациям многие века спустя, в то время как ЛМЯ, возникновение которых падает на период после возрождения славянских народов (XIX в. и позднее), предпринимали кодификации вскоре после появления своих первых текстов; кодифицирующие руководства одиночек, страдавшие неполнотой материала и субъективным подходом к нему, начинают уже в XIX в. заменяться коллективным решением кодификационных вопросов (у банатских болгар в XIX в. этим специально занимается Винговское учительское общество; в настоящее время специальные языковые комиссии имеются у кашубов, югославских русин и др.) — тем самым повышается вероятность обязательного следования выработанным нормам, хотя, в отличие от НЛЯ, все еще сохраняется сильное варьирование языковых элементов. Причем, если вариантность НЛЯ вызывается главным образом внутриязыковыми причинами (действие аналогии, тенденция к экономии и пр.), тогда как действие внешних причин сведено на нет [13], то для СЛМЯ, помимо внутренних причин, сохраняют в полной мере свою силу и внешние — воздействие ЛЯ близких традиций и сосущест-

⁶ Термин «преднорма» введен Н. И. Толстым [41].

Таблица 1

ЛМЯ	Начало письменности (век)	Скрытая кодификация		Специальная кодификация				Время грамматической кодификации
		текстовая	неполная	графико-орфографическая	лексикографическая	текстовая	грамматическая	
чакавский	XII — XIII	+	+	?	+	?	+	1604
кашубский	XV	+	+	+	+	+	+	1879, 1919
кайкавский	XVI	+	+	+	+	+	+	1779, 1783, 1795, 1810, 1826, 1837
градищанско-хорватский	XVI	+	+	+	+	+	+	1919
прекмурскословенский	XVIII	+	+	+	+	+	—	XIX в.
восточнословацкий	XVIII	+	+	+	—	+	+	
резьянский	XVIII	+	?	—	—	—	—	
карпато-руси́нский	XIX	+	+	+	+	+	+	XIX — XX вв.
банатско-болгарский	XIX	+	+	+	+	+	+	1866, 1869
молдизско-хорватский	XIX	+	+	—	+	+	+	1968
югославо-руси́нский	XX	+	+	+	+	+	+	1923, 1965—1968, 1974
ляшский	XX	+	+	—	—	—	—	

Примечание: I. а) в графах специальной кодификации крестиками отмечаются только отдельные графо-орфографические, лексикографические и грамматические издания (книги); б) специальная текстовая кодификация — и отдельное издание, и разделы в грамматиках; в) не отражены рукописные грамматики; II. а) для современных чакавщины и кайкавщины, в силу их ориентации на различные говорные основы и «поэтическое» назначение, ожидать кодифицирующих изданий не приходится; б) С. Цамбель указывает, что Адольф Урбан написал в XIX в. восточнословацкую грамматику [12], однако данных о ней мы не имеем.

вующих НЛЯ, индивидуального фактора, местных говоров и под. Языковое варьирование сопровождается развитием ЛМЯ с самого начала его возникновения, при этом в донациональный период его не могут устранить специальные кодификации, поскольку все они писались на официальном языке или языке господствовавшей литературно-языковой традиции (кайкавские грамматики XVIII—XIX вв. — на немецком, чакавская грамматика Б. Кашича 1604 г. — на латинском и т. д.); в последующий период грамматики появляются на ЛМЯ (исключение — изданные на немецком языке кашубские грамматики Ф. Цейновы и Ф. Лоренца), влияние их на унификацию форм более эффективно, однако это не снимает вопрос окончательно, так как вариантность признается одним из характернейших признаков нормы и своеобразным резервом ЛЯ. Поэтому варианты формы сознательно кодифицируются в грамматиках, хотя в целом следует отметить тенденцию к их сокращению. Так, М. М. Кочиш в своей русинской грамматике 1974 г. сократил в падежной системе имен более чем на 50% варианты формы, которые 50 лет назад (в 1923 г.) кодифицировал в первой русинской грамматике Г. Костельник [14, 15, 16]. Этим достигнута некоторая стабильность форм, однако вариантность все еще остается обильной в таких пунктах, как предл. п. муж. и ср. р. ед. ч. суц. (*у лесу — у леше, у дружтеу — у дружтве*), род. п. муж. р. (*зоз валала — зоз валалу*) и т. д. Унификации форм в известной степени мешает субъективный фактор — иногда кодификатор, не учитывая системности элементов на разных уровнях языка, предлагает ту, а не другую форму, ср., напр., рекомендацию М. М. Кочиша использовать в русинском только формы типа *социализм* (а

не социализм, социализм) и поэт, специалист (а не поэта, специалиста), что не только разрушает строгую систему ударения на предпоследнем слоге в русинском, но и влечет к разрыву между устной и письменной речью. В грамматиках ЛМЯ особое внимание уделяется языковому чутью (передки и императивы типа «Контролируйте свое языковое чутье!» [17]). Объективно стабилизации норм препятствует прогрессивной по своей сути процесс сближения с соответствующим НЛЯ, который переживает большинство ЛМЯ (в банатско-болгарской, прекмурско-словенской и восточнославянской ситуациях осуществлен в основном переход на соответствующие НЛЯ). У кашубов в плане сближения с польским ЛЯ многое сделано И. Дердовским (ср. постановку ударения на предпоследнем слоге и под.); у югославских русин еще в 20-е годы зародилось и сейчас интенсивно развивается сближение с украинским посредством украинизации лексики, перевода экзавских форм в икавские и т. д.; в молизско-хорватском сближение с НЛЯ идет прямым «импортом», без какой-либо существенной обработки заимствования, что, конечно, создает здесь наивысшую степень вариантности. Наиболее успешно проходит процесс сближения градищанского с хорватско-сербским, начавшийся еще в XIX в. под воздействием идей Л. Гая (градищанские «прогрессисты» во главе с Г. Главничем, М. Наквичем) и интенсивно развивающийся сейчас. Зонами наиболее активного и удачного сближения здесь оказываются графика и орфография, специальная лексика, фонетика; менее контактной в этом плане остается морфология, хотя различия здесь не всегда носят принципиальный характер [ср.: *ziz neverum — s namjerom, od zli(j) tovarušev — ima hrabrih učenikov* и т. д.]. В качестве объективных препятствий сближения выступают обилие вариантов в ЛМЯ, особенно в области именных частей речи (ср.: *na putu — na puti, brati — kumovi, ljudi — ljudih, dani — danov — dnevov* и под.), а также неодинаковая дистрибуция в обоих ЛЯ ряда форм (в градищанском обычна форма род. п. *smrtnoga*, в хорватско-сербском *smrtnog*, в градищанском род. п. мн. ч. сущ. *pjesma*, в хорватско-сербском *pjesama* и т. д.); к этому добавляется также наличие конфессиональной разновидности градищанского ЛМЯ, характеризующейся связью с традицией старого ЛЯ и народными говорами, что консервирует, естественно, фонетико-грамматические и др. отклонения.

В области орфографии (и графики), например, отмечается тенденция к фонетическому принципу; причем, чем ближе ЛМЯ к живой диалектной основе, тем выше стремление реализовать этот принцип, дающий к тому же возможность подчеркнуть отличия от предшествующей литературно-языковой традиции (Г. Костельник провозглашает, однако не реализует до конца этот принцип, преследуя, помимо прочего, цель отделить молодой ЛЯ от традиции на церковнославянском и «язычии»). Эксперименты по внедрению фонетического письма характеризуют, как правило, начальный этап становления ЛМЯ, они вызваны стремлением быстро распространить созданную письменность и вовлечь как можно больше людей в организующийся литературно-языковой процесс. Фонетической орфографией, с одной стороны, хотят предотвратить появление расхождений между письменной и устной речью, и, таким образом, сохранить единство ЛМЯ (это особенно важно для микроязыковых ситуаций), с другой стороны, этот принцип способствует отражению всех говорных особенностей (ср. ситуацию в современных кайкавщине, чакавщине, кашубщине). Однако фонетический принцип не обеспечивает ряду ЛМЯ (например, русинскому, банатско-болгарскому, прекмурскому) необходимой функциональности, поскольку возникает много омографических и т. п. написаний; поэтому закономерен переход на морфологический (и этимологический) принцип, но чаще — в сочетании с фонетическим [18, 19].

Что касается словаря, то ЛМЯ исходит обычно из трех принципов — необходимости (создавать слова и развивать пласты, которые обусловлены функциональными потребностями), возможности (пути и средства, которые применяет ЛМЯ с целью устранения лексического дефицита) и достаточности (наличие необходимого числа слов, полноты той или иной семантической сферы). Те ЛМЯ, которые стремились к функциональной поливалентности и вскоре после своего возникновения сумели создать организованный процесс (например, банатские болгары, югославские русины), развивали свой словарь ускоренными темпами; показателен при этом субьективный момент: Г. Костельник ввел свыше 380 русинских лингвистических терминов [20], послевоенный кодификатор М. М. Кочиш — несколько тысяч терминов разных сфер [21]. Заимствование лексики (и калькирование) играет важную роль в развитии словаря ЛМЯ, причем, при слабости литературно-языкового движения может возникнуть крайнее проявление этого процесса — так называемый лексический «импорт», как это было в период угасания старочакавского ЛЯ в XVII—XVIII вв., когда в него потоком хлынула итальянская лексика (+ кальки по итальянскому образцу); ср. в настоящее время ситуацию в молизско-хорватском, испытывающем давление итальянского языка (+ «импорт» из хорватско-сербского ЛЯ без какой-либо обработки, типа: *svit*, но *roslije, savjet*, т. е. *i; ije, je* (<ё) и под.). Особая роль в этом процессе принадлежит славянизации, причем если внешняя славянизация известна и СНЛЯ, то внутренняя, т. е. заимствование из диалекта, ЛМЯ или НЛЯ одной языковой макросистемы (например, банатские болгары пользовались внешней славянизацией, обращаясь к сербско-хорватскому ЛЯ, и внутренней — к общеполгарскому ЛЯ, и под.) оказывается достоянием только ЛМЯ. На современном этапе многие СЛМЯ вырабатывают специальные программы в связи с заимствованиями. Г. Костельник, например, считал применительно к русинскому, что а) к заимствованию надо прибегать лишь тогда, когда нет собственного слова или же его трудно создать; б) заимствование следует применить «к духу языка», в) хорошо усвоенные заимствования надо продолжать употреблять, г) новую лексику брать из украинского и сербско-хорватского ЛЯ. Это указание на конкретные языки-источники характеризует прежде всего ЛМЯ (НЛЯ — в период становления). Новое слово может вводиться приемом скобок, в которые заключаются переводы-эквиваленты на известном языке: в градишанском — это немецкие слова, в американском карпато-русинском — английские и под. Чем развитее ЛМЯ, тем реже он прибегает к приему скобок: русинский его почти не применяет, в то же время молизский текст буквально наводнен скобочными вставками. Способ лексического развертывания, дающий описательные названия, в целом не имеет перспективы: ЛМЯ, которые достигали большей или меньшей развитости, отказывались от него, поскольку описательные названия воспринимаются как признак бедности и неразвитости ЛЯ. Сейчас лишь в молизско-хорватском применяется этот способ, в том числе и по отношению к «импортируемым» из НЛЯ словам, ср.: *zábava (divertimento) do dmladine (do čeljadi več mladini)* 'веселье молодежи (детей уже молодых, юных)' [22].

В функциональном плане СЛМЯ, как и НЛЯ, характеризует широкий диапазон различий: имеются языки с более или менее полным набором сфер приложения и с весьма ограниченным числом таких сфер. Выделенный нами для СЛМЯ функциональный аспект выглядит следующим образом (см. табл. 2).

СЛМЯ неизменно находят применение в художественной литературе и переписке, затем следует периодика, собственные культурные учреждения, любительские театры, церковь; что же касается радио и телевидения,

Таблица 2

ЛМЯ	Сферы											
	Худ. л-ра	Период.	Просвещ.	Адм.	Наука	Соб. учр.	Церк.	Театр. колл.	Радио	Телевид.	Тол. нап.	Лич. перен.
югославо-руси́нский	+	+	+	+	(+)	+	+	+	+	+	(+)	+
градица́нско-хорватский	+	+	+	-	(+)	+	+	+	+	-	(+)	+
моли́зско-хорватский	+	+	(+)	-	-	+	-	-	-	-	(+)	+
прекму́рско-словенский	+	+	+	-	-	(?)	+	+	(?)	-	-	+
чака́вский	+	+	(+)	-	-	+	-	+	(+)	-	-	+
кайка́вский	+	+	(+)	-	-	+	-	+	(+)	-	-	+
кашубский	+	+	(+)	-	-	+	(+)	+	(+)	-	(+)	+
банатск-болга́рский	+	+	+	-	-	+	+	+	(?)	-	-	+
карпато-руси́нский	+	+	(+)	-	-	+	+	+	+	-	-	+
восточнослова́цкий	+	+	(+)	-	-	(+)	+	+	+	-	-	+
ре́зьянский	+	+	(+)	-	-	-	+	-	-	-	-	+
ляшский	+	-	-	-	-	(+)	-	-	-	-	-	+

Примечание: а) в скобках обозначение сфер, функционирование которых нелегально; б) данные по чакавщине, кайкавщине и карпато-руси́нскому относятся к современному периоду.

то они доступны лишь единицам ЛМЯ (руси́нский; градица́нский — только на радио). Максимальный функциональный спектр оказывается под силу лишь ЛМЯ, которыми пользуются этнические общности (русины, кашубы); у этноязыковых групп возможности скромнее в силу функционального неравенства языков (градица́нцы и моли́зцы); культурно-языковые группы развиваются в основном в русле художественной литературы и театра. В условиях социализма обеспечен ускоренный процесс роста функциональности ЛМЯ (ср. руси́нский, кашубский), в то время как в капиталистическом обществе завоевание каждой новой сферы требует жертв и многих лет борьбы (такова ситуация у градица́нцев, моли́зцев, ре́зьян). ЛМЯ и НЛЯ различаются не только составом функционального спектра, но и содержанием каждой сферы. Для определения зрелости микролитературы можно, например, учитывать внутренние параметры (скажем, наличие самого крупного жанра — романа) и внешние (издание и переиздание авторских сборников, антологий, собраний сочинений и избранного, серий, наличие изданных историй литератур, изучение в школе, наличие переводов на другие языки, включение создателей микролитератур в союзы писателей и пр.). Таким параметрам отвечают руси́нская, градица́нская, кашубская, ляшская, чака́вская, кайка́вская и некоторые другие литературные традиции. Для периоды важными признаками оказываются: ее универсальность и специализация (первое характеризует начало развития ЛМЯ, когда периодическое издание было сразу и вестником, и альманахом, второе — развитие ЛМЯ); наличие специфических микроязыковых «периодических жанров» — ежегодников-календарей, приложений, смешанных изданий; близость к языковой проблематике (регулярные материалы по языку; ср. сами названия: газета «Руске слово» — «Руси́нское слово», журналы «Сакavska гiц» — «Чака́вское слово», «Kaj» — «Что» и под.). Что касается просвещения, то у носителей ЛМЯ проявляется опасение, что дети, не усвоив хорошо официальный язык, не смогут получить дальнейшее образование, — такая ситуация у градица́нцев, у моли́зцев [23]; в условиях социализма перешагнуть эти опасения оказывается под силу — ср. наличие руси́нских школ и классов, гимназий, факультативное преподавание руси́нского языка в Новоса́дском универ-

ситете в рамках «Лектората за руски јазик». Велика роль для развития ЛМЯ культурно-просветительных и т. п. обществ, которые появляются со времени национального возрождения (до этого их роль выполняют литературно-языковые круги, религиозно-культурные русла) и существуют в большинстве анализируемых ситуаций, причем в мощных литературно-языковых процессах отмечается даже оформление специализированных обществ и комиссий (например, научное «Общество русинского языка и литературы» в Новом Саде — «Дружтво за руски јазик и литературу», — имеющее многочисленные комиссии и издающее специальный научный журнал на русинском языке — «Творчосц»), а также учреждений (ср. «Кашубско-Поморское Объединение» — «Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie», имеющее право издавать периодику и литературу; издательское общество у градищанских хорватов — «Hrvatsko štamparsko društvo», целое издательство «Руске слово» у русин Югославии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н. И. Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период. — В кн.: Славянские литературные языки в донациональный период. М., 1969.
2. Hadrovics L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974.
3. Дуличенко А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. — Советское славяноведение, 1972, № 3.
4. Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963.
5. Грамматика по македонски език. Фонетика — морфология. б. м., Македонски отдел, 1953.
6. Bidwell Ch. E. The Language of Carpatho-Ruthenian Publications in America. Pittsburgh, 1971.
7. Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977, с. 6.
8. Vašek A. K vývoji «izolovaného» slovanského jazyka. In: Slavica, roč. XLIV, Praha, 1975, seš. I, s. 1—6.
9. Sojat O. Pregled starije hrvatskokajkavske književnosti. Od polovine 16. do polovine 19. stoljeca i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma. In: Kaj, god. VIII. Zagreb, 1975, br. 9—10, s. 5—56.
10. Дуличенко А. Д. К столетию первой кашубской грамматики. — В кн.: Linguistica XI. Исследования по общему и прикладному языкознанию (Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 502). 1979, с. 35—42.
11. Толстой Н. И. Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 294.
12. Szambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I. Východoslovenské nárečie. Turč. sv. Martin, 1906, s. 187.
13. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. М., 1978.
14. Костельник Г. Грамматика бачваньско-русской бешеди. Срем. Карловци, 1923.
15. Кочиш М. М. Грамматика русского языка. I. Фонетика. Морфология. Лексика. Нови Сад, 1974.
16. Дуличенко А. Д. Г. Костельник и його «Грамматика бачваньско-русской бешеди», (3 нагоди 50-рочниці одей виходження). — Шветлосц, рок XI, Нови Сад, 1973, № 1, с. 67—76.
17. Дуличенко А. Д. Нормователь и преучователь литературного езика югославянских Руснацох. — Творчосц, рок IV, Нови Сад, 1978, № 4, с. 7—26.
18. Кочиш М. М. Правопис русского языка. Нови Сад, 1971.
19. Zasady pisowni kaszubskiej. Oprac. E. Breza, J. Treder. Gdańsk, 1975.
20. Дуличенко А. Д. Словник русской лингвистичней терминології котру створел Г. Костельник. — Шветлосц, рок. XI, Нови Сад, 1973, № 3, с. 300—315.
21. Кочиш М. М. Приручни термилошки речник српскохрватско-русинско-украјински. Нови Сад, 1972.
22. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития). I. Попытки моллизско-славянского литературного языка в Италии. — В кн.: Проблемы описания системы языка и ее функционирования. Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. ХХХ), 1979, с. 56—99.
23. Duličenko A. D. Opoložaju suvremenog gradišćanskog hrvatskog književnog jezika u Austriji. In: Čakavska rič, god. VI, Split, 1976, br. 1, s. 35—63.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

R. NAZAREWICZ. Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939—1945. Warszawa, 1979, 554 s.

Р. НАЗАРЕВИЧ. Пути к освобождению. Концепции борьбы с оккупантами и их политическое содержание. 1939—1945

Новая монография известного польского историка Р. Назаревича представляет собой глубокое, богато документированное синтетическое исследование, являющееся своего рода последним словом польской исторической науки по многим важнейшим вопросам истории борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение в годы второй мировой войны.

Книга написана на основе изданной за послевоенные годы исторической литературы, мемуаров, опубликованных и доступных архивных документов. Главную базу исследования составляют материалы архивохранилищ ПНР, а также Советского Союза и ГДР. «География» привлеченных к исследованию опубликованных документов еще шире: здесь официальные документальные публикации ПНР, СССР, Великобритании и вышедшие в Лондоне и Париже так называемые эмигрантские издания. Список изученной в процессе работы над книгой литературы насчитывает сотни монографий и статей на польском, русском, немецком и английском языках.

Исследование Р. Назаревича состоит из четырех частей, соответствующих главным хронологическим этапам, которые автор выделил в истории Польши в годы гитлеровской оккупации. Крайними рубежами этих этапов являются осень 1939 и начало 1945 гг., а промежуточными — конец 1941, весна 1943 и лето 1944 гг., что в целом не вызывает возражений. Найден весьма удачный способ изложения материала: каждая из частей

разбита на ряд проблемно-хронологических разделов. Это позволяет автору (а вслед за ним и читателю) сконцентрировать внимание на важнейших для раскрытия темы вопросах и проследить развитие (нарастание или затухание) основных общественных процессов того времени. Успешный показ в динамике политических концепций национального освобождения, выработанных главными классовыми силами — пролетариатом и буржуазией, хода борьбы за их осуществление, а также раскрытие причин краха буржуазных программ освобождения и победы революционно-демократической концепции национального и социального освобождения — главное достоинство книги Р. Назаревича.

В центре исследования находятся вопросы возникновения, эволюции и реализации программы борьбы за национальное освобождение, выработанной партией польских коммунистов — Польской рабочей партией (ППР). Автор детально проследил эволюцию этой программы от широкого национального фронта, объединяющего всех патриотов, к национально-демократическому фронту, за рамками которого оставались реакционные буржуазно-помещичьи круги. Р. Назаревич вскрыл причины этой принципиальной трансформации политики революционной партии польского рабочего класса, происшедшей под воздействием изменений ситуации в стране и политики руководства буржуазного лагеря сопротивления, которое подчиняло общенациональные задачи борьбы с оккупантами

своим классовым интересам — сохранению политической гегемонии в обществе, что в свою очередь маскировалось патристической фразеологией.

Сутью новой идеи, — пишет автор, — была руководящая роль рабочего класса, ведущего за собой крестьянство, интеллигенцию и мелкобуржуазные массы, при нейтрализации средней буржуазии (с. 109).

Весьма интересно замечание Р. Назаревича о том, что с осени 1943 г. целью политики ППР было максимальное ускорение процессов распада так называемого лондонского лагеря, вырывание из-под его влияния потенциальных союзников ППР — миллионов людей труда.

Последовательно прослежено в книге развитие процесса политического становления этих союзников. Систематическому анализу подвергнуты позиции крестьянства и мелкобуржуазных масс города, т. е. тех социальных слоев, которые, занимая промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией, в годы войны составляли поначалу массовую базу буржуазного лагеря сопротивления, но были охвачены все нарастающим процессом левой радикализации их общественных настроений, что открывало реальную перспективу их перехода в лагерь революционного пролетариата.

Р. Назаревич не только вскрыл эволюцию идейно-политических установок основных политических партий и группировок, но и показал реальную борьбу людей за осуществление этих концепций «как фактора, воздействовавшего на дальнейшую эволюцию позиций» (с. 6). Успешное выполнение этой задачи придало книге характер реального описания жизни страны с десятками и сотнями действующих лиц.

Строго выдержана в работе линия сопоставления программ борьбы за национальное освобождение, которые предлагались польскому народу различными общественными силами. Причем, анализируя основные документы разных политических партий, методы, формы и пути осуществления их установочных положений, Р. Назаревич показал классовое содержание как обреченной на гибель, глубоко антинародной концепции польской буржуазии, так и исторически пра-

вильной и победившей программы коммунистов.

Достоинством книги является стремление автора высказать свое мнение по многим дискуссионным, запутанным, не до конца разработанным или выясненным вопросам темы.

Как известно, в исторической литературе (в первую очередь в польской) идет дискуссия о характере власти, установленной в июле 1944 г., и о классовом содержании революционных преобразований, осуществлявшихся этой властью в первые годы после освобождения [1]. Р. Назаревич принадлежит к той, составляющей большинство группе польских исследователей, которые считают, что разворачивавшаяся в Польше социальная революция с самого начала носила характер революции социалистической и осуществлялась властью, по своему классовому содержанию являвшейся диктатурой пролетариата (с. 198—199, 386—390). По этому вопросу как в польской, так и в советской историографии есть и другая точка зрения, сторонники которой считают необходимым выделять в процессе развития социальной революции в Польше этап, когда преобладали не социалистические, а демократические преобразования общественной жизни, когда шла борьба за установление диктатуры пролетариата, а народная власть носила характер революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства при руководящей роли революционной пролетарской партии [1 (выступление в дискуссии С. Завадского); 2—4].

Интересны и убедительны рассуждения Р. Назаревича о том, почему в Польше (в отличие от других оккупированных гитлеровцами стран капиталистической Европы) не было такого явления, как коллаборационизм; в силу каких причин национальная буржуазия смогла в начальный период оккупации использовать в своих узко классовых интересах обусловленное всеобщим стремлением к национальной свободе единство польского народа перед лицом оккупантов. В этом единстве Р. Назаревич видит истоки довольно длительного и довольно устойчивого «доверия» большей части населения (в том числе и рабочего класса)

к эмигрантскому правительству, причины сохранившейся в первые военные годы политической гегемонии буржуазии в польском обществе.

Всеобъемлющему анализу подвергнуты в книге использовавшиеся правыми политическими силами способы удержать реальное влияние на массы, а также те инструменты потенциальной государственной власти, которые пыталась создавать польская буржуазия, организуя сеть подпольных «государственных учреждений» и вооруженные силы — Армию Крайову (АК). За последние годы польские историки неоднократно обращались к исследованию социального состава, политического облика АК и того вклада, который внесла (и какой могла внести) эта организация в борьбу народа с оккупантами. Соответствующие разделы книги Р. Назаревича не только содержат интересные (как правило, архивные) данные о деятельности АК, но и насыщены аналитическим материалом, определяющим политическое лицо этой армии, процесс зарождения и нарастания неразрешимого противоречия между позициями значительной части солдатских масс АК, стремившихся к активной борьбе с оккупантами, и ее командного состава, видевшего главную задачу АК в обеспечении в соответствующий момент условий для восстановления власти буржуазии и помещиков. Несомненный интерес представляет предлагаемая автором аргументация причин некоторого отступления командования АК от тактики ограниченного пассивного сопротивления. Р. Назаревич видит здесь главное в стремлении остановить нарастающее влияние левых сил в польском обществе. Показ прямого воздействия примера ППР и ее Гвардии Людовой, проводивших самую последовательную, самоотверженную и активную вооруженную борьбу с оккупантами, на настроения и позиции рядовых членов АК — составляет важные и нужные страницы книги.

Р. Назаревич показал полное отсутствие единства руководимого буржуазией лагеря сопротивления, его расщепление не только на соперничающие в борьбе за руководство этим лагерем политические

группировки, но и выделение на левом фланге этого лагеря, среди его мелко-буржуазного и реформистского крыла, политических сил, выступивших в итоге за союз с революционным пролетариатом, осознавших необходимость смены и политического лагеря и политического союзника. Чрезвычайно важен приводимый в книге материал о том, как командование АК, в условиях укрепления левых сил и затем установления народной власти, концентрировало свои усилия на борьбе с этой властью, увлекая за собой часть рядовых солдат этой армии, превращаясь в контрреволюционную антинародную силу, обреченную на политическую гибель.

Особое внимание советского читателя привлекут те страницы книги, где Р. Назаревич рассказывает об эволюции отношения в Польше к Советскому Союзу. Речь идет не только о последовательном анализе внешнеполитических концепций главных политических партий (по сути дела они оставались неизменными на протяжении всей войны), но и об изменениях в настроении польского народа, о разрушении той атмосферы антисоветизма и антикоммунизма, которая искусственно создавалась польскими господствующими классами на протяжении не одного десятилетия.

В заключение следует подчеркнуть, что историческая литература о борьбе польского народа за свободу, независимость и социальный прогресс пополнилась серьезным, нужным и полезным исследованием.

Носкова А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Z pola walki, 1975, № 3.
2. *Redelbach*. Front Jedności Narodu. Model i funkcjonowanie frontu narodowego w PRL. Warszawa, 1978.
3. *Яжборовская И. С.* ППР в борьбе за развитие революции. Середина 1944 — начало 1947 г. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
4. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 134—138.

АЛЕКСАНДЪР СТАМБОЛИЙСКИ. Избрани произведения. София, 1979, 524 с.

АЛЕКСАНДР СТАМБОЛИЙСКИЙ. Избранные произведения

Сборник избранных произведений А. Стамболийского, составленный Н. Димовым, Й. Зарчевым, Б. Выловым, выпущен в связи со 100-летием со дня рождения этого видного политического деятеля Болгарии. Имя А. Стамболийского олицетворяло собой политический режим «земледельцев» 1920—1923 гг., а его взгляды и в дальнейшем, в условиях буржуазной Болгарии, сохраняли свою притягательную силу для широких трудящихся масс села.

Документам, вошедшим в сборник, предпослано очень содержательное введение. Собственно сборник делится на три части: I. Статьи и брошюры; II. Речи, доклады, выступления; III. Письма и телеграммы. Лишь немногие документы приводятся впервые. Это главным образом речи А. Стамболийского, а также письма и телеграммы, взятые из необработанного фонда А. Стамболийского, хранящегося в Архиве Постоянного Присутствия БЗНС. Основную прослеживаемую в книге тему можно сформулировать так: «Формирование социально-политической доктрины БЗНС и ее практическое воплощение»; здесь можно выделить несколько периодов.

Как правило, исследователи, говоря о сословной идеологии, о социально-политической доктрине БЗНС, ссылаются на фундаментальный труд А. Стамболийского «Политически партии или сословни организации?», изданный в 1909 г. Объем этой книги (446 с.) не позволил включить ее в данный сборник. Но в последнем содержится ряд менее известных материалов, написанных автором в предшествующие годы. Они представляют интерес прежде всего потому, что в них так или иначе обозначены основные положения сословной теории, обосновывавшей исключительную роль крестьянства в процессе производства материальных благ и отсюда — его право на власть («Да се възползуваме!», с. 43—44; «Политико-обществените основи на земеделските организации», с. 56—62; «Българският

земеделски народен съюз и „политиката“», с. 68—71; «Животът кипи», с. 79; «Реч при откриване Деветия конгрес на БЗНС в Пловдив», с. 280—284 и др.). Таким образом читатель получает возможность проследить процесс выработки важнейших идейно-теоретических установок БЗНС.

Вошедшие в сборник документы показывают, что до первой мировой войны Союз, в руководстве которого А. Стамболийский сравнительно быстро стал занимать лидирующее положение, набирал свою силу как политическая партия. В условиях относительно слабого развития политической жизни он решал сложную проблему ограждения не дифференцируемого им крестьянства от влияния буржуазных политиков, намечал свою программу коренных социальных преобразований, т. е. установления «народовластия» (с. 44—45, 56, 59—72, 74—75, 77—80 и др.). Но вопрос о взятии власти и изменении формы государственного устройства рассматривался им как отдаленная перспектива (с. 81, 127—130, 133—136, 138—139, 279—281, 283—284 и др.). Отсюда, на наш взгляд, проистекал и непоследовательный антимонархизм «земледельцев». Их борьба направлялась главным образом против режима личной власти Фердинанда (с. 46—47, 49—51, 102—103, 106—108, 111—113, 115—117, 126—127, 136—137, 293—298 и др.). А. Стамболийский и его соратники добивались восстановления поправленных положений Тырновской конституции, ограждения ее в дальнейшем от посягательств подобного рода, а также повышения роли парламента как высшего законодательного органа (с. 95, 113—114, 120—126, 285—288, 302—316). За пятнадцать лет своего существования (до октября 1915 г.) БЗНС превратился в активную демократическую силу, оппозиционную существовавшей буржуазной системе власти.

В последующий период (1915 — лето 1918 г.) активизировалась деятельность

эволюционистов — сторонников Д. Драгиева, которым, однако, не удалось утвердить свои идеи в качестве серьезного, рассчитанного на длительное время противовеса воззрениям А. Стамболийского и его сподвижников. А. Стамболийский, находясь в тюрьме, продолжал работать над совершенствованием социально-политической доктрины Союза. В конце июня 1917 г. он завершил труд «Власть, безвластие, народовластие», в котором развил отдельные положения, изложенные им в книге «Политически партии или съловни организации?». Труд этот перекликался с написанной накануне работой «Земедельският Съюз и неговите врагове». В нем излагались взгляды А. Стамболийского на развитие общества в рамках буржуазной демократии в период ее расцвета и кризиса, а также определялись перспективы развития общества в условиях уже новой демократии — «земледельческой». Ей, выдвигавшей крестьянство как созидательную силу на переднюю линию, и уделялось главное внимание (с. 164, 166, 170—175, 177—179). Политическое чутье уже тогда, в 1917 г., подсказывало А. Стамболийскому, что в ближайшем будущем существенные перемены в жизни общества неизбежны. В это время он был на пути к более конкретной постановке вопроса о «земледельческой» власти.

В сентябре 1918 г. освобожденные к тому времени из тюрьмы А. Стамболийский и Р. Даскалов возглавили Владайское восстание. Правомерность столь необычного для прежних установок БЗНС способа борьбы за власть, несмотря на поражение повстанцев, была впоследствии обоснована теоретически А. Стамболийским (с. 221—222) и получила признание большинства делегатов XV конгресса БЗНС [1]. Но в условиях революционной ситуации 1918—1919 гг. делается все более реальной возможность прихода «земледельцев» к власти путем победы на выборах в XVIII Народное собрание. Поэтому они становятся на путь борьбы за нее в рамках существующих законов, рассматривая это как задачу дня.

В связи с этим происходило уточнение и конкретизация программы БЗНС (работа А. Стамболийского «Принципите

на Българския земеделски народен съюз», конец апреля 1919 г.). На наш взгляд, это один из основных трудов автора, в котором наиболее четко выражена социально-политическая доктрина Союза в период его борьбы за власть и его правления. Здесь, а затем в речи А. Стамболийского на XV конгрессе БЗНС и в принятой съездом «Программа за дейността на Българския земеделски народен съюз»¹ [1] в соответствии с сословной теорией БЗНС подтверждались и обосновывались претензии крестьянства на власть и подчеркивалась его готовность стать руководящей силой общества (с. 218—222, 230—231). Программа «земледельцев» предусматривала прежде всего усиление роли парламента как высшего законодательного органа, а вместе с тем ликвидацию режима личной власти, демократизацию избирательной системы, децентрализацию системы власти, т. е. придание окружным и общинным советам характера действительно самоуправляемых автономных органов (с. 222, 238).

Результаты выборов в парламент свидетельствовали о том, что БЗНС, хотя и не получил абсолютного перевеса в Народном собрании, выдвинулся на первое место. Новый кабинет возглавил А. Стамболийский, в правительстве оказались и представители буржуазных партий. Программа его кабинета (с. 335—347) не была чисто «земледельческой», хотя доктрина БЗНС в ней достаточно ярко выражена. В ее положениях, распространенных на все категории населения, получило отражение настроение всего левого политического лагеря. Она оставалась в силе и позднее, когда было создано однопартийное правительство БЗНС.

Революционные события, мощное стачечное движение на рубеже 1919—1920 гг., в котором руководящей силой была БКП (т. с.), заставили «земледельцев» уделять более серьезное, чем прежде, внимание пролетарским и мелкобуржуазным слоям города.

На наш взгляд, теория и практика БЗНС заключалась в том, чтобы с помощью мер, определенных в соответствии

¹ Документ отдельным изданием опубликован в Софии в 1920 г.

с положениями сословной теории, добиться коррекции сложившихся производственных отношений на основе существовавшего экономического базиса. В связи с этим вносились уточнения в социально-политическую доктрину Союза. Одним из них был вопрос о дифференциации крестьянства. Что же касается монархии, то по оценке БЗНС, внутренняя и международная обстановка были таковыми, что вопрос об изменении формы государственного устройства не мог быть актуальным. Поэтому «земледельцы» пытались обезличить монарха, устранить его от участия в активной политической жизни, в государственном управлении, придать его деятельности формальный характер.

В письмах А. Стамболийского, пожалуй, наиболее обстоятельно отражена борьба внутри БЗНС в годы первой мировой войны, а также в период его борьбы за власть.

Весьма интересен и насыщен материалами комментарий. В заключение следует отметить, что эта публикация является ценным источником для изучения истории БЗНС и творческого наследия А. Стамболийского.

Маковецкая Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земедельско знаме, 1919, 8 VI.

Н. И. ХИТРОВА. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, 336 с.

Рецензируемая монография — итог большой и длительной работы автора по изучению проблем исторического развития Черногории и русско-черногорских связей. В ней показана специфика социально-экономического развития Черногории, особенности ее общественно-политической и культурной жизни, героическая история освободительной борьбы черногорского народа, разносторонние многовековые дружеские контакты с Россией.

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. Хронологические рамки работы весьма широки: конец XVIII — 70-е годы XIX в. Наиболее подробно автор освещает события 50—70-х годов прошлого столетия — это период, когда Черногория, укрепив централизованную власть после провозглашения ее княжеством в 1852 г., перешла к активной борьбе против Османской империи, завершившейся официальным признанием независимости черногорского государства в 1878 г.

Работа имеет богатую источниковедческую базу. Автором использованы разнообразные материалы Архива внешней политики России: переписка российского министерства иностранных дел с дипло-

матическими представителями на Балканах, отчеты МИДа. Привлечены документы других архивов Москвы и Ленинграда, отделов рукописей крупнейших библиотек СССР, архивохранилищ СР Сербии и СР Черногории. Многие из этих материалов впервые вводятся в научный оборот. Использованы большое количество опубликованных источников, русская и южнославянская периодика.

Признавая большую значимость указанных материалов, хотелось бы вместе с тем найти в книге помимо их общей оценки и критический анализ привлеченных источников, особенно дипломатического профиля.

Историографический обзор, охватывающий большой круг литературы, построен удачно. Во введении дана характеристика наиболее крупных работ по истории Черногории в русской, советской и югославской довоенной и послевоенной исторической науке. Более детальный тематический анализ литературы содержится в начале каждой из глав. Разнообразный круг источников, аналитический подход к имеющейся литературе позволили автору воссоздать яркую картину исторического прошлого Черногории во всем его многообразии, включая вопросы развития

идеологии, просвещения, культуры.

Н. И. Хитрова выясняет социально-экономические предпосылки освободительного движения черногорского народа с конца XVIII в. по 1878 г. (глава первая), показывая их своеобразие, сложное переплетение элементов общинно-племенного строя, феодальных и развивающихся товарно-денежных отношений, характеризует социальную структуру черногорского общества, раскрывает роль Черногории в развитии антиосманского движения на Балканах, выдвигает на первый план борьбы за реализацию внешнеполитических задач: возвращение плодородных районов, удерживаемых Портой, где проживало этнически родственное население, получение статуса независимого государства.

В последующих главах, построенных по тематическо-хронологическому принципу, автор обращается к вопросу складывания черногорской государственности, отмечая первостепенное значение в этом процессе материальной и политической помощи России, анализируя причины, лежавшие в основе изменения внешнеполитической программы Черногории на различных этапах ее развития, сущность заложенных в программе требований, причины поддержки их широкими массами народа.

Изучение этих сторон прошлого Черногории способствовало успешному исследованию центральных проблем книги и прежде всего основой — длительной героической борьбы черногорского народа за признание независимости, роли Черногории как одного из действенных и направляющих центров национально-освободительного движения на Балканах.

Автору удалось убедительно показать трудности и героизм антиосманской борьбы, широту межбалканских связей Черногории, значение беспримерного мужества ее народа, горячее сочувствие прогрессивной общественности Юго-Восточной Европы освободительному движению черногорцев, различие в подходе к организации общевалканского выступления

против Порты правительственно-династических кругов и революционной демократии.

Только слишком подробно, на наш взгляд, описаны военные сражения Герцеговины и Черногории с султанской Турцией. Хотелось бы также, чтобы характеристика внешней политики Сербии и ее роли в антиосманской борьбе была более объективной и емкой. В изложении последнего вопроса чувствуется иногда влияние черногорской литературы.

Другая сквозная проблема книги — русско-черногорские межправительственные и общественно-культурные связи — также раскрыта с большой убедительностью. Балканская политика России и ее черногорский аспект показаны объективно, с учетом не только положительных, но и отрицательных сторон, имевших место в определенных исторических ситуациях. Закономерно подчеркивается существенная роль русской поддержки не только в развитии освободительного движения, но и просвещения и культуры Черногории. Особенно же интересны страницы, посвященные общественным связям между русским и черногорским народами. В этом немалую роль сыграли данные русской периодики, верный анализ ее материалов автором.

При таком широком хронологическом и тематическом охвате проблемы неизбежны известные издержки. Не все вопросы решены с необходимой полнотой. В первую очередь это относится к периоду Восточного кризиса 1875—1878 гг. Очевидно, логичнее было бы сократить вводные части и расширить освещение того периода, который автор объявил центром своего исследования.

Все сделанные замечания не затрагивают основ монографии, ее главных положений и выводов. Она насыщена богатым фактическим материалом, научными обобщениями, знакомит читателя со всем многообразием и значимостью героического прошлого черногорского народа.

Струкова К.

K. GODŁOWSKI. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979, 80 s.

К. ГОДЛОВСКИЙ. Из исследований проблемы расселения славян в V—VII вв. н. э.

Широко развернувшиеся в послевоенное время археологические раскопки раннеславянских памятников на территории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы позволили накопить материал, с помощью которого стало возможно приблизиться к решению важной проблемы происхождения славян, локализации их древнейшей прародины, выделения отдельных этапов славянского этногенеза. В последние годы в советской и зарубежной археологической литературе появился ряд обобщающих работ (П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, И. П. Русановой, В. В. Седова, В. Хенселя и др.), подводящих итоги многолетних исследований и выдвигающих различные гипотезы о происхождении славян.

В рецензируемой книге известного польского археолога К. Годловского излагаются мнения польских ученых по вопросам славянского этногенеза и расселения славян в Восточной и Центральной Европе в V—VII вв. Научные построения К. Годловского базируются в основном на анализе археологических и письменных источников, а также данных лингвистики и антропологии. Анализируя письменные источники, он приходит к выводу о том, что известия античных авторов I—II вв. и более поздние сведения Иордана (VI в.) свидетельствуют в большей степени в пользу восточноевропейского происхождения славян. Между тем, это чисто субъективное мнение не подкреплено достаточными доказательствами. Упоминания древних авторов о размещении славян неопределенны и противоречивы, но все же позволяют значительно достовернее локализовать древних славян-венедов на территории Польши, нежели в Восточной Европе.

По мнению польского ученого о принадлежности археологических культур к славянским можно судить по «общей модели славянской раннесредневековой культуры», основанной на занятии земле-

делием и характеризующейся слабым уровнем развития специализированного ремесленного производства (с. 9). Дополнительными ее чертами являются общий тип полужемляночных жилищ, открытых поселений — селищ, погребальный обряд в виде трупосожжений, грубая лепная керамика. На наш взгляд, рассматриваемые в таком нерасчлененном виде признаки характеризуют скорее хозяйственно-культурное положение населения и зависят от природной среды, климата, уровня развития социально-экономических отношений, занятий, но не от этнической принадлежности людей. Все это свойственно не только славянской, но и некоторым балтским, финно-угорским культурам. Лишь детали и элементы отмеченных выше общих признаков могут использоваться в качестве этноопределяющих показателей. В то же время автор явно недооценивает значение самой массовой категории археологического материала из раннеславянских памятников — лепной керамики, формы которой связаны прежде всего с местными, стало быть, этнографическими традициями населения.

В книге отмечается «необычайное ubojestwo славянской культуры в VI—VII вв.» по сравнению с провинциальной римской культурой и делается закономерный вывод о том, что между раннеславянской культурой и пшеворской, вельбарской, черняховской и другими культурами существуют заметные различия и отсутствует преемственность. Причина произошедших на рубеже раннего средневековья культурных изменений, как полагает автор, заключается в широком расселении славян в области Восточной и Центральной Европы из района прародины: «В V в. на огромной территории, простирающейся от подножия Восточных Карпат до Припяти и левобережья Среднего Днепра» сформировалась раннеславянская культура, представленная памятниками пражского типа и типа

Пеньковки (с. 20). Если бесспорно, что пражская культура была славянской, то в формировании пеньковской культуры, кроме пришедших с севера славян, участвовали потомки ираноязычного населения, а также алано-болгарские элементы. О последнем обстоятельстве в книге почему-то не говорится.

Ядро славян составили, как утверждает автор, пришедшие с севера, из районов Верхнего Поднепровья, племена — носители культуры киевского типа римского времени и древностей типа Банцеровщины — Тушемли — Колочина V—VIII вв. Эта точка зрения не нова, ее высказывали в свое время П. Н. Третьяков, И. Вернер, Л. Д. Поболь. Наиболее слабое место данной гипотезы — существенное отличие достоверно славянской культуры пражского типа, перерастающей в историческую славянскую культуру раннефеодальной эпохи, от древностей Верхнего Поднепровья, которые большинство исследователей связывают с восточнобалтскими племенами [1, с. 82—84; 2]. Указанное противоречие не может объяснить и автор рецензируемой книги, ссылающийся лишь на возможность удивительной трансформации славянской культуры во время переселения. К тому же на археологическом материале не прослеживается массовое перемещение населения на юг из Верхнего Поднепровья. Также бесосновательно к славянам причисляется в книге и население, оставившее древнейшие длинные курганы Подвинья и Псковщины.

Вслед за американским лингвистом Х. Бирнбаумом автор склоняется к мысли о довольно позднем формировании языка славянской общности, затянущемся до первой половины I тысячелетия н. э. В этом процессе приняли участие не только протославяне, но и балты, и другие индоевропейские группы. Территория верхнего Прута, Днестра и Южного Буга, где встречаются наиболее архаичные славянские топонимы, как предполагает К. Годловский, «сыграла ключевую роль в формировании не только культуры, но и языковой славянской общности» (с. 27). Хотя само понятие «формирование праславянского языка» является несколько условным и растяжимым во времени, отметим, что боль-

шинство языковедов в настоящее время считают возможным датировать выделение праславянского языка серединой I тысячелетия до н. э. и даже III—II тысячелетиями до н. э. (см., например, обзор мнений [3]).

Значительное место в книге занимает описание миграций славян в различные районы Центральной Европы: южную и центральную Польшу, Поморье, Силезию, Мазовию, междуречье Эльбы и Одера, Чехию, Моравию и Словакию. Автор концентрирует внимание на проблеме смены местного дославянского населения (в основном германского по происхождению), жившего здесь в римскую эпоху, пришлыми славянами. В работе приводятся убедительные данные в пользу того, что обезлюдование центрально-европейского региона в результате ухода германцев на юг и запад предшествовало славянской экспансии и не зависело от нее. Исследователь по существу отвергает славянскую принадлежность пшеворской культуры, которую в польской и советской литературе традиционно связывали со славянами.

К числу сложнейших вопросов относятся точное определение времени появления славян в тех или иных землях Центральной Европы. К. Годловский теоретически допускает возможность заселения славянами Малополюши, Мазовии и Подлясья в V в., хотя, по его же мнению, здесь пока не обнаружены славянские памятники ранее второй половины VI в. Только в Малополюше автор выделяет памятники пражского типа, несколько отличающиеся от славянских памятников других областей Польши. Как полагает И. П. Русанова, памятники пражского типа, появившиеся по крайней мере на рубеже V—VI вв., открыты не только в Малополюше, но и на более широкой территории от Одера до Буга [1, с. 176]. Позднее произошло, отмечается в книге, освоение междуречья Одера и Эльбы, где славяне расселялись из центральной Польши и Чехии с середины VI в. по первую половину VII в. Славянская колонизация областей к югу от Западных Карпат и Судет, слабо освещенная в письменных источниках, проходила одновременно. Если в юго-западную Словакию первые славянские племена про-

никают уже в начале VI в., то Чехию и Моравию они начали заселять лишь после ухода в 568 г. лангобардов в Италию.

В заключении, подводя итоги исследования, автор выделяет два этапа славянской экспансии. На протяжении первого этапа, в конце IV — начале VI вв., завершился процесс «кристаллизации славянского этноса» и началось расселение славян на запад до верховьев Вислы. На втором этапе, с 520 г. по первую половину VII в., наблюдается широкая славянская экспансия на запад — в разные районы Центральной Европы и юго-запад — на Балканы. Не вызывает сомнения разнородный характер славянского расселения: в одних случаях имели место военные набеги и вторжения, а в других — происходила медленная земледельческая колонизация опустошен-

ных земель, связанная с ассимиляцией оставшегося местного населения.

В рецензируемой монографии автор затронул весьма широкий спектр дискуссионных проблем славянского этногенеза. Не со всеми ее положениями можно согласиться, но поставленные автором вопросы заслуживают пристального изучения. Выход таких дискуссионных работ нельзя не приветствовать.

Перхавко В. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
2. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 48—62.
3. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 18—21.

В. П. ВЕДИНА. Ежи Путрамент. Київ, 1977, 206 с.

В. ВЕДИНА. Ежи Путрамент

Рецензируемая монография, посвященная одному из виднейших писателей социалистической Польши, является первой попыткой создать цельный очерк его творчества. Книга основана на материалах польской критики и критической переработке сравнительно немногих статей советских литературоведов. Научная обстоятельность и простота изложения — вот важнейшие особенности этого исследования, воссоздающего образ писателя-коммуниста. Автор выделяет такие черты его индивидуального облика, как приверженность реалистическому искусству, постоянная нацеленность романиста на влободневную политическую проблематику, острое сатирическое перо публициста и задумчивая тональность мастера лирического пейзажа, склонность к углубленному психологическому анализу характеров и развертыванию интригующей, драматически напряженной фабулы.

Отобрав для анализа лучшие из произведений писателя, украинская исследовательница сумела раскрыть на этом

материале и богатство содержания прозы Путрамента и ее жанровое многообразие, охарактеризовать в общих чертах творческую эволюцию романиста и значение его достижений для развития современной польской социалистической литературы.

Проза Путрамента рассматривается в книге на фоне общей эволюции польского романа, чему служат различные сопоставления. Так, «Сентябрь» тематически сближается с такими произведениями, как «Дни поражения» В. Жуковского, «Узлы жизни» З. Налковской, «Стены Иерихона» Т. Брезы и др. (с. 30); повесть «Пасынки» рассматривается в потоке «расчетов с прошлым», а точнее — в плане «полемики с рядом положений, которые выдвигала и отстаивала литература этого направления» (с. 84), и т. д. Иногда В. П. Веди́на проводит также параллели между произведениями польского романиста и представителями других литератур, например, между «Сентябрем» Путрамента и «Коммунистами» Л. Арагона,

«Падением Парижа» И. Эренбурга (с. 32, 34, 42); между «Ноевым ковчегом» и произведениями Г. Грина «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване» (с. 78); между «Рыбачьими рассказами» польского писателя и пейзажными зарисовками К. Паустовского и М. Пришвина (с. 140—141), и т. д. В результате таких сопоставлений Путрамент выступает одновременно и как выразитель эволюции, пройденной передовой польской литературой с 30-х годов до настоящего времени, и как писатель, отражающий некоторые тенденции современной мировой литературы. Раскрытию индивидуальной эволюции Путрамента помогают сопоставления его ранних вещей с позднейшими, например, «Начало эпоса» из сборника «Святая пуля» с романом «Болдын» (с. 118—119, 168), сборника «Черные сосны» с повестями «Кабан» и «Пуца» (с. 138—148). К наиболее удачным страницам книги В. П. Вединой мы отнесли бы характеристику психологического искусства Путрамента, в частности, анализ образа героини романа «Действительность» Марыси Хоронувны (с. 23), его мастерства как пейзажиста (с. 138 и др.) и разбор повести «Кабан» (с. 149—157).

В полемике с другими исследователями В. П. Вединая высказывает ряд верных оценок (см. ее замечания в адрес пишущего эти строки, с. 111, В. Мачонга, с. 152, М. Игнатова, с. 163 и др.). Достоинством ее исследования является также стремление выявлять при анализе достижений Путрамента и слабые стороны его прозы, обусловленные либо ограниченностью данного этапа развития польской литературы, либо его собственными просчетами.

Разумеется, не все построения и аргументы В. П. Вединой одинаково удачны и убедительны. Если, например, «Вступление» можно отнести к тем частям текста, где нет ничего лишнего, то о «Выводах» этого не скажешь. В целях большей последовательности изложения сборник «Святая пуля» следовало бы разобрать раньше романов «Сентябрь» и «Болдын». Мимоходом брошенная фраза о том, будто бы автор «Сентября» не особенно заботился о стройности композиции (с. 33), противоречит одобрительно цитируемым словам Ч. Череминьской об «очень старательной, панорамной композиции» этого романа

(с. 62). Едва ли удачными, если принять во внимание различие идейных позиций, являются и параллели между Путраментом и К. Брандысом (с. 56, 57, 74 и др.). Но, пожалуй, самым существенным недостатком рецензируемой монографии является то, что ее автор в своей оценке произведений Путрамента не всегда достаточно конкретен. Особенно не повезло в этом отношении «Сентябрю» и «Болдыну».

В самом деле, можно ли считать каким-то упущением эскизность в обрисовке коммунистов, выведенных в романе «Сентябрь», если учесть, что это произведение специально посвящено разоблачению виновников сентябрьской катастрофы; что, по замыслу, оно должно было стать лишь первой частью большого цикла (с. 62); что в описываемый момент компартии в Польше не существовало и ее поборники, как это и показано в романе, вырываясь из тюрем, не успевали еще как следует оглядеться в подхватывавшей их военной заварухе? Нам кажется, что поправлять писателя и историю в таких случаях — дело более чем рискованное. И уж совсем странным кажутся в устах такой исследовательницы, как В. П. Вединая, замечания о «Болдыне». Она считает недостатком романа то, что автор, освещая проблему возникновения легенды о народном герое и влияния ее на психологию последнего, воздержался от определенных суждений о значении процесса такой мифологизации, «что Путрамент проявил на этот раз такое несвойственное ему невнимание к конкретным реалиям исторического фона», что его произведение «несет на себе черты далеко не всегда уместной параболичности» (с. 178). На наш взгляд, эти замечания совершенно несостоятельны. Историческая конкретность не есть нечто постоянное; она может быть различной по степени детализации, которая зависит от того, что и с какой целью познается. Путрамент художественно исследует явление современной истории, и он настолько конкретен в детализации образов, что их не спутаешь даже с героями первой мировой войны, не говоря уже о более далеких временах. Вместе с тем он отвлекается от «конкретных реалий исторического фона», чтобы читателю стало ясно, что не они, или — другими слова-

ми — не само партизанское движение времен гитлеровского нашествия является предметом его анализа, а нечто совсем иное. Этим «иным» служит для него процесс мифологизации человека, восходящий к незапамятным временам, питавший различные религии, а позднее способствовавший утверждению больших и малых культов личности и проявившийся даже в условиях становления социалистических отношений. Как и почему это происходит, какое влияние это оказывает на психологию мифологизируемой личности и на судьбы возглавляемой ею массы людей, создающей подобные легенды, — вот та проблема, которую Путрумент поставил в центре своего внимания. По своему общественно-историческому значению она стоит многих конкретных картин из истории партизанского движения. В «Болдыне» Путрумент поднял тот жгучий вопрос, который поставила сама история, и не его вина, что она не дала пока на него определенного ответа. Сдержанность писателя в данном случае есть, следовательно, не проявление некоего объективизма, а добросовестная констатация невозможности решать за историю известные проблемы. Именно этой тенденцией «Болдын» противостоит произведению, основанному на параболических приемах, когда трудно бывает сказать,

идет ли в них речь о явлениях нашей социалистической действительности или античной эпохи. Путрумент в этом отношении не допускает никакой двусмысленности, он исторически достаточно конкретен, и этой конкретности он достигает тем, что кладет в основу своего романа вовсе не параболу, а принцип так называемого мысленного эксперимента, то есть ставит героя в воображаемые, искусственно сконструированные обстоятельства, дабы поближе присмотреться к наиболее вероятному проявлению нормальной человеческой психологии и в ней поискать объяснения многих трагических перипетий, наблюдаемых в наше время и при обычном подходе кажущихся весьма загадочными.

Разумеется, наше понимание романа Путрумента тоже, возможно, не из бесспорных. Но ведь и сама литература — это непрерывный спор о человеке — величайшей загадке исторического познания всех времен и народов. И в том, что книга В. П. Вединой о Ежи Путрументе наталкивает на такие размышления, возможно, и заключается ее важнейшее достоинство, свидетельствующее об огромной ценности творчества освещаемого в ней романиста.

Жук В. А.

НИЧЕВ Б. Съвременният български роман (към история и теория на епичното в съвременната българска художествена проза). София, 1978, 522 с.

НИЧЕВ Б. Современный болгарский роман (к истории и теории эпического в современной болгарской художественной прозе).

Развитие жанра романа, являющееся важнейшим показателем зрелости национальной литературы, достигло в послевоенной Болгарии высокого уровня. Об этом свидетельствуют произведения таких широко известных в стране и за рубежом писателей как Г. Караславов, Д. Талев, Д. Димов, Э. Станев, В. Вежинов, В. Мутафчиев и др. Интенсивность развития жанра, ощутимые изменения в его формосодержательной специфике на протяжении 50-х — 70-х годов вызвали

необходимость в осмыслении и систематизации накопленного болгарской прозой опыта. Разрешению важнейших вопросов генезиса, истории болгарского романа, выявления его идейно-художественных особенностей, связей с другими жанрами прямо или косвенно посвящены работы [1—6]. Следует отметить, однако, что количество подобных исследований все же весьма ограничено.

Рецензируемая книга Б. Ничева является, несомненно, заметным вкладом в изу-

чение процесса развития жанра за истекшие тридцать лет. Ее задача — детальное исследование важнейшей из романских форм — эпического романа.

Центральное место в работе занимает проблема социологии жанра — проблема настолько же актуальная, насколько и малоизученная в болгарском литературоведении. Исследуя целый ряд эпических произведений, явившихся заметными вехами на пути развития прозы в Болгарии, автор отмечает прямую связь процесса становления романа со стремлением народа к самопознанию, с исторической и социальной зрелостью нации. Так, к примеру, подчеркивается огромное влияние на литературу трех важнейших событий в судьбах страны: апрельского восстания 1876 г., сентябрьского восстания 1923 г. и завершившегося победой народно-демократической власти восстания 9 сентября 1944 г. Однако Б. Ничев предостерегает читателя от упрощенного подхода к пониманию этого влияния, утверждая, что главные его проявления следуют искать не на тематическом уровне. Значение крупных исторических событий для становления литературы и, в частности, жанра эпического романа заключается прежде всего в том, что они обуславливают существенные изменения национальной психологии, способствуют осознанию закономерностей общественного развития и тем самым подготавливают почву для углубленного отражения жизненных явлений и процессов в художественном творчестве. Именно эти события ставят на повестку дня (причем, в наиболее острой форме) ряд проблем, являющихся необходимым условием для возникновения всякого подлинно эпического произведения (проблема соотношения исторической необходимости и человеческой нравственности, проблема социальной детерминированности судьбы и характера человека).

Б. Ничев отмечает еще одну особенность связи литературного и исторического процессов: национальная жизнь должна созреть для национального социального эпоса. Так, после восстания 1923 г. «сложилась система национальной жизни, пригодная для эпично-романного отражения, необходимо было построить для этого и художественную систему»

(с. 25). Подобный подход автора к проблеме эпического в национальной прозе имеет важное методологическое значение, позволяя определить природу крупнейших литературных явлений как межвоенного, так и послевоенного периодов. В частности, этот подход дает ключ к пониманию сути «романного взрыва» 50-х годов.

Большое внимание в работе уделено осмыслению национальной специфики эпического начала болгарской прозы. Эта специфика объясняется прежде всего сущностью самого объекта художественного исследования, то есть характерными особенностями бытия, духовного мира болгарина «в его конкретно-исторической и классовой определенности» (с. 31). Устойчивый интерес прозаиков к социальным открытиям, сделанным на национальном материале, привел к тому, что несмотря на отсутствие богатых традиций (по сравнению, например, с русской или французской прозой), в послевоенной болгарской литературе была выработана своя эпическая проблематика. Отмечается, в частности, что наибольшей популярностью среди романистов 50—70-х годов пользуется проблема связи, преемственности поколений, а также проблема детерминированности человеческой личности в национальной истории.

Кроме того, в процессе развития в Болгарии эпического романа была разработана специфическая жанровая поэтика, своеобразие которой сказывается как в пространственно-временных решениях произведений, их сюжетах, так и в принципах создания человеческих характеров, пластическом решении образов (что убедительно подтверждается автором при анализе творчества таких видных представителей современной прозы, как Г. Караславов, Д. Талев, Д. Димов, Э. Станев и др.). Причины этого своеобразие кроются в том, что поэтика болгарского эпического романа начала складываться в недрах национальной литературы задолго до окончательного становления жанра. Так, например, заметное влияние на ее развитие оказал фольклор, в частности, сказка и баллада. Отдельные элементы этой поэтики легко обнаруживаются в произведениях поэзии и прозы Болгарии 30—40-х годов, особенно в ши-

роко распространенных в довоенный период сборниках рассказов, объединенных общей проблемой, героями и образующих собой законченные циклы, которые рассматриваются Б. Ничевым как своеобразная «скрытая романная форма».

Обобщая рассуждения о специфике болгарского эпического романа 50—70-х годов, автор подчеркивает, что в данном случае речь идет об «открытии социальных основ жанра и его поэтики в самих основах национальной жизни» (с. 26). Следует оговориться, однако, что рассматривая национальные особенности современного болгарского эпоса, Б. Ничев практически не касается вопроса о литературных влияниях, в частности, о влиянии на прозу Болгарии русского и советского романа. Между тем, совершенно очевидно, что анализ этого процесса способствовал бы более полному раскрытию исследуемого автором явления.

Особый интерес в книге представляют главы, посвященные процессам, наметившимся в искусстве 60—70-х годов («Поэтика и стилистика нового романа», «В поисках романного синтеза», «К вопросу о философии национальной жизни. Современный роман и национальная жизнь»). Пятнадцать-двадцать лет тому назад критики заговорили о быстро прогрессирующей в болгарской литературе тенденции к лиризации прозы, возникшей во второй половине 50-х годов. Литературу этого времени характеризует преодоление схематизма предшествующего периода, повышенный интерес к сложному и подчас противоречивому духовному миру современника, большая интеллектуальность, поиски авторами новых выразительных средств, композиций, сюжетов. Наиболее популярными в болгарской беллетристике 60-х годов стали малые жанры: повесть, рассказ, новелла. В литературной критике все чаще начал появляться термин «деэпизация прозы».

В связи с этим значительный интерес вызывает исследование Б. Ничевым творчества ряда писателей, являющихся наиболее яркими представителями данного периода. Анализируя произведения Б. Димитровой («Путь к себе», «Лавина»), К. Калчева («У истока жизни»), Б. Райнова («Дороги в никуда»), С. Стратиева («Дикая утка между деревьями»), автор

приходит к выводу, что отсутствие в прозе этого времени масштабности, свойственной роману 50-х годов, сокращение объема произведений далеко не равнозначно «утрате эпичности». В данном случае, отмечает Б. Ничев, целесообразнее говорить об изменении жанровой структуры. Роман начал осваивать новые территории. Повышенный интерес писателей к проблемам личности сделал прозу более «интимной», побудил ее искать новые пути в отображении человеческой психологии — следствием этого явилось изменение в принципе организации романного времени (его «субъективизация», выражающаяся в ассоциативности, ретроспективности и сжатости изложения, частом использовании монтажа как главного композиционного приема), возрастание роли рассказчика в повествовательной структуре (так называемое «я-повествование») и т. д.

Полемизируя с авторами, отстаивающими тезис о «деэпизации» прозы 60-х годов, Б. Ничев вводит в своей работе такое понятие, как «редуцированная эпичность», усматривая в ней одну из форм развития эпического начала в литературе Болгарии (с. 462—463).

К сожалению, явления последнего десятилетия становления болгарского романа отражены в книге недостаточно полно и определено.

Работа Б. Ничева является, несомненно, одним из наиболее обширных и серьезных исследований жанровых особенностей болгарского эпического романа.

Варварина Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цанев Г. Историческият роман в българската литература. София, 1976, 304 с.
2. Каролев С. Въпроси на художествено-то майсторство. София, 1963, 248 с.
3. Каролев С. В света на прозата. София, 1968, 208 с.
4. Жечев Т. Съвременни образи и идеи. София, 1964, 256 с.
5. Жечев Т. Идеи на прозата. София, 1967, 186 с.
6. Жечев Т. Литература и общество. София, 1976, 342 с.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ ПНР И СССР

Комиссия историков ПНР и СССР была учреждена в 1965 г. Польскую часть Комиссии возглавил проф. Г. Ловмянский, с 1972 г. во главе ее стал проф. Л. Базылёв (секретарь Комиссии с 1978 г.— д-р О. Вышомирская-Кузьминская). Председателем Советской части является акад. Б. А. Рыбаков, секретарем — д-р ист. наук И. Б. Греков.

Сотрудничество историков двух стран в рамках Комиссии заключалось главным образом в обмене опытом, организации совместных симпозиумов, сессий и конференций, а также публикации их материалов, что способствовало развитию исследований по истории обеих стран и отношений между ними.

На первом заседании Комиссии 25 ноября 1967 г. в Варшаве был утвержден — на основе предложений обеих сторон — план работы на 1967—1971 гг. Узловыми в деятельности Комиссии были признаны следующие проблемы: происхождение славян, связи польских и российских революционеров, Октябрьская революция, а также польско-советское сотрудничество. Уделялось внимание и таким темам, как вторая мировая война, польская эмиграция в СССР, польский вопрос на международной арене, польско-советские отношения в период формирования народной власти в Польше (1944—1946).

С этого времени представители Комиссии с польской и советской сторон регулярно встречаются на научных сессиях и конференциях, а также по мере необходимости — для обсуждения планов дальнейшей деятельности. В 1968—1974 гг. состоялись научные сессии и симпозиумы по проблемам: Историография обеих стран в сфере взаимных отношений

(Москва, 10—15 VI 1968 г.); Революционное рабочее движение в борьбе за польско-советскую дружбу (Варшава, 17—18 II 1969 г.); Итоги новейших исследований по проблематике раннесредневековых славянских феодальных государств (Киев, 23—28 VI 1969 г.); Боевое взаимодействие советских и польских военных частей в борьбе с гитлеровской Германией (Минск, 9—13 VII 1969 г.); 100-летие со дня рождения В. И. Ленина (Краков, 9—10 III 1970 г.); Связи польских и российских революционеров в XIX в. (Познань, 12—14 XI 1970); Общие черты и специфика развития Польши и Руси в XII—XIV вв. (Москва, 22—24 XI 1971 г.); Польско-советские отношения в 1917—1939 гг. (Варшава, 16—17 XI 1972 г.); Культурные связи народов Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения (Ленинград, 24—30 IX 1973 г.); Вопросы индустриализации СССР и народной Польши (Катовице, 19—21 III 1974 г.); Политические отношения стран Восточной Европы и бассейна Черного моря с последней четверти XV в. до начала XVIII в. (Сухуми, 28 X — 2 XI 1975 г.); Польско-российские культурные связи конца XIX в. — начала XX в. и влияние на них революционных событий 1905—1907 гг. (Краков, 22—27 XI 1976 г.); Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Структурные изменения рабочего класса СССР и Польши в период строительства социализма и коммунизма (Москва, 21—26 VI 1977 г.); Города в историческом развитии Польши и России в XIV—XVIII вв. (Люблин, 15—20 V 1978 г.); Крестьяне в России и в Польше в XIV—XVIII вв. (Москва, 25—29 IX 1979 г.).

XV конференция Комиссии состоялась в Гданьске 22—27 IX 1980 г. по теме: «Проблемы истории народов СССР и Польши в польской и советской историографии». Заседания конференции проходили в Институте истории Гданьского университета. Конференцию открыл ректор Гданьского университета проф. Я. Соколовский. В своей речи он обратил внимание на десятилетние связи Университета с советскими учеными. В заключение он пожелал собравшимся успехов в работе. В своем выступлении проф. Л. Базылёв отметил богатые традиции работы Комиссии. Одной из важных форм ее работы являются организуемые ежегодно попеременно в Польше и в СССР конференции. Нынешняя XV конференция в истории совместных контактов — юбилейная.

На конференции советские историки выступили с докладами: акад. И. М. Юргинис (Вильнюс) — «Великое княжество Литовское в современной советской историографии»; д-р ист. наук И. Б. Греков (Москва) — «Международные отношения в Восточной Европе XVI—XVIII вв. в советской историографии»; д-р ист. наук В. А. Дьяков (Москва) — «Социальная структура России, Польши и стран Восточной Европы в период перехода к капитализму в исследованиях советских и польских историков»; д-р ист. наук К. Ф. Шатилло (Москва) — «Советские исследования по истории России на рубеже XIX и XX вв.»; проф. Ю. Г. Перечнев (Москва) — «Проблемы истории Великой Отечественной войны Советского Союза и второй мировой войны в работах советских ученых»; канд. ист. наук А. К. Кавко — «Работы советских ученых о польско-советских отношениях в послевоенный период»; канд. ист. наук Г. Б. Куликова (Москва) — «Советские исследования по проблемам развитого социализма»; канд. ист. наук Ф. И. Новикова (Москва) — «Исследования советских ученых по проблематике борьбы СССР за мир и безопасность народов». Были также представлены доклады д-ра ист. наук А. А. Преображенского и канд. ист. наук И. А. Булыгина (Москва) — «Проблемы социально-экономического развития России в трудах советских ученых», а также проф. В. П. Наумова

(Москва) — «История Великой Октябрьской социалистической революции и ее значение для восстановления независимости Польши в исследованиях советских ученых».

Польские историки подготовили десять докладов: проф. Г. Ловмянский (Познань) — «Проблематика истории Восточной Европы в период образования русского государства (VI—X вв.) в польской историографии последнего двадцатилетия»; проф. С. Гершевский (Гданьск) — «Польша и Россия на Балтике в XVIII в.»; проф. Е. Охманский (Познань) — «Белоруссия эпохи феодализма в польской историографии»; доц. Г. Курписова (Гданьск) — «Революционное движение в России и польско-российские связи до 60-х годов XIX в.»; проф. Р. Вапинский (Гданьск) — «Польско-российские и польско-советские связи и отношения (90-е годы XIX в. — 1939 г.)»; доц. З. Лукавский (Краков) — «Польско-российские отношения на рубеже XIX—XX вв. в польской и советской историографии»; доц. М. Войцеховский (Торунь) — «История России на рубеже XIX и XX вв. (до Октябрьской революции)»; проф. М. Лечик (Варшава) — «Польско-советские отношения с 1917 до 1939 г. в польской и советской историографии»; проф. В. Бортовский (Лодзь) — «Освободительная война польского народа (1939—1945) в современной польской историографии»; д-р О. Вышомльская-Кузьминьская (Варшава) — «Научные связи Польши и СССР в польской и советской историографии».

В заключительной речи проф. Л. Базылёв отметил успешную работу конференции. Мысли и предложения, содержащиеся в докладах, были интересными и плодотворными. Особую благодарность проф. Базылёв выразил декану гуманитарного факультета Гданьского университета проф. С. Гершевскому, директору Института истории проф. Р. Вапинскому, заместителю директора Института доц. Г. Курписовой, а также всем, кто содействовал четкой организации конференции.

Заседания Комиссии нашли отражение на страницах «Дзеника Балтыцкого», «Глоса Выбжежа», а также в радиопередачах Гданьска. 24 сентября 1980 г.

состоялось очередное организационное заседание Комиссии обеих сторон.

В этот же день польские и советские историки были приняты в Воеводском комитете ПОРП в Гданьске. 25 сентября участники конференции посетили Старе Място и Вестерплатте. Делегация возложила цветы к памятнику героев Вестерплатте. Были организованы поездка на пароходе до Гдыни, экскурсия в Мальборк. Встреча с проф. Ч. Бернатем — директором Государственного архива в Гданьске, а также посещение выставки древних рукописей в этом архиве состоялись 26 сентября.

Характеризуя работу Комиссии, можно отметить, что она постоянно расширяла исследования, их тематику, популяризировала достижения и новые методы исследования. Она уделяла внимание истории общественной мысли, религиозных течений, литературы, науки и картографии. Обмен взглядами между польскими и советскими историками, занимающимися проблематикой польско-советских отношений межвоенного периода, дает возможность по-новому трактовать некоторые вопросы. Научный анализ опыта, полученного в процессе социалистического строительства, углубление знаний о развитии Польши, вкладе рабочего класса и всего польского народа в дело ее восстановления и индустриализации, формулирование ряда исследовательских постулатов, реализация которых способствовала более глубокому и всестороннему изучению проблем, ознакомление советских ученых с достижениями общественных наук в Польше, а также историографией польско-советских отношений — вот, помимо прочего, результаты работы Комиссии. В центре внимания Комиссии — освещение различных проблем, хронологически охватывающих период

от средневековья до новейшего времени, отличающихся большим тематическим диапазоном.

По положению, каждая из сторон печатает материалы симпозиумов, организованных в своей стране. К 15-летию работы Комиссии были опубликованы материалы семи научных конференций [1—7].

Бесспорно, что Комиссия в обеих странах является инициатором научных исследований по проблемам, которые до настоящего времени полностью не освещены; их реализация, обсуждение на конференциях и публикации способствуют популяризации результатов этих исследований.

Вышомирская-Кузьминьская О.

ЛИТЕРАТУРА

1. Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX w. Materiały sesji naukowej. Poznań, 12—14 XI 1970. Oprac. W. Śliwowska. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.
2. Stosunki polsko-radzieckie 1917—1939. Materiały sesji naukowej. Warszawa, 16—17 XI 1972. Oprac. E. Basiński. Warszawa, 1973.
3. Боевое содружество советского и польского народов. Комиссия историков Советского Союза и Польской Народной Республики. М., 1973.
4. Польша и Русь. Под ред. акад. Б. Рыбакова. М., 1974.
5. Osiągnięcia socjalistycznej industrializacji ZSRR i Polski Ludowej. Materiały sympozjum naukowego. Katowice 19—21 1974. Pod red. O. Wyszomirskiej-Kuźmińskiej. Warszawa, 1975.
6. Россия, Польша и Причерноморье в XV—XIII вв. Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1979.
7. Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Pod red. M. Leczyka. Warszawa, 1980.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ БОЛГАРИСТИКА. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

С 27 по 30 января 1981 г. во Львове проходила первая всесоюзная конференция советских болгаристов, посвященная 1300-летию основания болгарского госу-

дарства. Она была организована Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и советской частью Комиссии историков СССР и НРБ.

Для участия в конференции во Львов прибыли ученые-слависты из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны, а также большая группа болгарских ученых. В работе конференции участвовало более 200 человек. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано около 100 докладов и сообщений.

Открывая конференцию, чл.-корр. АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Марков подчеркнул, что она проходит в канун знаменательных событий в жизни советского и болгарского народов — XXVI съезда КПСС и XII съезда БКП. Народы Советского Союза и Болгарии связывает многовековая нерушимая дружба, крепнет и развивается советско-болгарское культурное сотрудничество. Ценный вклад в развитие этого сотрудничества призвана внести и нынешняя конференция. Современная болгаристика, отметил Д. Ф. Марков, должна рассматриваться как комплекс научных дисциплин. Контакты советских и болгарских ученых в этой области все больше расширяются и укрепляются. Они представляют собой высшую форму научного сотрудничества, поскольку их научное значение соединяется с общественно-политическим.

Чрезвычайный и Полномочный посол НРБ в СССР Д. Жулев огласил приветствие Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного Совета НРБ Т. Живкова участникам конференции. Руководитель болгарской делегации акад. П. Динев приветствовал собравшихся от имени научной общественности Болгарии и выступил с докладом о 1300-летию основания болгарского государства.

На пленарном заседании были заслушаны обзорные доклады д-ра ист. наук Л. Б. Валева «Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе», д-ра филол. наук В. И. Злыднева «Изучение болгарской литературы в СССР. Итоги и перспективы», д-ра филол. наук Е. И. Деминой «Основные направления разысканий в области болгарского языка и письменности в трудах советских ученых», д-ра ист. наук П. С. Сохана «Советская болгаристика на Украине».

Работа конференции была организова-

на по секциям. Наибольшее число участников собрала секция истории, на которой с докладами и сообщениями выступили 38 ученых из 13 городов и 19 научных центров.

Директор Института общественных наук АН УССР В. П. Чугаев рассказал о разработке славянской проблематики в своем Институте. В обзорных докладах Г. Г. Литаврина, А. С. Бейдиса, коллективном докладе Р. П. Гришиной, В. Ф. Кадацкого и Т. Ф. Маковецкой были рассмотрены достижения советской историографии в исследовании проблем средневековой, новой и новейшей истории Болгарии. Историографии возникновения Первого болгарского царства посвятил свое выступление Е. П. Наумов. Проблемы болгарского национально-освободительного движения в работах советских историков освещались в докладах Б. Н. Билунова, К. С. Лилуашвили, А. А. Улуяна, Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной. Вопросы исследования в советской историографии внешней политики Болгарии были в центре внимания выступлений В. К. Вёлкова и Л. Я. Гибианского. Основные этапы изучения в Советском Союзе жизни и деятельности Д. Благоева рассмотрел М. А. Бирман.

О формировании марксистско-ленинской концепции новейшей истории Болгарии в советских научных учреждениях в 20—30-е годы рассказал Г. И. Чернявский. Значительное внимание на секции было уделено изучению истории Болгарии в вузах и научно-исследовательских учреждениях и отражению ее на страницах советских научных периодических изданий (доклады Д. Б. Мельцера, Л. В. Гориной, Д. Г. Песчаного, К. А. Поглубко, В. Г. Дядькина, Г. Н. Попова, М. Д. Дихана, Н. Н. Яковлева, С. П. Бобровой и В. Г. Тарановой, А. К. Мартыненко, В. П. Чорния, М. М. Фрейденберга).

Исследованию в советской историографии советско-болгарских отношений и сотрудничества в различных областях общественно-политической и культурной жизни посвятили свои выступления Н. Т. Турявченко, В. В. Павленко, Т. А. Воздвиженская. И. Д. Иванцев осветил состояние советской историографии о влиянии Октября на революционное движение в Болгарии. В докладе

Н. Т. Сапроновой говорилось об изучении советскими исследователями учительского движения в общественно-политической жизни Болгарии 1879—1944 гг. Доклад В. И. Голуба был посвящен историографии проблем рабочего класса Болгарии в период социалистического строительства. Были сделаны доклады о проблеме протоболгар в трудах советских археологов (С. А. Плетнева) и об этнографическом изучении болгарского населения в СССР (Ю. В. Иванова). О состоянии научно-библиографической информации по болгаристике в Советском Союзе рассказала И. А. Калоева.

В работе секции активное участие приняли болгарские ученые. Акад. Х. Христов выступил с обзорным докладом «Рождение и развитие новой Болгарии», в котором поставил некоторые узловые вопросы исторического прошлого и современного развития болгарского народа. В. Трайков, М. Велева и Б. Матеев остановились в своих выступлениях на вкладе советских ученых в исследование наследия Г. Раковского, советско-болгарских научных связях в межвоенный период, сотрудничестве историков СССР и НРБ в изучении проблем новейшей истории Болгарии.

Доклады на секции показали, что за последние годы значительно возросло число исследователей, занимающихся изучением проблем истории Болгарии, расширилась тематика, все большее значение приобретает комплексный метод в советской болгаристике, основное внимание ученых сосредоточивается на решении узловых проблем истории Болгарии. Вместе с тем докладчики отмечали, что ряд вопросов и аспектов болгарской истории все еще ждет своих исследователей, указывалось и на то, что ощущается недостаток в историографических работах по болгаристике.

На заседаниях секции литературоведения и истории культуры было заслушано 28 докладов. Проблематика секции носила комплексный характер. Речь шла об изучении болгарской литературы и культуры в СССР с древнейших времен до наших дней. Значительное внимание было уделено проблемам изучения древней и средневековой болгарской литературы. Особый интерес вызвал доклад акад.

Д. С. Лихачева «Тырновская книжная школа в трудах советских славистов и перспективы ее изучения». Докладчик подчеркнул важность исследования корней и национальных особенностей Тырновской книжной школы, показал значение школы как продолжательницы дела Кирилла и Мефодия, внесших огромный вклад в развитие славянской и мировой культуры. С обзорным докладом о развитии болгарской литературы выступил П. Динеков. Исследованиям древнеболгарской литературы в СССР посвятили свои выступления И. И. Калиганов и гость из НРБ К. Мечев. Был заслушан доклад болгарского ученого М. Бычварова «Петр Берон и болгарская возрожденческая литература». Изучение в нашей стране болгарской прозы освещалось в докладах З. И. Карцевой, В. И. Гопчарова и болгарских гостей В. Колевского и Ст. Кодарова; о болгарской драматургии в СССР рассказала Н. И. Пономарева. Ю. И. Смирнов и Н. С. Шумада сообщили об изучении в Советском Союзе болгарского фольклора. Об издании произведений болгарских писателей на русском языке и языках других народов СССР рассказала Л. П. Лихачева. В. И. Анискович и М. Я. Гольберг, освещавшие изучение болгарской литературы в Белоруссии и на Украине, также коснулись этого вопроса. Об исследовании советскими учеными русско-болгарских и украинско-болгарских связей в области науки, литературы, искусства, письменности говорилось в докладах В. Д. Андреева, Е. В. Шевченко, В. А. Захаржевской, Я. Д. Исаевича, Д. В. Стеновика, И. И. Дорошенко, В. В. Бойко, С. Ю. Лукаш и И. Г. Поповой. Изучению в СССР болгарского изобразительного искусства были посвящены доклады Е. П. Львовой, И. Н. Воейковой, болгарского ученого М. Класанова; болгарского кино — выступление Н. М. Суменова. Об исследованиях в УССР истории болгарской философии рассказал М. Н. Верников. Л. Минкова (НРБ) проанализировала материалы советских архивов по истории болгарской культуры и литературы. С докладом «Болгаристика в г. Львове» выступила С. Божкова (НРБ).

В секции языкознания было заслушано 24 доклада. Обзорный доклад «Состояние исследований по истории болгарского языка в Болгарии после второй мировой войны» сделала директор Института языкознания БАН проф. Д. Мирчева. Проблемам истории болгарского языка в исследованиях советских ученых были посвящены доклады Е. В. Чепко, Р. М. Цейтлин, Г. К. Венедиктова. В выступлении Г. П. Клешиковой затрагивались вопросы анализа болгарского языка в лексико-семантических трудах советских славистов. О преподавании болгарского языка в советских вузах говорили П. А. Дмитриев, И. В. Платонова, А. К. Смольская. Исследования болгарского языка в трудах украинских и белорусских славистов рассмотрели И. А. Стоянов и Б. Ю. Норман. Проблемы диалектологии болгарского языка освещались в докладах Т. В. Поповой, Э. И. Зелениной и болгарского ученого И. Кочева. Исследованиям современного болгарского языка посветили свои выступления П. Пашов (НРБ) и Е. А. Захаревич. Изучение вопросов синтаксиса в работах советских болгаристов осветила М. Г. Рожновская. Т. И. Панько проанализировала работы советских лингвистов о процессах формирования болгарской политэкономической терминологии. О связях болгарского языка с другими славянскими языками и языками балканского ареала говорили в своих выступлениях Т. В. Цивьян-Михайлова, Т. Н. Молошная, Г. А. Цихун, Я. В. Закревская. С докладом об итогах и перспективах изучения данных болгарского языка для славянской акцентологии выступил В. А. Дыбо.

На заключительном пленарном заседании с обзорным докладом «1300-летие Болгарии и задачи исторической болгаристики» выступила ученый секретарь президиума БАН, проф. Кр. Шарова. Руководители научных секций Л. Б. Валев, В. И. Злыднев и Е. И. Демина доложили об итогах секционных заседаний. В их отчетах содержались предложения сделать конференции советских болгаристов периодическими научными форумами. Выступивший на заседании П. Диневков выразил от имени болгарской делегации глубокое удовлетворение работой конференции, подчеркнув, что она прошла на высоком научном, теоретическом и методологическом уровне.

Закрывая конференцию, Д. Ф. Марков сказал, что научный форум во Львове стал демонстрацией достижений советских болгаристов, а также прочного сотрудничества советских и болгарских ученых.

Специально к конференции ИНИОН АН СССР и БАН выпустили ценные библиографические справочники об исследованиях по болгаристике в Советском Союзе [1—2].

Валева Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская болгаристика. Указатель литературы 1945—1980. (В 3-х частях). М., 1981.
2. Съветски българистични изследвания. История, литературознание, езикознание, фолклор. Литература, издадена в България 1944—1980. София, 1981.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ЮГОСЛАВСКИХ ИСТОРИКОВ В БЕЛГРАДЕ

В соответствии с планом научного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Сербской академией наук и искусств 18—20 ноября 1980 г. в Белграде состоялась конференция («круглый стол») советских и югославских историков по теме «Юго-

славянские земли и Россия в период Первого сербского восстания». С приветствиями к участникам конференции обратились академики В. Чубрилович и А. Л. Нарочницкий. Член-корр. САНИ С. Гаврилович и канд. ист. наук В. П. Грачев доложили собравшимся о

выходе в свет первого тома публикации документов «Первое сербское восстание и Россия», охарактеризовав научное значение этого издания. Советские историки подготовили для конференции следующие доклады: А. Л. Нарочницкий «О месте Первого сербского восстания среди революций и национально-освободительных движений конца XVIII и начала XIX в.», В. Г. Сяроткин «Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (1801—1808)», И. С. Достян «Русско-югославянские общественные связи в период Сербской революции», В. П. Грачев «Политика России в сербском вопросе в 1804—1806 гг.», В. И. Шеремет «Новейшая турецкая историография о сербском восстании», Л. Е. Семенова «Константин Империант и Сербское восстание (1804—1806)», Е. К. Вяземская «Сербская депутация в Константинополе (май 1805 г.)», А. П. Бажова «Карагеоргий в России», Н. И. Хитрова «Из истории развития русско-черногорских политических контактов в первые годы XIX в.», Н. И. Казаков «Проект адриатической экспедиции адмирала П. В. Чичагова в 1812 г. и русско-сербские взаимоотношения в период ее подготовки».

С 11 докладами выступили югославские историки: В. Чубрилович «Международное положение югославянских земель в конце XVIII и начале XIX в.», Ф. Цвиттер «Французские революционные идеи

в западных югославянских землях во время Французской революции и правления Наполеона I», С. Гаврилович «Австрия и присутствие русских в Сербии. 1811—1812 гг.», М. Джорджевич «Россия и турецкие Балканы», М. Деспот «Отклики на обстановку в Европе и югославянских землях в „Диариуме“ Максимилиана Врховца от 1806 до 1813 г.», В. Стоянчевич «Сербско-русское сотрудничество на территории Восточной Сербии в 1807—1812 гг.», К. Джамбазовский «Участники Первого сербского восстания о борьбе сербов и русских с турками в 1807—1812 гг.», Д. Янкович «Россия и государственное устройство повстанческой Сербии», С. Обад «Далмация и Первое сербское восстание», В. Форетич «Русско-черногорская война с Францией 1806—1807 гг. и падение Дубровника», Т. Ничевич «Роль Черногории и митрополита Петра I в подготовке Первого сербского восстания (1802—1804)».

В докладах и выступлениях советских и югославских специалистов анализировался характер и историческое значение сербской революции, роль России в борьбе сербов и других югославянских народов за свое национальное освобождение и создание самостоятельных государств. Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике Сербской академии наук и искусств.

Достян И. С.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ КОЛЛОКВИУМ «ФАШИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СТРАН ЕВРОПЫ. 1918—1945»

В соответствии с планом научного сотрудничества советских и польских историков 11—12 декабря 1980 г. в Варшаве состоялся очередной (третий) коллоквиум (о первых двух см. [1—2]) по проблеме «Фашизм и антидемократические режимы в Европе. 1918—1945». В рамках темы настоящей встречи — «Фашизм и социальная структура стран Европы 1918—1945» — были рассмотрены некоторые экономические, социальные и культурно-исторические аспекты германского национал-социализма.

Профессор Ф. Рышка (Варшава) в докладе «Консерватизм и псевдоноваторство третьего рейха», полемизируя со сторонниками распространенного в западной литературе тезиса о том, что гитлеровский фашизм был реакционным только в политическом плане, но будто бы сделал шаг вперед в организации экономики, в «модернизации» общественных структур и т. д., обратил внимание на необходимость углубленного, с учетом всех основных факторов, изучения экономики и главных тенденций развития германского

общества в период третьего рейха.

В своих выводах докладчик подчеркнул, что социальнo-экономические нововведения нацистов служили подготовке агрессии и распространению новых методов ведения захватнической войны, следовательно, носили деструктивный характер и означали общественный регресс.

Доцент Е. Хольцер (Варшава), посвятив свое выступление генезису национал-социализма, исходил из положения, что отдельные процессы, характерные для Германии периода фашистской диктатуры, проявлялись и в других государственно-политических системах при капитализме, но только их совокупность в одной системе имела следствием столь отрицательное историческое явление, как национал-социализм. Например, гегемонистские устремления были присущи Германии с 1871 г., но при Гитлере происходило непрерывное наращивание экспансионистских целей вплоть до крайней формулы: все или ничего. Новой формой гегемонизма стал тогда реваншизм. Отличительной чертой нацистского милитаризма, по мнению докладчика, было то, что национал-социализм не признавал ведущей роли военных сил, но военные действия ставил выше политических и тем самым давал армии уверенность, что осуществит ее основные цели. Германский национализм периода нацизма отличался от предшествующих его форм крайней агрессивностью и отказом в международных и межгосударственных отношениях от каких бы то ни было моральных норм и ограничений.

Профессор В. Длугоборский (Краков) в докладе «Генезис и сущность фашистского общественного солидаризма» показал, что концепция «народной общности» сыграла важную роль в развитии национал-социалистского движения и затем в формировании социальнo-политической системы третьего рейха. Она, во-первых, стала основой нацистской идеологии, представляя собой связующее звено между этой идеологией и более ранними националистическими и солидаристскими концепциями. Во-вторых, она явилась таким элементом идеологического комплекса нацистов, который легче всего проник в сознание масс, сначала расширив круг сторонников фашистского движения,

а после прихода его к власти — способствуя ослаблению социальной напряженности. Концепция «народной общности» развивалась в гитлеровскую модель «нации», которая в третьем рейхе приобрела в значительной мере нормативный характер.

Доцент Е. Борейша (Варшава), остановившись в своем выступлении на социальном составе фашистских движений, отметил, что только в Германии и Италии фашистам удалось повести за собой некоторую часть рабочих. В других западных странах они не получили поддержки в пролетарской среде.

Значительное место в работе настоящего коллоквиума, как и предыдущих встреч, заняла проблематика стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Канд. ист. наук И. В. Михутина (Москва) в докладе «О месте крестьянских партий в эволюции политических систем стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами» выдвинула тезис о том, что полновинчатость буржуазно-парламентских систем, оформлявшихся в этой части Европы после первой мировой войны, и непродолжительность их существования была связана со своеобразным политическим обликом основных классов и общественных слоев и соотношением сил между ними. Политическое самоопределение рабочего класса и крестьянства усиливало антидемократизм буржуазии, питаемый как тягой к привычным в этой части континента авторитарным государственно-политическим структурам, так и потребностью в концентрации власти, связанной с новейшими тенденциями монополистической стадии капитализма.

В функционировании на протяжении межвоенных лет массовых крестьянских партий, — подчеркнуто в докладе, — нашла выражение такая специфическая черта социальнo-экономического развития района (за исключением Чехословакии), как незавершенность капиталистического преобразования аграрного строя, надолго затянувшая процесс превращения крестьянства из феодального класса в социальную группу капиталистического общества. Политическим содержанием деятельности крестьянских партий, если они действительно отражали соци-

альные интересы крестьянства в такой переходной стадии, являлась борьба за утверждение демократии. В этом качестве они выступали антиподом авторитарных и фашистских сил буржуазии. Непоследовательность же демократической линии, по-видимому, была своеобразным проявлением двойственного положения крестьянства, на которое не раз обращал внимание В. И. Ленин.

Тема выступления д-ра ист. наук Р. П. Гришиной (Москва) — «Особенности социально-экономической структуры и политического развития Болгарии в межвоенные годы». Среди них — развитие в Болгарии ряда высших форм капиталистического способа производства, включая монополии и государственно-монополистический капитализм, при количественном преобладании форм, свойственных раннекапиталистическому и даже докапиталистическому периоду. Исходя из положения, что фашизм — это специфическая форма государственно-монополистического капитализма, Р. П. Гришина считает, что в 20-е годы отдельные элементы государственно-монополистического капитализма не могли качественно повлиять на структуру базиса. Поэтому государственный переворот 1923 г. и попытка сформировать затем режим фашистского типа были главным образом результатом чрезвычайных политических обстоятельств, когда надстройка временно обогнала недостаточно модернизированный базис.

С середины же 30-х годов государственно-монополистическая политика, приводящая к превращению хозяйства в регулируемое, уже в гораздо большей степени опиралась на потребность экономически слабой болгарской буржуазии в использовании авторитета государства в своих целях. Особенности развития государственно-монополистического капитализма в обществе, недостаточно развитом капиталистически, способствовали, как подчеркнуто в докладе, установлению монархо-фашистского режима — специфической формы верхушечного фашизма.

Из доклада доцента М. Козьминского (Варшава) о «социально-политических предпосылках развития парафашистских движений в межвоенной Венгрии» следует, что экономической основой де-

стабилизации общественных структур здесь послужило резкое замедление в рассматриваемый период темпов экономического развития в условиях незавершенного к тому времени формирования социально-экономических структур капитализма. Это вызвало к жизни ряд специфических проблем — проблему многочисленного безземельного сельского населения, лишенного работы вследствие снижения темпов развития экономики, проблему джентри, особого среднего слоя, чьи политические амбиции намного превосходили его экономическую роль, так называемый еврейский вопрос — которые стали существенными факторами усиления социальной напряженности.

Среди важных социально-политических предпосылок развития крайне правых и парафашистских движений в Венгрии докладчик подчеркнул роль Трианонского мирного договора, вызвавшего в широких общественных кругах обостренное чувство исторической несправедливости.

Профессор А. И. Пушкаш (Москва), остановившись на отношении правившего в Венгрии хоргизма к оппозиции слева и справа, показал, что этот режим был беспощаден к революционному крылу рабочего движения, применяя против него исключительную политику, но допустил легальную деятельность в оппозиции социал-реформистской партии и профсоюзов. Внутри самой правящей группировки не было полного единства. На разных этапах из ее состава выделялись фракции, стремившиеся к образованию собственных партий и составлявшие по отношению к правительству оппозицию справа. В 30-е годы некоторые из этих фракций были допущены к власти.

По представленным на обсуждение докладам состоялась творческая дискуссия, что позволяет считать прошедшую встречу дальнейшим шагом в изучении фашизма и антидемократических диктатур в Европе на первом этапе общего кризиса капитализма.

И. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение, 1976, № 4; 1979, № 3.
2. Dzieje Najnowsze, 1978, № 1.

В НАУЧНОМ СОВЕТЕ ПО ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

10 декабря 1980 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось расширение заседания Бюро секции «Проблемы истории культуры Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики», в работе которого наряду с сотрудниками Института приняли участие ученые из других организаций Москвы (МГУ, ВНИИ искусствоведения Министерства культуры СССР), а также из Ленинграда, Киева и Минска.

На заседании обсуждалось состояние работы в области истории культуры славянских и балканских народов и задачи, стоящие перед историками культуры в настоящее время. Большое внимание было уделено также вопросам координации усилий по разработке проблем культуры, рецензированию трудов, пропаганды опыта комплексных и других видов исследования. Среди изданий, которые могли бы оказать в этом отношении существенную помощь исследователям, были названы журнал «Советское славяноведение» и «Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур».

Значительное место на заседании Бюро секции было уделено обмену информацией об изданных в последние годы и подготовленных трудах по проблемам культур славянских и балканских народов.

В докладе «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов» председатель секции В. И. Злыднев подробно остановился на обобщающих комплексных исследованиях и отдельных монографиях по проблемам истории культуры, охватывающих период от древности до современности: «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв.» (1978); «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований» (1979); «Славянское барокко (историко-культурные проблемы)» (1979) и др.

Докладчик отметил интенсивную работу библиографов, указав на выход в

свет за последнее время нескольких аннотированных библиографических указателей, сборников: «Современные славянские культуры. Развитие, взаимодействие, международный контекст» (1979, в семи выпусках); «Развитие связей между СССР и ПНР в области культуры. 1965—1975. Аннотир. библиограф. указ.» (М., ВГБИЛ, 1979).

В. И. Злыднев подчеркнул значение конференций и симпозиумов, в работе которых принимали участие члены секции истории культуры. Особо активная и плодотворная деятельность этих секций была отмечена на Всесоюзной научной конференции «Проблемы истории социально-политического развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, формирования и развития мирового социалистического сотрудничества» (Львов, январь 1979 г.), на международной комплексной конференции «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст», проходившей под эгидой ЮНЕСКО (Киев, май—июнь 1979 г.). Докладчик сообщил об участии советских славистов-историков культуры в международных конференциях в Софии, Праге, Вене, Анкаре, Дюссельдорфе, Париже. В. И. Злыднев также информировал членов Бюро секции о работе сектора историко-культурных проблем.

Выступившие на заседании научные сотрудники Института славяноведения и балканистики А. И. Рогов, С. В. Никольский, Л. Н. Смирнов, М. Б. Ешич, Ю. И. Смирнов рассказали о работе своих секторов и групп, обратив особое внимание на готовящиеся труды обобщающего и комплексного характера, тяготеющие к историко-культурной проблематике. Среди исследований подобного характера, планируемых на ближайшие годы, особый интерес вызвали такие работы, как монография А. И. Рогова «Культурные связи России с балканскими народами в эпоху позднего средневековья», коллективные сборники: «Основные этапы формирования западно- и южнославянских

литератур (генезис, эволюция, становление национального типа)», «Литературные связи и литературный процесс», над которыми работают сотрудники сектора славянских литератур; сборник статей «Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе», подготавливаемый сектором славянского языкознания.

Ю. И. Смирнов сделал сообщение о работе полесских экспедиций, подчеркнув их важность для проблематики славянского этногенеза и выяснения славянского языкового этнического и культурно-исторического фонда.

А. С. Мыльников выступил с развернутым сообщением «Историко-культурная проблематика в деятельности Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики». Проблемы культуры, подчеркнул он, входят важной составной частью в ведущие направления, соответствующие комплексным проблемам, на которых сосредоточена деятельность Ленинградского отделения Научного совета, а именно — этногенез, формирование наций и история науки. Вопросы истории культуры, прежде всего славянских народов, также рассматриваются как составная часть общеисторического и культурного процесса, что отчетливо прозвучало на симпозиуме, проведенном совместно с Секцией историографии Научного совета (апрель, 1979 г.), где было поднято два вопроса: «Методологические и методические вопросы изучения истории отечественного славяноведения» и «Место историков СССР и филологов-русинов в развитии общих проблем истории отечественного славяноведения».

А. С. Мыльников подчеркнул, что историко-культурная проблематика рассматривается не только на базе западно- и южнославянского материала, но и в контексте истории и культуры других народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в России (в историческом аспекте) и контактов народов ареала с западными соседями.

Представитель Института искусствоведения АН УССР ст. науч. сотрудник Д. В. Степовик познакомил членов Бюро секции с трудами украинских славис-

тов, выделив работы по социальной истории (коллективная монография, представленная Институтом истории АН УССР «Культурное сотрудничество славянских стран на современном этапе», 1978), по славянским литературам (работа ведется в плане традиционного направления украинского литературоведения — сравнительного изучения славянских литературных связей, например, книга Н. А. Малинской «Творчество Олеса Гончара в советско-чехословацких литературных связях», 1978). Вышли в свет и обобщающие труды по истории отдельных славянских литератур: сборник «Литература правды и прогресса. К вопросу развития литературного процесса в странах социалистического содружества», 1979 г., и другие. Весомый вклад в славяноведение и балканистику делают украинские лингвисты, главным образом в области сравнительного языкознания — ведущей дисциплины украинской филологии.

В 70-е годы в республике активизировалась работа в области изучения искусств — музыковедения, театроведения, изобразительного искусства и киноведения. Опубликована монография Д. В. Степовика «Болгарское изобразительное искусство», подготовлен к печати сборник «Искусство социалистических стран Европы на современном этапе», в котором сделана попытка комплексного осмысления процессов и тенденций в искусстве европейских социалистических стран.

Ст. научн. сотрудник Института литературы АН БССР А. И. Мальдис остановился на работах белорусских славистов, а также на участии ученых Белоруссии в республиканских, общесоюзных и международных конференциях.

С большими теоретическими и организационными задачами, стоящими перед создателями комплексного международного труда по фольклористике: «Разбойничий — збойничий — гайдуцкий фольклор славяно-карпатско-балканского региона XVII—XVIII вв.», познакомил членов Бюро секции ленинградский ученый д-р ист. наук Б. Н. Путилов. Подробно осветив характер этого многожанрового исследования и состояние работы над ним в настоящее время, Б. Н. Путилов подчеркнул, что для успешного завершения труда необходимо привлечь к работе

сотрудников Института славяноведения и балканистики.

Интересный и весьма актуальный в настоящее время вопрос о подготовке кадров историков культуры, о необходимости быстрого создания курсов лекций по истории культуры славянских и балканских народов для университетов и других высших учебных заведений страны был поднят в выступлениях преподавателя кафедры славянской филологии МГУ докт. филол. наук Е. З. Цыбенко и ст. научн. сотрудника ВНИИ искусствознания И. Е. Светлова. Он также подробно информировал о тех работах по истории культуры славянских и балканских народов, которые вышли за последнее время, назвав в том числе: «Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1978), «Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1979), «Музыка социалистической Чехословакии. 1945—1975. Сборник статей чешских и словацких музыковедов». Сост. и ред. Е. Н. Егорова (1980). Сектором искусства социалистических стран ВНИИ искусствознания подготовлен к печати сборник «Пути развития и взаимосвязи советского и чехословацкого искусства».

Расширенное заседание Бюро секции «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов» приняло решение, в котором отмечается, что за последнее время активизировалась работа по проблематике истории культуры, что нашло отражение в издании ряда трудов обобщающего комплексного характера, а также в широком обсуждении проблем культуры на конференциях и симпозиумах республиканского, союзного и международного характера. В то же время Бюро секции считает необходимым улучшить координацию усилий по разработке проблем истории культуры, уделять большее внимание рецензированию трудов по данной тематике, пропаганде опыта комплексных и других видов исследования, наладить регулярный обмен библиографией по проблематике истории культуры славянских и балканских народов. Бюро секции выразило пожелание привлечь внимание историков-славистов к проблеме истории культуры на конференции в Ужгороде (сентябрь, 1981 г.), на международной конференции «Славянские культуры и мировой культурный процесс» в Минске (1982) и на очередном конгрессе славистов в Киеве (1983).

Тимова Л.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КРАВЦОВ

9 сентября 1980 г. скоропостижно скончался крупный советский ученый-славист д-р филолог. наук профессор Николай Иванович Кравцов.

Активная научная и педагогическая деятельность Н. И. Кравцова протекала на протяжении полувека. За это время он раскрылся как литературовед широкого профиля и крупный фольклорист. Он проявлял глубокий интерес к русской литературе и особенно к литературе южных славян, занимался русским фольклором, хотя наиболее значительный вклад внес в изучение фольклора сербского и болгарского народов. Свыше двух десятилетий Н. И. Кравцов работал в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, участвуя в коллективных трудах, сборниках и серийных изданиях. С начала 60-х годов стал преподавать в МГУ, где читал курсы лекций по славянским литературам, а затем более десяти лет возглавлял кафедру фольклора на филологическом факультете. С 1967 г. Н. И. Кравцов был председателем Научного совета по фольклору при Отделении языка и литературы АН СССР, проводил большую научно-организационную работу в рамках разных научно-исследовательских институтов и вузов Советского Союза.

Н. И. Кравцов родился в 1906 г. в слободе Орехово Волгоградской области в крестьянской семье. В 1923 г. он поступил в Московский институт слова, который окончил в 1925 г. по словесному отделению. С 1926 по 1929 гг. учился на литературном отделении этнологического факультета МГУ, который окончил по русскому и западному циклам. В университете и после его окончания Н. И. Кравцов специализировался в области изучения славянских языков и литератур. Своими учителями он с гордостью называл университетских профессоров А. М. Селищева и Ю. М. Соколова. Первый из них пробудил интерес молодого филолога к языкам и литературам южных славян, а второй — к устному народному творчеству.

С 1929 г. началась литературная и научная деятельность Н. И. Кравцова. Он работал редактором в Государственном литературном издательстве, а позднее —

в издательстве «Academia», литературным секретарем газеты «За коммунистическое просвещение». В 1929 г. публикуются его статьи «С. Есенин и народное творчество», «Фольклор и язык». В 1933 г. в издательстве «Academia» выходит подготовленный Н. И. Кравцовым том «Сербский эпос» с его обстоятельным исследованием, комментарием и библиографией. Этим изданием советская общественность впервые знакомилась в таком объеме с богатейшим собранием народных песен югославян, отражавших их героическую борьбу за свободу.

С 1939 г. Н. И. Кравцов — преподаватель Тамбовского педагогического института, а позднее — заведующий кафедрой литературы. В 1944 г. он защищает кандидатскую диссертацию «Новелла как жанр» и с осени этого же года зачисляется докторантом Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького, где в 1947 г. защищает докторскую диссертацию «Сербский эпос». На этот раз исследователь более глубоко входит в проблематику героических песен, поставив в центр изучения вопросы происхождения и развития сербского эпоса, его связь с исторической действительностью, его художественные особенности. Основные положения диссертации нашли отражение в опубликованных статьях слависта: «Сербский эпос и история» (1948), «Идейное содержание сербского эпоса» (1951). В 1960 г. издательство «Художественная литература» предприняло новое издание «Сербского эпоса» в двух томах с новыми переводами. Инициатором этого издания, составителем, автором вступительной статьи и комментариев был Н. И. Кравцов.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР, где Н. И. Кравцов работал старшим научным сотрудником с 1947 г., расширился круг его научных интересов. В эти годы он опубликовал ряд статей по болгарскому фольклору, выступил со статьями о творчестве болгарских, хорватских, сербских и словенских писателей, разрабатывал проблемы межславянских литературных отношений, закономерностей литературного процесса. К числу значительных достижений Н. И. Кравцова как литературоведа —

слависта следует отнести его статьи в коллективном труде «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (1959), где он был одним из основных авторов: разделы по истории культуры народов Югославии с древнейших времен до начала XX в. («История Югославии», т. I. М., 1963); крупное исследование «Русско-югославские литературные связи» (сб. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957), а также статьи обобщающего характера об основных тенденциях развития хорватской и словенской литератур конца XIX — начала XX в. (публикации 1968 и 1970 гг.). Вышедшие в разных изданиях статьи Н. И. Кравцова по проблемам истории славянских литератур, межславянским отношениям составили отдельную книгу «Проблемы сравнительного изучения славянских литератур» (изд-во МГУ, 1973), которая представляет значительный интерес и по богатству собранного материала и по предлагаемой автором методологии исследования.

С середины 60-х годов основная научная и педагогическая деятельность Н. И. Кравцова протекала в Московском университете. Его давний интерес к русской литературе выразился в подготовке учебника «История русской литературы второй половины XIX в.» (1966), в котором он выступил как главный редактор и автор нескольких глав. Большое место в этот период заняли вопросы исследования фольклора славянских народов. Основные его работы в этой области составили книги: «Проблемы славянского

фольклора» (М., 1972); «Славянский фольклор» (учебное пособие для студентов изд-во МГУ, 1976); «Русское народное творчество» (М., 1977) — учебник для филологов, подготовленный совместно с С. Г. Лазутиным. Под редакцией Н. И. Кравцова вышли четыре выпуска сборников МГУ «Фольклор как искусство слова», в которых рассматриваются идейно-эстетические достижения в фольклоре разных славянских народов.

Большую научно-организационную работу Н. И. Кравцов проводил и как председатель Секции славянских языков и литератур Министерства высшего и среднего специального образования СССР, как член редколлегий журналов «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Вестник Московского университета. Филология», как член ученых советов Института славяноведения и балканистики АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького, филологического факультета МГУ.

Автор более двухсот статей и книг, учебников и учебных пособий, неутомимый труженик и воспитатель многих славистов в Москве, Киеве, Тамбове и других городах, Н. И. Кравцов пользовался заслуженным авторитетом и уважением у нас и в среде зарубежных славистов. Правительство Народной Республики Болгарии наградило его орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Память о Николае Ивановиче Кравцове, ученом-слависте и человеке высокого гражданского и патриотического сознания, навсегда останется в сердцах его учеников и коллег.

Зыднеев В. И.

The XXVI-th Congress of the Communist Party of the USSR. *Markov D. Th. Results and Naer Perspectives of Scientific Research of the Institute of Slavic and Balkan Studies. Gibianskii L. J.* The USSR, Great Britain and the USA Attitudes to Bulgaria, Romania and Hungary on the Eve of the Crimean Conference. *Pop I. I.* The Problem of the Slovak National Uprising in the Context of the Czechoslovak-Soviet Relations. *Boldov A. V.* Preparation of the «sanacija» to the Creation of its Political Organization (May 1935 — February 1937). *Voronkov I. A.* The Polish-Russian Revolutionary Traditions at the Uprising of 1830—1831 in the Polish Kingdom. *Begunov Yu. K.* To the Church-Political Planning of Gregory Camlak. *Akimova O. A.* The Particular Uses of the Antique Sources in the History of Salona and Split Archbishops. *Mozhajeva I. E.* Cyrillo-Methodiana Studies Today. *Dulichenko A. D.* The Slavic Literary Microlanguages 3

RFVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

Noskova A. R. Nazarewicz. Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939—1945. *Makovitskaya T.* Александр Стамболийски. Избрани произведения. *Strukova K. H. И.* Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. *Perkhavko V. B. K.* Jodłowski. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w p. e. *Zhuk V. A. B. П.* Ведина. Ежи Пуграмент. *Varvarina E.* Ничев Б. Съвременният български роман (към история и теория на епичното в съвременното българске художествена проза). 99

SCIENTIFIC LIFE

Vyshomirska-Kuzminska O. The Scientific Conference of the Commission of the Historians of the USSR and Poland. *Valeva E.* The All-Union Scientific Conference «The Bulgarian Studies in the USSR. Results and Perspectives». *Dostian I. S.* The Conference of the Soviet and Yugoslavian Historians in Belgrade. *I. V.* The Soviet-Polish Colloquium «Fascism and the Social structure of the Countries of Europe. 1918—1945». *Titova L.* At the Scientific Council of the Problems of the Slavic and Balkan Studies. *Zlydnev V. I.* N. I. Kravtsov 113

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДБЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.02.81   Подписано к печати 22.04.81   Т-04094   Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2   Усл. кр.-отт. 14,6 тыс.   Уч.-изд. л. 12,5   Бум. л. 4,0
Тираж 1260 экз.   Зак. 131

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891